

Генри Райдер Хаггард

Она

Генри Райдер Хаггард
Она
Серия «Приключения Айеши», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125063

Аннотация

«Несколько лет тому назад я, издатель этой удивительной, необыкновенной истории приключений, редко выпадающих на долю простых смертных, находился вместе со своим закадычным другом в Кембриджском университете. Однажды я увидел двух джентльменов, которые прогуливались рука об руку по улице, и был поражен их наружностью. Один из них был необыкновенно красивый молодой человек, высокого роста, широкоплечий, с прирожденной грацией в движениях, со спокойным и уверенным видом. У него было прекрасное, безукоризненно правильное лицо, а когда он аил шляпу, увидев какую-то даму, то я обратил внимание, что волосы его вились золотистыми кудрями...»

Содержание

Предисловие	4
I. Посетитель	7
II. Годы идут	10
III. Таинственный сундук	13
IV. Шквал	18
V. Голова негра	21
VI. В плену	25
VII. Песня устаны	30
VIII. Пир	34
IX. Мертвая красавица	38
X. В дороге	41
XI. Равнина Кор	43
XII. «Она»	46
XIII. Аэша	49
XIV. Заклинания Аэши	54
XV. Суд Аэши	57
XVI. Древние могилы	60
XVII. Объяснение	63
XVIII. Уйди прочь, женщина!	66
XIX. Танцы дикарей	69
XX. Торжество Аэши	72
XXI. Живой и мертвый Калликрат	75
XXII. Предчувствие Джона	77
XXIII. Храм истины	80
XXIV. Через пропасть	83
XXV. Огонь жизни	87
XXVI. Что мы видели	91
XXVII. Мы ползем	94
XXVIII. По горам	97

Генри Райдер Хаггард

Она

Предисловие

Несколько лет тому назад я, издатель этой удивительной, необыкновенной истории приключений, редко выпадающих на долю простых смертных, находился вместе со своим закадычным другом в Кембриджском университете. Однажды я увидел двух джентльменов, которые прогуливались рука об руку по улице, и был поражен их наружностью. Один из них был необыкновенно красивый молодой человек, высокого роста, широкоплечий, с прирочденной грацией в движениях, со спокойным и уверенным видом. У него было прекрасное, безукоризненно правильное лицо, а когда он аил шляпу, увидев какую-то даму, то я обратил внимание, что волосы его вились золотистыми кудрями.

– Заметил ты этого человека? – спросил я своего друга. – Он похож на ожившую статую Апполона... Какой красавец!

– Да, – ответил мой приятель, – это редкий красавец и милейший человек! Его прозвали «греческим божком». Взгляни на другого! Это опекун и ангел-хранитель. Его называют «Хароном», вероятно, вследствие его отталкивающей внешности, или потому, что он перевез свое опекаемое дитище по глубоким и мутным водам экзамена. Правда, точно не знаю.

Я посмотрел на старшего джентльмена и нашел его не менее интересным, чем его красивый спутник. Второму джентльмену можно было дать около 40 лет; он был настолько же безобразен, насколько хорош шедший рядом с ним юноша. Коротенький, хромой, со впалой грудью и несоразмерно длинными руками, он имел темные волосы и маленькие глазки. Лоб его зарос волосами, а бакенбарды начинались чуть ли не от глаз, так что из-под волос почти не видно было лица. В общем, он напомнил мне гориллу, хотя в глазах его и мелькало что-то притягивающее внимание. Помню, я сказал, что очень хотел бы познакомиться с ним.

– Отлично! – ответил мой приятель. – Ничего нет легче! Я знаю Винцея и познакомлю тебя с ним!

Он так и сделал, и через несколько минут мы уже весело болтали о том о сем. В это время мимо нас прошла низенькая леди в сопровождении хорошенькой девушки. Мистер Винцей, очевидно, знакомый с дамами, тотчас же присоединился к ним. Мне стало смешно, когда я заметил, как изменилось при виде дам лицо старшего джентльмена, имя которого, как я узнал, было Холли.

Он вдруг замолчал, бросил укоризненный взгляд на своего спутника и, кивнув мне, повернулся и один двинулся по улице. Потом я узнал, что мистер Холли боялся женщин так же, как другие боятся бешеных собак. Этим и объяснялось его поспешное отступление. Не могу сказать, чтобы молодой Винцей выказал в данном случае отвращение к дамскому обществу. По натуре он был очень добродушен, не отличался самонадеянностью и себялюбием, как это обычно бывает с красивыми людьми и что делает их неприятными в товарищеском кругу.

В этот день я уехал из Кембриджа и никогда более не видел обоих джентльменов; думал даже, что никогда и не увижу их. Но месяц тому назад я получил письмо и два пакета, один из них с рукописью. Открыв письмо за подписью «Гораций Холли», я прочел следующее:

*Кембридж. 1 мая.
Дорогой сэр!*

Вас должно удивить мое письмо, так как знакомство наше было мимолетно. Я должен напомнить вам, что мы встретились несколько лет тому назад здесь, в Кембридже, когда мой ученик м-р Винцей познакомился с вами. Но перейду к делу. Я с большим интересом прочел вашу книгу, где описаны приключения в Центральной Африке. Полагаю, что в ней много правды, но много и фантазии. Ваша книга натолкнула меня на мысль. Из прилагаемой рукописи, которую я посылаю вам, вы увидите, что я и мой приемный сын, м-р Винцей, недавно путешествовали и пережили столь необыкновенное приключение, что, говоря правду, мне неловко и описать его вам из боязни, что вы мне не поверите. Мы оба сначала решили, что, пока живы, не будем публиковать этой истории. Обстоятельства, однако, заставили нас изменить наше решение. Когда вы прочтете рукопись, то догадаетесь, что мы снова отправились в Центральную Азию и, вероятно, не вернемся назад. Относительно удивительного феномена, с которым мы столкнулись, я придерживался своего взгляда, Лео смотрел на дело иначе. После долгих прений мы пошли на компромисс, а именно: решили послать вам рукопись с разрешением напечатать ее, если хотите, но с одним условием: измените наши имена и все, что касается лично нас. Что еще сказать вам? Повторяю, что все написанное в рукописи действительно случилось с нами. Мы очень жалеем, что не собрали больше сведений об этой чудесной, таинственной женщине! Кто была она? Как появилась она в пещерах Кор? Какова ее настоящая религия? Мы не знаем этого и, вероятно, никогда не узнаем! Много подобных вопросов тревожат меня, но к чему они теперь?

Возьмете ли вы на себя труд заняться рукописью? Мы даем вам широкие полномочия, а вашей наградой будет возможность представить миру чудесную историю самого романтического характера. Прочтите рукопись и известите меня.

*С почтением, готовый к услугам
Гораций Холли¹*

P.S. «Если вы напечатаете рукопись и результаты будут положительны, мы предоставляем все в ваше распоряжение; если же, в худшем случае, вы понесете убыток, я оставлю на этот счет необходимые инструкции моим нотариусам, гг. Жоффрей и Джордан».

Письмо это очень удивило меня. Но я удивился еще более, прочитав рукопись, и написал об этом мистеру Холли, но через неделю получил письмо от его нотариусов с извещением, что клиенты отправились в Тибет и не оставили адреса.

Это все, что я хотел сказать в предисловии. Пусть читатель сам судит о рассказе, который я преподношу ему с маленькими изменениями. Сначала я был склонен думать, что история этой таинственной женщины, облеченной величием бесконечной жизни, на которую падает тень вечности, подобно мрачному крылу ночи – только красивая аллегория, которой я не умел разгадать. Потом я отбросил эту мысль! По моему мнению, вся история весьма правдоподобна. Пусть читатель сам разбирается в ней. После этого короткого предисловия, я познакомлю читателей с Аэшой и пещерами Кор.

Издатель.

¹ Согласно желанию автора я изменил имена.

P.S. Когда я прочитал рукопись, одно обстоятельство поразило меня. При ближайшем знакомстве с Лео Винцеем, он оказался малоинтересным и вряд ли обладает достоинствами, способными привлечь такую личность, как Аэша! Быть может, древний Калликрат был только великолепным животным, боготворимым за свою греческую красоту? Или, может быть, Аэша, в чудной душе которой таилась искра неземного провидения, понимала, что, под влиянием ее жизнеспособности, мудрости, блеска всего ее существа, в сердце человека может распуститься, подобно пышному цветку, зародыш величия и мудрости, который засияет, как звезда, и наполнит мир светом и славой?!

I. Посетитель

Бывают события, которые на всю жизнь запечатлеваются в памяти человека, и забыть их невозможно. Двадцать лет тому назад я, Людвиг Горацій Холли, однажды ночью сидел у себя в комнате в Кембридже, занимаясь какой-то математической задачей. Наконец я устал, бросил книгу, прошелся по комнате, взял трубку и закурил ее о свечку, которая стояла на камине. Закуривая, я невольно взглянул в узкое длинное каминное зеркало, увидел свое лицо и задумался. Я стоял, смотрел на себя в зеркало, не замечая, что обжег пальцы.

– Ладно! – произнес я громко. – Надо надеяться, что содержимое моей головы много лучше внешнего вида!

Этим восклицанием я намекал, конечно, на недостатки моей наружности. В двадцать два года люди бывают если не красивы, то одарены свежестью и миловидностью юности. У меня не было даже этого! Маленького роста, худой, с безобразно-впалой грудью, длинными руками, грубыми чертами лица, маленькими, серыми глазами и низким лбом, заросшим черными волосами, я был поразительно некрасив в юности и остался таким до сих пор. Как на Каина, природа наложила на меня клеймо безобразия и в то же время одарила железной силой воли и умом. Я был так безобразен, что щепетильные молодые товарищи мои по колледжу, хотя и гордились моей физической силой и выносливостью, не любили показываться со мной вместе на улице. Что же удивительного, если я сделался угрюмым мизантропом? Что удивительного в том, что я работал и занимался один и не имел друзей? Я был осужден природой на одиночество и должен был искать утешения только на ее материнской груди. Женщины не выносили моего вида. Я слышал, как одна назвала меня «чудовищем», не подозревая, что я слышу ее, и добавила, что наглядно подтверждаю теорию происхождения человека от обезьяны. Правда, один раз в жизни женщина обратила на меня внимание, и я истратил на нее всю нежность, присущую моей натуре, но когда деньги, имевшиеся у меня, были также истрачены, она исчезла. Я горевал, тосковал о ней, как не тосковал ни об одном человеческом существе, умолял ее вернуться, потому что любил эту женщину. Но вместо ответа она подвела меня к зеркалу и встала рядом со мной.

– Ну, – сказала она, – если я – красота, кто же вы тогда?

Я поник головой. Мне было только 20 лет тогда. Итак, в тот вечер я смотрел на себя в зеркало, находя в этом какое-то угрюмое наслаждение и сознавая свое полное одиночество, так как никогда не знал ни родителей, ни брата, ни сестры.

Вдруг в дверь постучали. Я прислушался, не зная, отворять ли: пробило уже полночь. Но у меня был один друг в колледже, или, вернее, во всем мире. Быть может, это он?

За дверью раздался кашель, и я поспешил отворить. Высокий человек, лет 30, с остатками следов замечательной красоты на лице, поспешно вошел в комнату, сгибаясь под тяжестью массивного железного ящика, который он нес в руках. Поставив ящик на стол, посетитель сильно закашлялся. Он кашлял до тех пор, пока лицо его не стало багровым, упал в кресло и начал кашлять кровью. Я налил в бокал виски и дал ему выпить. Когда он выпил, ему стало немного лучше.

– Зачем вы так долго держали меня на холоде? – спросил он сердито. – Вы знаете, что сквозняки – чистая смерть для меня?

– Я не знал, что это вы! – ответил я. – Вы поздно пришли!

– Да, и думаю, что это мой последний визит к вам! – сказал он со слабой попыткой улыбнуться. – Все кончено, Холли. Я умираю и не знаю, доживу ли до завтра!

– Глупости! – произнес я. – Сейчас схожу за доктором!

Он остановил меня повелительным жестом.

– Правда, мне не надо доктора! Я сам изучал медицину и кое-что понимаю в ней. Никакой доктор не поможет мне. Последний час мой настал! Каким-то чудом я протянул целый год! Выслушайте меня, ради Бога, внимательно; я не в силах повторять своих слов. Два года мы были с вами друзьями, – скажите, что вы знаете обо мне?

– Я знаю, что вы богаты и поступили в колледж в том возрасте, когда обычно покидают его. Знаю, что вы были женаты и ваша жена умерла и что вы стали для меня лучшим и вернейшим другом!

– Знаете ли вы, что у меня есть сын?

– Нет!

– Да, есть, ему 5 лет теперь. Его рождение стоило матери жизни, и я не мог видеть его, Холли! Скажу вам правду, я хочу поручить вам моего сына!

Я подскочил от удивления.

– Мне! – воскликнул я.

– Да, вам! Я достаточно изучил вас. Как только я понял, что мне недолго жить, начал подыскивать человека, которому мог бы доверить сына и это!.. – он стукнул рукой по железному ящику. – Вы настоящий мужчина, Холли; как у старого дерева, у вас крепкая и здоровая сердцевина! Слушайте! Этот мальчик является единственным представителем древнего рода. Вы будете смеяться надо мной, если я вам скажу, что один из моих предков – египетский жрец богини Изиды, хотя был родом из Греции и носил имя Калликрат²). Отец его – фараон двадцать девятой династии, а прадед, я полагаю, был тот Калликрат, о котором упоминает Геродот. В 339 г. до Р.Х., в эпоху окончательного падения фараонов, этот жрец Калликрат нарушил обет безбрачия и бежал из Египта с принцессой царственной крови, влюбившейся в него. Корабль, на котором они бежали, разбился у берегов Африки по соседству с бухтой Делагоа, или еще севернее, и в живых остались только он со своей женой. Они перенесли много лишений и горя, пока им не помогла могущественная королева дикого народа, белая женщина поразительной красоты. В конце концов она убила моего предка Калликрата. Жена же бежала в Афины с ребенком, которого назвала Тизисфенес, или «могучий мститель».

Через пятьсот лет, или более, мои предки отправились в Рим, оставались здесь до 700 г., когда Карл Великий овладел Ломбардией, и глава рода, глубоко преданный императору, вернулся с ним через Альпы в Британию. Восемь позднейших поколений жили Англии в царствование Эдуарда Исповедника и Вильгельма Завоевателя и достигли больших почестей и власти. С того времени до настоящего я легко могу проследить происхождение моего рода. Были между моими предками солдаты, купцы, но все они берегли и хранили честь своего имени. Около 1790 г. мой прадед накопил значительное состояние торговлей и умер в 1821 г. Мой отец наследовал ему и растратил большую часть капитала. Он умер десять лет тому назад, оставив мне две тысячи фунтов ежегодного дохода. Тогда я совершил путешествие, связанное с этой штукой (он указал на ящик), которое окончилось очень печально. На обратном пути я путешествовал по югу Европы и добрался до Афин, где встретился с моей обожаемой женой, такой же прекрасной, как и мой предок. Я женился на ней, она родила мне сына и умерла! – Он помолчал немного, склонив голову на руку, потом продолжал:

– Моя женитьба отвлекла меня от моего намерения. У меня нет времени, Холли! Когда-нибудь вы узнаете все. После смерти жены я снова вернулся к своему замыслу. Но для этого, я хорошо понимал, мне необходимо было знать восточные диалекты, особенно арабский

² Калликрат (сильный и красивый) – спартанец, упомянутый Геродотом, отличавшийся поразительной красотой и павший в битве при Платее, когда лакедемоняне и афиняне разбили персов. «Этот же Калликрат, о котором упоминает Геродот, был так же храбр, как красив, и похоронен с большой пышностью» (Геродот, IX, 72)

язык. Я приехал в Кембридж, чтобы облегчить себе изучение языков. Но болезнь моя развивалась, – и теперь пришел конец!

Он снова страшно закашлялся.

Я дал ему еще виски, и он продолжал:

– Я никогда не видел моего сына, Лео, с тех пор. Я не мог видеть его, хотя мне говорили, что Лео – красивый и милый ребенок. В этом пакете, – он вытащил из кармана пакет, адресованный на мое имя, – я наметил курс образования, необходимого мальчику. Это несколько своеобразно. Во всяком случае, я не могу доверять ребенка незнакомому человеку. Еще раз, возьметесь ли вы за это?

– Сначала я должен знать, за что! – отвечал я.

– Вы должны взять к себе Лео, но отнюдь не посылать его в школу, запомните это! Когда ему исполнится 25 лет, ваша роль телохранителя будет закончена, вы откроете этими ключами (он положил ключи на стол) железный ящик, покажете ему и дадите прочесть то, что найдете в нем, независимо от того, захочет ли он или нет исполнить написанное. Это не обязательно. Мой доход – 2,200 фунтов в год. Половину этого дохода завещаю вам, если вы возьмете к себе мальчика. Остальное пусть лежит, пока Лео не исполнится 25 лет, чтобы можно было вручить ему достаточную сумму для выполнения плана, о котором я упоминал...

Я стал отказываться, но приятель был неумолим. Мне пришлось согласиться.

Винцей нежно обнял меня, сказав, что мы видимся в последний раз, – так он был уверен в близкой смерти, – и стремительно вышел.

Я долго сидел и протирали глаза, потом подумал, что Винцей был пьян... Положим, я знал о его болезни, но мне казалось невероятным, что можно быть уверенным в своей близкой смерти. Человек ждет смерти, но находит силы идти ночью ко мне и тащить с собой железный сундук! Я начал раздумывать... наконец бросил все и лег спать. Убрав ключи и принесенное Винцеем письмо и спрятав железный сундук, я лег в постель и заснул. Не прошло и нескольких минут, как я проснулся. Кто-то назвал меня по имени. Я сел и протер глаза. Было светло – около 8 часов утра.

– Что случилось, Джэк? – спросил я у слуги. – У тебя такое лицо, словно ты видел привидение!

– Да, сэр, видел, – ответил он, – я видел мертвеца, а это еще хуже! Я пошел будить мистера Винцея, как всегда, а он лежит мертвый и холодный!

II. Годы идут

Как и следовало ожидать, внезапная смерть Винцея произвела страшное волнение в колледже. Но так как все знали, что он был болен, а доктор сразу же дал нужное удостоверение, то следствия не было. Меня никто ни о чем не спрашивал, а я не чувствовал ни малейшего желания сообщать кому-нибудь о ночном визите Винцея.

В день похорон из Лондона явился нотариус, проводил до могилы бранные останки моего друга, забрал все его бумаги и документы и уехал. Железный сундук остался у меня. Больше недели я не имел никаких известий. Мое внимание было сосредоточено на другом, я усиленно занимался. Наконец экзамены закончились, я вернулся в свою комнату и упал в кресло со счастливым сознанием, что все позади. Скоро мои мысли вновь вернулись к смерти бедного Винцея. Я снова спрашивал себя, что все это значит, удивляясь отсутствию известий.

Вдруг в дверь постучали, и мне подали письмо в толстом голубом конверте. Инстинкт подсказал мне, что это было письмо нотариуса. Оно гласило следующее:

«Сэр! Наш клиент, покойный мистер Винцей, эсквайр, умерший недавно в Кембриджском колледже, оставил завещание, копию которого посылаем вам. Согласно этому завещанию, вы получите половину состояния покойного мистера Винцея в силу того, что вы согласны принять к себе его единственного сына, Лео Винцея, ребенка 5 лет от роду. Если бы мы не обязались повиноваться точным и ясным инструкциям мистера Винцея, выраженным им лично и письменно, если бы не были уверены, что он действовал в здравом уме и твердой памяти, то могли бы сказать вам, что его распоряжения кажутся нам необычными и внушают желание обратить на это внимание суда, чтобы удостоверить правоспособность завещателя при назначении блюстителя интересов его ребенка. Но так как нам известно, что мистер Винцей был джентльмен высокого и проницательного ума и не имел родных, кому бы мог доверить своего ребенка, то мы не считаем себя вправе поступить так.

Ждем ваших инструкций, которые вам угодно будет прислать нам относительно ребенка и уплаты причитающегося вам дивиденда.

*Готовые к услугам,
Жофрей и Джордан».*

Я отложил письмо и пробежал завещание, составленное на строго законных основаниях. Оно подтверждало то, что говорил мне Винцей в ночь своей смерти. Все это правда, и я могу взять мальчика к себе!

Вдруг я вспомнил о письме, которое Винцей оставил мне вместе с сундуком, и взял его. Оно содержало указания относительно образования Лео, причем от него требовалось знание греческого языка, высшей математики и арабского языка. В конце письма был постскрипtum, в котором Винцей добавлял, что если ребенок умрет ранее 25 лет, – что едва ли, по его мнению, могло случиться, – тогда я должен был открыть сундук и выполнить то, что предписано, или уничтожить все бумаги. Ни в коем случае я не должен был передавать его в чужие руки.

Письмо не открыло мне ничего нового, и я сразу же решил написать гг. Жофрей и Джордан, чтобы выразить им мое желание исполнить юлю умершего друга – взять на себя воспитание Лео. Отослав письмо, я отправился к начальству колледжа, в нескольких словах рассказал всю историю и с трудом убедил позволить мальчику жить со мной. Разреше-

ние было дано, но с условием, чтобы я нанял себе помещение на стороне. После усердных поисков я нашел отличные комнаты близ колледжа. Затем нужно было найти няньку. Мне не хотелось нанимать женщину, которая отняла бы у меня любовь ребенка, да и мальчик мог обходиться теперь без женских услуг, так что я решил подыскать слугу. Мне посчастливилось найти славного круглолицего молодого человека, который был семнадцатым ребенком в своей семье и очень любил детей. Он охотно согласился прислуживать Лео. Потом я отвез железный сундук в город, отдал его на хранение моему банкиру, купил несколько книг об уходе за детьми и прочитал их, – сначала один, а потом вслух Джону – так звали моего нового слугу.

Наконец мальчик приехал в сопровождении пожилой женщины, которая горько плакала, расставаясь с ним. Лео был очень красивый ребенок. В самом деле, я никогда не видел такой совершенной красоты у ребенка! У него были большие глубокие серые глаза, прекрасно развитая голова и лицо, похожее на камею. Но прекраснее всего были волосы, настоящего золотистого цвета, красиво выющиеся вокруг головы. Он немножко покричал, когда няня ушла и оставила его у нас. Никогда не забуду я этой сцены! Лео стоял у окна, луч солнца играл на золотых кудрях, один кулачок он прижал к глазу, а сквозь другой внимательно рассматривал нас. Я сидел в кресле и протягивал ему руку, тогда как Джон в углу комнаты кудахтал и заставлял бегать взад и вперед деревянную лошадку, что, по его мнению, должно было привлечь внимание мальчика.

Прошло несколько минут. Вдруг ребенок протянул свои маленькие ручки и бросился ко мне.

– Я люблю вас! – произнес он. – Вы – некрасивы, но очень добры!

Через десять минут Лео с довольным видом уплетал хлеб с маслом. Джон хотел угостить его вареньем, но я напомнил ему о книгах, которые мы прочли, и строго запретил это.

Скоро мальчик сделался любимцем всего колледжа, и все правила, установленные для обитателей колледжа, им безбожно нарушались.

Годы шли. Мы с Лео все более привязывались друг к другу, дорожили нашей привязанностью.

Постепенно ребенок превратился в мальчика, мальчик – в юношу. Годы летели, Лео рос, совершеннее становилась и его удивительная красота! Когда Лео было 15 лет, ему дали прозвище «Красота», а мне «Животное». Эти слова летели нам вслед, когда мы ежедневно выходили гулять. Потом для нас придумали новые прозвища. Меня прозвали «Хароном», а его «Греческим божком»; в двадцать один год он походил на статую Апполона. О себе я ничего не говорю, потому что был всегда безобразен; у него же ум блестяще развился и окреп, хотя вовсе и не в школьном духе. Мы строго следовали предписаниям его отца относительно образования, и результаты оказались весьма удовлетворительными. Я изучал арабский язык, чтобы помочь Лео, но через 5 лет он знал язык не хуже нашего профессора.

Я – спортсмен по натуре, это моя единственная страсть, – и каждую осень мы ездили стрелять дичь и ловить рыбу в Шотландию, Норвегию, даже в Россию. Несмотря на то, что я хорошо стреляю, он скоро превзошел меня в стрельбе.

Когда Лео исполнилось 18 лет, я вернулся опять в свои комнаты в колледже, а он поступил в университет и двадцати одного года получил первую ученую степень. В это время я рассказал ему кое-что из истории и о тайне, которая его окружала. Понятно, он очень заинтересовался, но я объяснил, что не могу пока удовлетворить его любопытство. Затем я посоветовал ему подготовиться к адвокатуре, он послушался, продолжал учиться в Кембридже, уезжая в Лондон обедать.

Одно только сильно беспокоило меня. Каждая женщина, встречавшая Лео, или большая часть из них непременно влюблялись в него. Отсюда возникали различные затруднения и недоразумения, весьма тревожившие меня.

Но в общем Лео вел себя прекрасно, я ничего не могу сказать в упрек. Годы шли. Наконец Лео достиг 25-летнего возраста; вот тогда-то и началась эта ужасная история.

III. Таинственный сундук

Накануне дня рождения Лео мы с ним отправились в Лондон и извлекли таинственный сундук из банка, куда я отдал его на хранение 20 лет тому назад. Я помню, тот же самый клерк, который принял сундук от меня, принес мне его обратно, сказав, что хорошо помнит этот сундук, иначе не нашел бы так быстро, ведь он весь был покрыт паутиной.

Вечером мы вернулись домой с драгоценной поклажей и всю ночь не могли уснуть. На рассвете Лео явился ко мне в комнату, уже совсем одетый, и заявил, что нам пора приниматься за дело, потому что сундук ждал двадцать лет. Я возразил, что он может еще немного подождать, пока мы позавтракаем.

Но вот завтрак был окончен, Джон принес сундук, поставил его на стол, опасливо поглядывая на него, затем приготовился уйти.

– Погодите минуту, Джон! – сказал я. – Если мистер Лео ничего не имеет против, я хотел бы, чтобы вы были посторонним свидетелем этого дела, тем более, что вы умеете держать язык за зубами!

– Разумеется, дядя Горас! – ответил Лео, – я просил его называть меня дядей, хотя иногда он варьировал это, величая меня «старый дружище».

Джон дотронулся до своей головы за неимением шляпы.

– Заприте дверь, Джон, – приказал я, – и принесите мне мою шкатулку!

Он повиновался. Я открыл шкатулку и достал из нее ключи, которые отдал мне бедный Винцей в ночь своей смерти. Их было три. Один – обыкновенный ключ, второй – очень старинный, третий – серебряный.

– Ну, готовы ли вы? – спросил я Лео и Джона. Они молчали. Я взял большой ключ, протер его маслом и после нескольких неудачных попыток, потому что мои руки дрожали, отпер замок. Лео наклонился, и с большим усилием, так как шарнир заржавел, мы открыли сундук и увидели в нем другой ящичек, покрытый пылью. С трудом вытащили мы его из железного сундука и очистили от накопившейся за годы грязи и пыли.

Это был ящик из черного дерева, скрепленный железными скобами, вероятно, очень древний, так как дерево начало уже крошиться.

Я открыл ящик вторым ключом. Джон и Лео склонились в ожидании. Откинув крышку ящика, я громко вскрикнул, так как увидел внутри его великолепную серебряную шкатулочку, несомненно, египетской работы, потому что четыре ножки ее представляли собой сфинксов, да и на куполообразной крышке находился также сфинкс. Конечно, шкатулочка с годами потускнела и запылилась, но в общем сохранилась отлично.

Я взял шкатулочку, поставил ее на стол и при гробовом молчании открыл ее маленьким серебряным ключиком. Она была наполнена до краев чем-то вроде растительных волокон, которые я осторожно отодвинул в глубину, и извлек письмо в обыкновенном конверте, написанное рукой моего покойного друга:

«Моему сыну Лео, когда он откроет шкатулку!»

Я передал письмо Лео, который взглянул на конверт и положил его на стол, сделав мне знак продолжать исследование шкатулки.

Первое, что я нашел в ней, – был тщательно свернутый свиток пергамента. Я развернул его и увидел, что рукой Винцея было написано: «перевод греческих писем», и отложил пергамент к письму. Затем я нашел еще один древний свиток пергамента, пожелтевший и сморщившийся от времени, и развернул его. Это был такой же перевод греческого оригинала, но латинскими буквами. Насколько я мог судить, стиль письма и сами буквы относились к началу XVI столетия. Под свитком пергамента лежало что-то твердое и тяжелое, завернутое в пожелтевшее полотно, под слоем растительных волокон. Тихо и осторожно раз-

вернули мы полотно и извлекли большой грязно-желтого цвета сосуд, несомненно, относившийся к глубокой древности. По моему мнению, этот сосуд представлял собой часть обыкновенной амфоры среднего размера. Выпуклая сторона была покрыта греческими письменами, стертыми уже там и сям, но все еще достаточно разборчивыми. Очевидно, надпись была сделана очень тщательно с помощью тростниковой палочки, часто употреблявшейся в древности. Не могу не упомянуть, что этот удивительный обломок амфоры был разбит пополам и склеен цементом. На внутренней стороне ее тоже было много надписей довольно странного характера, очевидно, сделанных разными руками и в различное время.

– Есть еще что-нибудь? – спросил Лео возбужденным шепотом.

Я порылся в шкатулке и достал что-то твердое, завернутое в небольшой полотняный мешок. Из этого мешка мы достали прелестную миниатюру на слоновой кости и маленькую, шоколадного цвета, скарабею с символическими изображениями. Мы разобрали их и прочитали «Suten se Ra» что значит в переводе «Царственный сын Ра или солнца». Миниатюра представляла собой портрет матери Лео, прелестной, темноокой женщины. На оборотной стороне рукой Винцея было написано: «Моя обожаемая жена.»

– Теперь все! – заявил я.

– Отлично, – ответил Лео, который долго и с нежностью вглядывался в миниатюру и положил ее на стол, – давайте теперь читать письмо!

Он сломал печать и прочитал следующее:

«Мой сын! Когда ты прочтешь это письмо, достигнув возмужалости, я уже буду давно забыт всеми в моей могиле. Читая его, вспомни обо мне... Я простираю к тебе руки из страны мертвых, и мой голос звучит тебе из недр холодной могилы. Хотя я умер и ты не помнишь меня, но в эту минуту, когда ты читаешь письмо, я с тобой. Со дня твоего рождения я почти не видал твоего лица. Прости мне это. Твое рождение отняло жизнь у той, которую я любил так, как редко любят женщин, и мне было тяжело видеть тебя. Если бы я остался жив, то, наверное, победил бы это глупое чувство. Мои физические и нравственные страдания невыносимы, и если те распоряжения, которые я сделал для твоего будущего благосостояния, будут выполнены – я доволен! Пусть Бог простит мне, если я ошибаюсь!»

– Он убил себя! – воскликнул я. – Я так и думал!

«Теперь, – продолжал Лео читать, – довольно обо мне! Холли, мой верный друг (которому я поручил тебя), расскажет тебе о древности нашего рода. В этой шкатулке ты найдешь достаточные доказательства этой древности. Странную легенду, написанную на сосуде, которую ты прочтешь, сообщил мне мой отец на своем смертном ложе. Она произвела на меня громадное впечатление. Когда мне было 19 лет, я хотел изучить эту историю, узнать правду, и видел многое собственными глазами. Я отправился путешествовать, пристал к берегу Африки в неисследованной области к северу от Замбези. Там есть возвышенность, на оконечности которой высится горная вершина, похожая на голову негра. Я узнал там об одном туземце, который совершил преступление и был изгнан своим народом из страны, огромные горы которой похожи на чашки, а глубокие пещеры окружены безграничными болотами. Я узнал также, что народ этой страны говорит по-арабски и подчиняется „прекрасной белой женщине“, которая редко показывается, но имеет огромную власть над всем живыми и мертвым. Через два дня все это подтвердил мне человек, который умер от болотной лихорадки. Я был вынужден из-за недостатка провизии и в силу первых симптомов моей болезни, которая потом довела меня до могилы, уехать оттуда. Корабль, на котором я ехал, разбился, я был выброшен на берег Мадагаскара и спасен английским кораблем, который доставил меня в Аден. Отсюда я переправился в Англию, намереваясь при первой возможности снова приняться за поиски. На пути своем я побывал в Греции, где встретил твою красавицу-мать и женился на ней. Потом родился ты, а она умерла. Болезнь держит меня в своих когтях, и я вернулся домой умирать. Все же я не терял надежды, изучал арабский

язык, чтобы отправиться на берег Африки и раскрыть тайну нашего рода, которая пережила несколько столетий. Но мне становилось все хуже, и конец был близок! Ты, мой сын, только начинаешь жить, и я передаю тебе результат моих трудов вместе с доказательствами древнего происхождения нашего рода.

Я не думаю, что это пустая басня. Если есть жизнь, почему не может быть средств для бесконечного продления ее? Но я не хочу внушать тебе что-либо. Читай и суди сам. Если захочешь продолжить мои исследования, я распорядился, чтобы ты не ощущал недостатка в средствах. Если ты решишь, что легенда – не что иное как химера, тогда, заклинаю тебя, уничтожь этот сосуд, письма и забудь все! Быть может, это будет умнее всего! Тот, кто захочет познать великие и тайные силы природы, может пасть их жертвой! Но если ты пожелаешь раскрыть тайну и выйдешь из испытания прекрасным и юным, не знающим постепенного увядания духа и тела, если время и зло будут бессильны против тебя, кто может сказать, будешь ли ты счастлив? Выбирай, сын мой, обдумай! Пусть вечная сила, управляющая миром, руководит тобой для твоего собственного блага и для блага всего мира, которым, в случае успеха, ты будешь когда-нибудь управлять силой высшего разума и накопленного веками опыта! Прощай!»

Так заканчивалось письмо.

– Что вы скажете об этом, дядя Горас? – спросил Лео, положив бумагу на стол.

– Что я скажу? – Твой покойный отец был помешан! – ответил я серьезно. – Я догадывался об этом еще в ту памятную ночь, двадцать лет тому назад, когда он пришел ко мне! Он сам ускорил свою кончину, бедняга! Это абсолютный вздор!

– Верно, сэр! – подтвердил Джон торжественно.

– Хорошо, посмотрим, что скажет теперь сосуд! – сказал Лео, взяв в руки перевод греческих писем.

«Я, Аменартас, из царственного дома фараонов Египта, жена Калликрата (прекрасного и сильного), жреца Изида, любимца богов, которому повиновались демоны, умершего теперь, – завещаю это моему маленькому сыну Тизисфену (Могучий мститель). Я бежала с твоим отцом из Египта во времена Некто-небфы³, потому что, ради любви ко мне, он нарушает свой священный обет: мы бежали к югу, плыли по воде, странствовали 24 луны по берегу Ливии (Африка) навстречу восходящему солнцу, там, где у самой реки находится большая скала, похожая на голову воина. На расстоянии 4 дней пути от устья реки мы были выброшены на берег, многие утонули и умерли. Какие-то дикие люди пришли через болото и степи, взяли нас и несли 10 дней, пока не очутились у крутой горы, где стоял когда-то большой город, от которого остались развалины и где было много пещер и скал. Они принесли нас к королеве народа, которая имеет обыкновение надевать раскаленные горшки на голову чужестранцев, и, будучи волшебницей, обладает сверхъестественными познаниями, вечной жизнью и красотой! Эта королева обратила взор любви на твоего отца Калликрата и хотела убить меня и взять его в мужья, но он крепко любил меня и боялся ее. Тогда, благодаря своему искусству в черной магии, она перенесла нас в какое-то ужасное место и показала нам огненный столб жизни, который никогда не угасает, чей голос походит на голос грома. Там она стояла, объятая пламенем, и вышла из него невредимая, блещущая возрожденной красотой.

Она клялась, что твой отец никогда не умрет, если согласится убить меня и отдаться ей, так как она сама не смела убить меня. Меня спасла от нее магия моего народа, которую я также хорошо знала. Твой отец прикрыл глаза рукой, чтобы не видеть ее красоты. Тогда разъяренная королева умертвила его с помощью магии, и он умер. Но она горько оплакивала

³ Некто-небфа – последний фараон Египта.

его и, испуганная, отослала меня к устью большой реки, где я села на корабль и вскоре родила тебя. После долгих странствий мы очутились в Афинах.

Теперь завещаю тебе, мой сын, узнай эту женщину и, если найдешь средство, убей ее, отомсти за своего отца. Если же ты испугаешься или окажешься слабым, я завещаю это всем твоим потомкам, если между ними найдется смелый человек, который очистится в огне и сядет на престол фараонов».

– Да простит ее Бог! – проворчал Джон, слушавший с открытым ртом удивительное сочинение.

Я ничего не сказал, – моей первой мыслью было то, что мой бедный друг сам сочинил всю эту историю и, чтобы рассеять свои сомнения, я взял сосуд и начал разбирать греческие письмена; английский перевод их, который прочитал нам Лео, был точен и красив.

Кроме этих надписей, на краю амфоры был нарисован темной краской скипетр, символы и иероглифы на котором стерлись, словно на них был наложен воск. Принадлежал ли он Калликрату⁴, или царственному роду фараонов, от которых происходила его жена, Аменартас, я не знаю, как не могу сказать, когда это было написано на сосуде, – одновременно ли с греческими надписями, или же скопировано кем-нибудь со скараabei уже позднее. Внизу находилось очертания головы и плечей сфинкса, украшенных двумя перьями, символами величия, чего я никогда не видел на сфинксах.

На правой стороне сосуда имелась следующая надпись: «Странные вещи совершились тогда на земле, на небе и на море. Доротей Винцей.»

Удивленный, я повернул обломок сосуда. Он был покрыт сверху донизу надписями на греческом, латинском и английском языках. Первая надпись была: «Я не могу идти. Тизисфен своему сыну Калликрату». Далее следовало факсимиле.

Этот Калликрат (вероятно, по греческому обычаю он назван так в честь деда), очевидно, пытался ответить, потому что его надпись гласит. «Я перестал думать о путешествии, так как боги против меня. Калликрат своему сыну».

Затем следовали 12 латинских подписей. Эти подписи, за исключением трех, оканчивались именем «Виндекс» или «Мститель».

Римские имена, написанные на сосуде, известны в истории. Насколько я помню, это были следующие имена: Миссивс, Виндекс, Секс, Варивс, Мариллис и др. За этим рядом имен идет перечисление столетий.

Потом следует самая любопытная надпись на необычайной реликвии прошлого. Она сделана черными буквами поверх мечей крестоносцев и помечена 1445 г. Мы нашли английский перевод этой надписи на втором пергаменте, который находился в ящике.

– Хорошо, – сказал я, когда прочел и заботливо разглядел все надписи, – вот и конец всего дела, Лео, и ты можешь составить о нем свое собственное мнение. Я уже обдумал все!

– И что же? – спросил Лео спокойно.

– Я полагаю, что сосуд неподдельный и перешел к вашей семье за 4 столетия до Р.Х. Надписи подтверждают мое мнение. Затем я молчу. Я не сомневаюсь, – египетская принцесса, или какой-нибудь писец по ее приказанию написал все, что мы видим здесь, не сомневаюсь также и в том, что страдания и потеря супруга поразили ее так, что она была не в своем уме, когда писала это!

– Каким же образом отец мог видеть и слышать все это?

– Совпадение. Нет сомнения, что на берегу Африки имеется скала, похожая на человеческую голову, и народ, который говорит на старо-арабском наречии, и болота, и топи. Но,

⁴ Скипетр не мог принадлежать Калликрату, как полагает мистер Холли, так как был прерогативой только царской власти в Египте.

Лео, хоть мне и очень больно сознаться в этом, я думаю, что твой бедный отец был не в своем уме, когда писал письмо!

Джон также лаконично ответил: чушь!

Но Лео уже принял решение и выразил твердое намерение ехать в Африку.

А так как я и Джон души не чаяли в нем, да к тому же Лео сумел описать мне соблазнительные картины охоты, которая ожидала нас в Африке, то неудивительно, что мы через три дня все трое уже плыли по океану в Занзибар.

IV. Шквал

Какое разнообразие впечатлений! Какая перемена в сравнении с нашей прежней жизнью. Прощайте, тихие комнаты колледжа, мирно шелестящие английские вязы, знакомые книги на полках шкафа! Новая картина перед нами! Бесконечная гладь великого океана, залитая серебристым светом африканского месяца. Легкий ветерок надувает паруса нашего корабля, и вода музыкально журчит вокруг нас. Большая часть пассажиров спит, потому что уже скоро полночь, но дюжий смуглый араб, по имени Магомет, стоит на палубе, меланхолично глядя на звезды. В трех милях от нас виднеется какая-то темная полоса. Это восточный берег Африки.

– Завтра в 10 часов утра, – говорю я, – мы должны увидеть таинственную скалу в виде головы, если капитан верно рассчитал. Там мы поохотимся!

– ...И начнем искать разрушенный город и Огонь Жизни! – добавил Лео, вынимая из рта трубку и улыбаясь.

– Глуposti! – возразил я. – Сегодня ты достаточно упражнялся в арабском языке с этим арабом. Что он сказал тебе? Он занимался торговлей и хорошо знает эту необитаемую страну и даже побывал на знаменитой скале. Слыхал ли он что-нибудь о разрушенном городе и пещерах?

– Нет, – ответил Лео, – он говорит, что страна представляет собой сплошное болото, где кишат змеи, особенно питоны, где масса дичи и вовсе нет людей. Но вдоль всего восточно-африканского берега тянутся болота, а за ними неизведанная область...

– Да, да, – возразил я, – где можно заразиться малярией! Ты слышал, что сказал араб о стране! Никто не хочет идти туда с нами, все они считают, что мы помешались, и честное слово, я начинаю думать, что это правда. Я буду очень удивлен, если мы увидим когда-нибудь нашу старую Англию. Я боюсь за тебя, Лео, и за нашего Джона. Право, это чистое сумасшествие, мой мальчик!

– Верно, дядя Горас! Что касается меня, я хочу попытать счастья. Смотри! Что это за облако?

Он указал на темное облако, заслонившее звездное небо в нескольких милях от нас.

– Пойди и спроси у араба! – сказал я.

Лео встал, ушел и сейчас же вернулся.

– Он говорит, что это шквал, который пронесется в стороне от нас!

Тут к нам подошел Джон, выглядевший молодцом в охотничьей куртке из коричневой фланели, с некоторым смущением на честном круглом лице, которое не покидало его с тех пор, как он плывал по чужеземным водам.

– Позвольте мне, сэр, – произнес он, дотронувшись до своей легкой шляпы, которая самым забавным образом сидела у него на затылке, – так как мы сложили все наши ружья в шлюпку, не говоря уже о провизии, – позвольте мне влезть туда и там спать. Мне не нравятся эти черные парни! – Он понизил голос до шепота. – Они отлично умеют воровать. Что если кто-нибудь из них заберется ночью в нашу лодку, перережет канат и удерет? Прекрасная будет вещь!

Я должен пояснить, что наша лодка была специально для нас сделана в Шотландии. Мы взяли ее с собой, зная, что берег здесь изрезан бухтами и заливами и лодка будет нужна нам. Это была прочная парусная лодка 30-ти футов в длину. Капитан корабля сказал нам, что когда мы доберемся до таинственной скалы, то едва ли возможно будет подойти к ней близко из-за мелей и бурунов. Мы потратили целых три часа в это утро, хотя море было спокойно и ветер затих, переправляя большую часть имущества в нашу лодку, размещая

в ней ружья, амуницию, провизию, так что когда вдали показалась знаменитая скала, нам оставалось только сесть в лодку и переправиться на берег.

Другая причина, которая заставила нас принять предосторожности – было опасение, что капитан мог пройти мимо скалы или по небрежности, или по ошибке, а моряки хорошо знают: корабль, который идет по муссону, не может повернуть назад. Мы приготовили нашу лодку и ждали.

– Да, Джон, – сказал я, – у нас много одеял, позаботься закрыться ими от месяца, он может подействовать на твою голову или ослепить тебя!

Мы сидели на палубе, курили, болтали и шутили.

Ночь была так прекрасна, что нам не хотелось идти спать. Около часа сидели мы и, вероятно, задремали. Я смутно припоминаю сквозь сон, как Лео объяснял мне, что самое лучшее – ударить буйвола по голове, если хочешь схватить его за рога, или пустить ему пулю в горло и еще что-то вроде этого.

Вдруг – сильнейший рев ветра, крик ужаса; вода брызнула нам в лицо! Люди побежали спускать паруса, крича и волнуясь. Я вскочил на ноги и бросился к канату. Небо потемнело, но месяц светил ярко. Огромнейший бурун в 20 футов высотой несся прямо на нас. Прищурив глаза, я увидел, что наша лодка взлетела на вершину огромного вала. Затем сильный удар воды, кипящая пена; я уцепился за что-то и упал. Мне казалось, что я пробыл несколько минут под водой. Когда я взглянул перед собой, то увидел, что большой парус был оторван бурей и болтался в воздухе, словно большая раненая птица. С минуты царила тишина, и потом я услышал голос Джона:

– Идите в лодку скорее!

Измученный, я едва нашел силы броситься вперед.

Шхуна была полна водой и тонула. Нашу лодку отчаянно бросало во все стороны, араб Магомет успел прыгнуть в нее и старался поставить руль. С усилием я прыгнул в лодку, Джон схватил меня за руку, и я покатился на дно. Шхуна погружалась. Магомет выхватил свой кривой нож и обрезал канат, которым была прикреплена к ней наша лодка.

– Великий Боже! – вскричал я. – Где же Лео? Лео! Лео!

– Помогите ему Боже, он, наверное, утонул! – прокричал мне в ухо Джон, но в ярости бури и реве ветра, его голос казался шепотом.

В отчаянии я стиснул руки. Лео утонул, а я остался оплакивать его.

– Смотрите! – закричал Джон. – Тут есть кто-то!

Я обернулся. Огромный вал снова поднял нашу лодку, и я уже почти желал, чтобы он потопил нас. Месяц скрылся за облака, только робкий луч его скользил по воде. Было тепло, и вода заливала лодку. Слава Богу, она была так хорошо сделана, что скользила и выплывала снова, словно лебедь. Среди пены я заметил что-то черное, стремившееся прямо ко мне. Я хотел оттолкнуть от себя темный предмет и схватил руку. Я очень силен, но едва смог удержать это человеческое тело и втащить его в лодку.

– Гребите, гребите хорошенько! – кричал Джон.

Тут слабый луч света упал на лицо человека, которого я держал... Это был Лео, принесенный волной, вырванный мной из когтей смерти.

– Работайте веслом! – кричал Джон. – Или мы потонем!

Буря свирепствовала, лодка качалась взад и вперед, ветер выл, вспышки молнии ослепляли нас. Мы работали среди этого хаоса, словно демоны, с диким отчаянием. Одна минута, три, шесть минут! Стало светлее! Вдруг сквозь рев урагана до нас донеслось глухое ворчание...

– Великий Боже! Это – бурун!

В эту минуту месяц выплыл из облаков и озарил бушующий океан.

В зияющем мраке ясно виднелась белая полоса пены. То были буруны. Однако благодаря ловкости Магомета, хорошо знакомого с морем и этими опасными берегами, мы ускользнули от них.

А вскоре и буря прекратилась. Месяц ослепительно сиял, освещая скалистую возвышенность, у подножия которой шумели буруны. В это время Лео открыл глаза, заявив, что платье его очень измято, а между тем пора идти в часовню. Я велел ему закрыть глаза и лежать спокойно. Его слова о том, что пора идти в часовню, заставили меня задуматься и напомнили удобные комнаты в Кембридже. Болезненное тяжелое чувство овладело мной. Почему я был так глуп и поехал сюда? С этой ночи мне часто приходила в голову подобная мысль.

Опять буруны... бушующая пена, рев и шум. Наконец мы благополучно пробились через них и тихо приближались к берегу.

На востоке появилась яркая полоса – предвестник зари. Море стихло, легкий туман окутывал его, словно успокаивая все тревоги.

V. Голова негра

Наступило утро. Солнце поднялось и залило землю теплом и светом.

Я сидел в лодке, прислушиваясь к рокоту воды и наблюдая за восходом солнца, пока лодка не коснулась таинственной странной скалы, у края которой мы перенесли столько опасностей и которая заслонила теперь от меня величественное зрелище.

Я продолжал смотреть на скалу и заметил, что верхушка ее действительно походила на голову и лицо негра, поражавшее своим яростным выражением. Были ясно видны толстые губы, жирные щеки, приплюснутый нос, круглый череп головы негра, тысячи лет омываемой волнами и обдуваемой ветром. В довершение сходства на колоссальной голове негра виднелась какая-то тощая растительность и казалась в лучах солнца густой шерстью. Конечно, все было очень странно, так странно, что я предположил: это вовсе не игра природы, а гигантский монумент, сделанный, подобно египетскому сфинксу, каким-нибудь забытым народом на вершине скалы, как символ презрения к врагам, которые могут приблизиться к гавани. Мы так и не смогли узнать этого наверное, потому что скала была малодоступна. Разглядев скалу при солнечном свете, я решил, что голова сделана человеком. Стоит она из года в год, вечно омываемая изменчивым океаном, – стояла и тысячу лет тому назад, когда Аменартас, египетская принцесса, жена Калликрата, смотрела на дьявольское лицо, и будет стоять еще много столетий, когда все мы будем забыты.

– Что ты думаешь об этом, Джон? – спросил я нашего слугу, сидевшего на краю лодки и выглядевшего очень печально, указывая ему на голову негра.

– О, сэр! – ответил Джон, только что успевший заметить оригинальную скалу. – Я думаю, что старый джентльмен сделал свой портрет со скалы!

Я засмеялся, и мой смех разбудил Лео.

– Ого! – сказал он. – Что такое со мной случилось? Я весь озяб. Где же шхуна? Дайте мне, пожалуйста, водки!

– Благодарю Бога, мальчик, что ты не окостенел навеки! – ответил я. – Шхуна затонула, с ней утонули все люди, за исключением нас четверых. Твоя жизнь спасена чудом!

Джон отыскал водку, пока я рассказывал Лео о нашем ночном приключении.

– Великий Боже! – произнес он. – Как мы смогли уцелеть!

Потом мы выпили водки и почувствовали себя лучше. Солнце начало сильно припекать и согрело нас, иззябших, промокших до костей.

– Да! – сказал Лео, поставив в сторону бутылку с водкой. – Это действительно такая скала, как описано там... похожая на голову негра...

– Верно! – ответил я.

– Значит, – возразил он, – все правда!

– Еще ничего не ясно! – ответил я. – Мы знали, что такая скала существует, отец твой видел ее. Но это ровно ничего не доказывает!

Лео снисходительно улыбнулся.

– Ты – Фома неверный, дядя Горас! – сказал он. – Поживем – увидим!

– Конечно, – ответил я, – ну а теперь мы находимся у самого устья реки. Возьми весло, Джон, мы поищем местечко, где можно пристать к берегу!

Устье реки, в которое мы вошли, было не широко, хотя из-за густого тумана, окутавшего берега, мы не могли хорошо разглядеть окрестности. Через 20 минут мы пристали к берегу с большим трудом с помощью попутного ветра.

Туман рассеялся, солнце пекло, и на болотистых берегах лежали крокодилы, похожие на огромные чурбаны. За милю от нас тянулась полоса твердой земли, и через четверть часа

мы очутились там, прикрепили лодку к дереву и вышли на берег. Затем мы разделись, помылись и повесили наше платье сушиться на солнце.

Приютившись под листвой громадных деревьев, мы позавтракали мясом, которое захватили с собой в изрядном количестве, радуясь, что успели заблаговременно перенести до начала бури в нашу лодку всю провизию и все имущество.

Когда мы закончили завтрак, наша одежда успела высохнуть, и мы поспешили одеть ее. Осмотревшись вокруг, мы заметили, что находимся на узкой полосе земли, окаймленной с одной стороны рекой, а с другой – бесконечными унылыми болотами, которые тянулись вдаль.

– Здесь, наверное, была гавань! – сказал Лео.

– Чепуха! – возразил я. – Кто будет строить гавань посреди ужаснейших болот в необитаемой стране?

– Быть может, раньше здесь не было болот и страна была обитаема! – сухо возразил Лео. – Посмотри, – указал он на место, где вчерашний ураган вырвал с корнями огромное дерево магнолии, – разве не работа человеческих рук этот камень?

– Глупости! – отвечал я.

Мы подошли к поваленному дереву.

– Ну, что же? – спросил он.

Я промолчал и только свистнул. Несомненно, передо мной лежал огромный камень, разбитый на небольшие глыбы, крепко скрепленные цементом. Это еще не все. Я дотронулся рукой до разрыхленной земли и увидел огромное каменное кольцо, около фута в диаметре и около 3-х дюймов толщиной. Это открытие поразило меня.

– Разве не похоже на гавань, где стояли корабли? – спросил Лео.

Я хотел было возразить, но слова застряли у меня в горле.

– В давно прошедшие века здесь приставали корабли, и это кольцо – несомненно, след когда-то существовавшей гавани. Вероятно, и сам город похоронен в болотах. Наша история начинает походить на правду! – сказал неугомонный Лео.

– Страна, подобная Африке, – сказал я, – конечно, полна следов и памятников давно исчезнувших забытых народов. Никто не знает, когда началась цивилизация Египта. Были вавилоняне, финикияне, персы и другие народы, более или менее цивилизованные, не говоря уже о евреях. Вспомни персидские могилы, которые консул показывал нам в Кильва!⁵

– Хорошо, – заметил Лео, – но раньше ты говорил совсем другое...

В это время мы дошли до края болота и посмотрели вдаль. Оно было необозримо, и целые стаи птиц летали над ним. Ядовитые испарения поднимались с его поверхности.

– Мне ясно одно, – сказал я, обращаясь к своим спутникам, – во-первых, что мы не сможем пройти через эту топь, а во-вторых, если мы останемся здесь, то непременно умрем от лихорадки!

– Да, это верно! – подтвердил Джон.

– Тогда перед нами два пути: или попытаться добраться до какой-нибудь гавани в нашей лодке и пересечь на корабль, что, конечно, рискованно, или же поднять паруса и плыть дальше по реке! Я не знаю, как решите вы, – сказал Лео, – но я поеду по реке!

Джон закатил глаза и заворчал, араб пробормотал «Аллах» и тоже заворчал. Что касается меня, я мягко заметил: так как мы находимся между дьявольским болотом и морем, то, в сущности, все равно, куда идти. На самом деле колоссальная голова негра и каменное кольцо возбудили мое любопытство, которого я втайне стыдился. Осмотрев и, насколько возможно, починив лодку, мы зарядили винтовки и поплыли. К счастью, ветер дул с океана, и мы могли

⁵ Около Кильва, на восточном берегу Африки, существует утес, на вершине которого находятся персидские могилы. Ниже обнаружены развалины древних городов, которые существовали много столетий тому назад.

поднять паруса. Мы заметили, что на этой широте на рассвете ветер всегда дует с океана к берегу, а на закате солнца от берега в океан. Воспользовавшись этим попутным ветром, мы плыли по реке три или четыре часа.

Около полудня стало очень жарко. Зловоние, доносившееся до нас с болот, было просто ужасно, и мы поспешили проглотить предохранительную дозу хинина. Скоро ветер совсем утих, и мы с удовольствием выбрались из лодки под тень деревьев, которые росли у реки, и легли там, ожидая заката солнца, а с ним конца наших мучений от жары. Когда мы готовились снова сесть в лодку, я оглянулся. Солнце близилось к закату. Вправо и влево от нас, насколько хватало глаз, тянулись смертоносные болота с прудами темной стоячей воды, блестящей, как зеркало, в лучах заходящего солнца. Впереди и сзади нас лениво струилась река, впадавшая в лагуну, на поверхности которой последние лучи солнца боролись с тенями ночи. На западе огромное красное солнце исчезало в туманном горизонте, и небо рдело кровавым отблеском. Никогда не забуду этой печальной и волшебной картины, она глубоко запечатлелась в моей памяти.

Стемнело. Проплыв еще немного, мы бросили якорь, хотя не смели выйти на берег, не зная, найдем ли удобное место для ночлега, и боясь ядовитых испарений болота, которые не могли так убийственно подействовать на нас на воде. Зажгли походную лампу, поужинали и хотели лечь спать. Но спать оказалось невозможно. Привлеченные светом или необычным запахом белых людей, целые полчища огромных москитов напали на нас. Тучами летели они, немилосердно кусая и жаля нас до того, что мы готовы были взбеситься. Только табак немного отгонял их. В конце концов мы закутались в одеяла с головой и сидели неподвижно, ругаясь и проклиная москитов. Вдруг в тишине, словно гром, раздался невдалеке от нас дикий рев льва.

– Ай, ай! – произнес Лео, высовывая голову из одеяла. – Не лучше ли будет выйти на берег, дядя? Проклятие! Москит укусил меня за нос! – И голова вновь исчезла в одеяле.

Скоро вошел месяц, и, несмотря на рычание льва, мы задремали.

Не знаю, что заставило меня высунуть голову из одеяла, я услышал перепуганный шепот Джона.

– О, звезды небесные, взгляните-ка туда!

Мы все взглянули в указанном направлении и при свете месяца увидели около берега светящиеся точки и два темных предмета.

– Что это такое? – спросил я.

– Это проклятые львы, сэр! – отвечал Джон испуганно. – Они плывут сюда, чтобы съесть нас!

Несомненно, это были львы. Я видел их яростно сверкающие глаза. Лео взялся за винтовку, я посоветовал ему подождать, пока они подойдут ближе.

В 50 шагах от нас показалась львица и яростно зарычала. В этот момент Лео выстрелил. Пуля попала ей в открытую пасть и прошла в затылок. Раздался сильный всплеск воды, и львица упала мертвой.

Позади нее находился лев, который положил свои передние лапы на берег. Вдруг произошло что-то странное. Лев испустил страшный рев и прыгнул на берег, таща за собой что-то темное.

– Аллах! – завопил Магомет. – Смотрите! Крокодил схватил его за ногу!

Это было верно. Мы увидели длинную морду крокодила, его пасть и туловище. Затем последовала удивительная сцена. Лев пытался вытащить крокодила на берег и страшно рычал, а крокодил впился зубами в его заднюю ногу. Тогда лев с диким ворчанием повернулся и ударил лапой по голове крокодила. Пресмыкающееся медленно двинулось вперед, и лев схватил его за горло. Они катались по берегу в этой отвратительной борьбе. Трудно было уследить за их движениями, но вскоре мы заметили, что крокодил, весь покрытый кровью,

держал в своих железных челюстях туловище льва, крепко сжимая его. Измученный зверь бился и ревел в агонии, бешено ударяя лапой по голове врага, и успел ранить нежное горло крокодила. Вскоре голова льва упала на крокодила, и он с ужасающим ревом издох. Крокодил медленно пополз, таща за собой перегрызенный пополам труп зверя. Эта борьба была ужасным и потрясающим зрелищем. Когда все кончилось, мы оставили Магомета сторожить, а сами провели остаток ночи сравнительно спокойно, насколько позволяли москиты.

VI. В плену

На следующее утро мы проснулись с рассветом и начали готовиться к дальнейшему путешествию. Я должен сказать, что, когда рассвело и можно было разглядеть лица моих спутников, я готов был расхохотаться. Полное и добродушное лицо Джона страшно распухло от укусов moskitov, да и Лео был не в лучшем состоянии. Из нас троих меньше всех был искусан я, вероятно, вследствие грубости кожи, покрытой волосами, тем более, что после отъезда из Англии я отпустил бороду и предоставил ей полную свободу. Магомета moskity вовсе не пожелали трогать, вероятно, почуяв залах правоверного. Как часто в продолжение этой недели мы желали пахнуть так же, как наш араб! Пока мы рассматривали друг друга и смеялись, насколько нам позволяли распухшие губы, стало совсем светло и утренний ветер разогнал туман, поднимавшийся с болот. Мы подняли парус и, тщательно рассмотрев убитых львов и крокодила, поплыли по направлению к лагуне, следуя течению реки. В полдень, когда ветерок затих, нам посчастливилось найти удобное место, где можно было расположиться лагерем и развести огонь; мы зажарили дикую утку, хоть и не очень аппетитно, но вполне удовлетворительно. Остатки мяса мы нарезали полосами и развесили на солнце.

В этом гостеприимном уголке мы оставались до следующего утра и провели ночь без особых тревог, если не считать moskitov. Следующие два дня прошли таким же образом, без всяких приключений. Нам удалось подстрелить какую-то необыкновенную дичь и найти несколько разновидностей водяной лилии в полном цвету замечательной красоты.

На пятый день нашего путешествия ветер затих в 11 часов утра, и мы вынуждены были остановиться, выбрав для стоянки группу деревьев на берегу, под которыми и расположились. Погуляв по берегу, мы убили еще несколько штук водяных птиц. Не успели пройти 50 ярдов, как поняли, что дальше ехать по реке невозможно, так как впереди, почти на 200 ярдов, тянулась отмель.

Повернув назад, мы долго шли по берегу и вскоре пришли к заключению, что это вовсе не река, а прорытый в древности канал, вроде того, который находится около Момбаза, на берегу Занзибара. Берега его были подмыты водой, а поверхность покрыта зарослями. Очевидно, что если не по реке, то мы можем плыть по каналу или вернуться на море. Остаться здесь было невозможно, так как грозила опасность изжариться на солнце, быть съеденными moskitami или умереть от болотной лихорадки.

– Что ж, попытаемся! – сказал я, и все остальные согласились со мной: Лео – с великим удовольствием; Джон – с почтительным негодованием, а Магомет – взывая к пророку и проклиная неверных.

Как только солнце село, мы отправились в путь. Около двух часов мы усердно работали, – Магомет, Джон и я, тогда как Лео сидел на носу лодки и мечом Магомета отталкивал обломки дерева и всякий хлам, плававший в воде. Когда стемнело, мы остановились отдохнуть и доставить удовольствие moskitam, но около полуночи снова поплыли, пользуясь свежестью ночи. На рассвете, отдохнув три часа, мы отправились в путь и плыли до 10 часов утра, когда вдруг разразилась буря, сопровождавшаяся страшным ливнем, и мы провели около шести часов буквально под водой.

Думаю, что нет надобности описывать подробности нашего путешествия в течение следующих 4 дней, ужасных по своей монотонности, тяжелой работе, жаре и moskitam. Мы находились в поясе безграничных болот, и то обстоятельство, что избежали лихорадки и смерти, я приписываю только дозам хинина и очистительного, которые мы глотали, и также постоянной физической работе. На третий день нашего пути по каналу мы заметили вдали круглый холм, видневшийся сквозь испарения болот.

Мы чувствовали себя настолько истощенными, что готовы были лечь и умереть в этом ужасном месте. Я бросился на дно лодки, чтобы уснуть и немного отдохнуть от страшного истощения, горько проклиная свою глупость, которая побудила меня принять участие в этом сумасшедшем деле. Помню, я впал в забытие. Мне грезилось, что наша лодка наполняется водой, что мы умираем и вода смывает наши останки; наступает конец всему. Мне слышалось журчанье воды около нас, и я увидел мертвого араба, который вдруг выпрямил свой скелет и, сверкая на меня пустыми впадинами глаз, скрежеща челюстями, начал проклинать меня, христианскую собаку, за то, что я потревожил последний сон правоверного.

Я открыл глаза, содрогаясь от ужасного сна, и вдруг увидел два глаза, которые смотрели на меня в темноте. Вскочив на ноги, я закричал от ужаса, все мои спутники вскочили разом, перепуганные, сонные.

Затем я почувствовал прикосновение холодной стали к моему горлу. Сзади сверкнули еще два копия.

– Тише! – сказал чей-то голос по-арабски. – Кто вы такие и как пришли сюда? Говори, или умрешь! – снова сталь прикоснулась к моему горлу.

– Мы – путешественники! – отвечал я по-арабски, и, очевидно, был понят, потому что человек, державший меня, повернул голову и, обратившись к какой-то высокой фигуре, стоявшей в стороне, спросил:

– Отец, нужно ли убить их?

– Какой цвет кожи у этих людей? – спросил глубокий голос.

– Белый!

– Не убивай! – был ответ. – «Та, которой все повинуются», прислала мне сказать: придут белые люди, а когда они придут, не убивай их! Веди их в дом «Той, которой все повинуются»!

– Пойдем! – сказал мне человек, вытаскивая меня из лодки.

Та же участь постигла моих спутников.

На берегу стояла толпа из 50 человек. Я заметил, что они были вооружены огромными копьями, очень рослые, крепко сложены и обнажены, если не считать шкуры леопарда, повязанной у пояса.

Лео и Джон очутились возле меня.

– Что случилось? – спросил Лео, протирая глаза.

– О, сэр, с нами случилось нечто странное! – вскричал Джон.

В эту минуту к нам подбежал Магомет, преследуемый человеком с поднятым копьем.

– Аллах! Аллах! – вопил Магомет. – Защитите меня! Защитите!

– Отец, тут есть один черный человек! Что сделать с ним?

– «Она» ничего не сказала. Не убивай его, иди сюда, мой сын!

Человек подошел, высокая фигура склонилась над ним и прошептала что-то.

– Да, да! – ответил тот и страшно захохотал. – Там трое белых людей?

– Да, трое, отец!

– Тогда несите их и захватите с собой все, что нужно!

Едва он успел произнести эти слова, как к нам подошли какие-то люди, держа на своих плечах крытые паланкины. У каждого паланкина было 4 носильщика и двое запасных.

– Хорошо, – сказал Лео, – очень хорошо, что о нас теперь заботятся другие!

Делать было нечего, я влез в носилки и устроился там очень комфортабельно. Вероятно, носилки были сделаны из волокон травы, которая гнулась и вытягивалась при каждом движении тела, поддерживая на должной высоте голову и шею.

Едва я успел усесться на носилки, как носильщики двинулись куда-то ровным и быстрым шагом. Около полудня я лежал спокойно, размышляя о нашем приключении и о том, как изумились бы мои почтенные друзья в Кембридже, если бы я чудесным образом очу-

тился вдруг сидящим за собственным столом среди них! Я лежал и думал, чем все это кончится, пока не заснул.

Думая, что проспал семь или восемь часов, в первый раз отдохнув как следует с той ночи, как затонул наш корабль, я проснулся, когда солнце стояло высоко на небе. Мы мирно двигались вперед, делая 4 мили в час.

Выглянув из-за плотных занавесок, я заметил, что мы миновали пояс болот и теперь шли по зеленеющей местности по направлению к куполообразному холму. Потом я взглянул на своих носильщиков. Это были превосходно сложенные, около 6 ф. ростом люди с желтоватым цветом кожи, в общем, очень похожие на сомалийцев Восточной Африки, за исключением волос, которые вились локонами по их плечам. Черты лица у них были правильные и даже красивые, нос орлиный, зубы белые и прекрасные. Но несмотря на их красоту, я никогда не видел более злых физиономий. Холодная жестокость ярко запечатлелась на них.

Была еще одна странная черта, которую я подметил у дикарей: они, казалось, вовсе не умели улыбаться. Иногда они запевали монотонную песню, остальное время молчали, и ни одного раза улыбка не озарила их мрачных и угрюмых лиц. К какой расе принадлежал этот народ? Они говорили на арабском языке, но вовсе не были арабами. Не могу сказать почему, но вид их внушал мне какое-то болезненное ощущение страха. Вскоре я увидел другие носилки рядом с собой. Там сидел, – занавески были подняты, – старик в белой одежде, сделанной, очевидно, из грубого холста – тот, которого называли «Отцом». На вид он был очень стар, с длинной, снежно-белой бородой, концы которой висели по бокам носилок, с крючковатым носом и парой холодных и острых, как у змеи, глаз. В общем, на лице его отражалась глубокая мудрость и даже юмор.

– Ты проснулся, чужеземец? – сказал он низким и глухим голосом.

– Да, отец мой! – отвечал я любезно.

Он погладил свою прекрасную белую бороду и улыбнулся.

– Из какой бы страны ты ни пришел к нам, – произнес он, – но там, наверное, знают наш язык и учат детей вежливости, мой чужеземный сын! Скажи мне, зачем ты и те, что с тобой, пришли к нам, куда не проникала нога чужеземца? Или вам надоела жизнь?

– Мы пришли искать новое и любопытное! – отвечал я смело. – Нам надоело старое. Пришли с моря узнать неведомое, потому что происходим от храброго народа, который не боится смерти, мой уважаемый отец! Но мы желали бы прежде, чем умереть, узнать кое-что!

Старик издал какое-то непонятное восклицание.

– Пожалуй, это правда, если ты не лжешь, мой сын. Во всяком случае, скажу, что «Та, которой повинуются все», исполнит твои желания надлежащим образом!

– Кто это «Та, которой повинуются все»? – спросил я с любопытством.

Старик взглянул на носильщиков и улыбнулся.

От его улыбки вся кровь прилила к моему сердцу.

– Ты скоро узнаешь, мой сын, – произнес он, – если «Она» захочет увидеть тебя во плоти!

– Во плоти? – переспросил я. – Что хочет сказать этим мой отец?

Старик молчал и снова улыбнулся своей ужасной улыбкой.

– Как называется народ моего отца?

– Народ наш называется Амахаггер, или народ Утесов!

– Если сын может спросить тебя, как твое имя, отец мой?

– Мое имя – Биллали!

– Куда же мы идем?

– Скоро узнаешь!

Он сделал знак носильщикам, которые пустились бегом, пока не догнали носилок, в которых сидел Джон (перекинув ногу за ногу сбоку носилок). Затем носильщики Джона быстро нагнали носилки Лео.

Убаюканный ровным качаньем носилок, я снова заснул, потому что чувствовал себя смертельно усталым; проснувшись же, увидел, что мы шли по крутой тропинке, вдоль которой росли прекрасные деревья и цветущие кусты. Тропинка вдруг повернула в сторону, и нашим глазам открылся прелестный вид. Перед нами возвышалась земляная насыпь в виде римского амфитеатра. Края ее были скалисты, заросли кустарником, а центр представлял собой зеленеющий луг с великолепными деревьями и растениями, омываемый журчащими ручьями. На лугу паслись стада рогатого скота, хотя я не заметил между ними баранов. Я не мог даже представить себе, что это за место. Меня поразило в особенности то обстоятельство, что несмотря на пасущиеся стада, я не видел нигде признака человеческого жилья. Где же они жили? Скоро мое любопытство было удовлетворено. Носилки повернули влево и остановились. Видя, что Биллали вылез из носилок, я последовал его примеру, также поступили Лео и Джон.

Первое, что мне бросилось в глаза, – это несчастный араб Магомет, лежавший на земле. Ему не дали носилок, и он вынужден был бежать, так что находился теперь в состоянии полного изнеможения. Оглянувшись, мы увидели, что стоим на площадке у входа в большую пещеру, где было свалено в кучу все наше имущество, даже весла и парус лодки. Около входа стояли люди, все – высокого роста, красивые, хотя с разным цветом кожи, – черные, как Магомет, или желтые, как китайцы. Все они были обнажены и держали копья в руках.

Между ними находились и женщины, удивительно красивые, с большими темными глазами и вьющимися волосами. Вместо шкур леопарда на них были короткие юбки из красной кожи. Некоторые носили одежду из желтоватого холста. Впрочем, как мы узнали потом, это служило признаком различия их общественного положения. В общем, наружность женщин казалась не такой свирепой, как у мужчин, многие даже улыбались.

Как только мы вышли из носилок, дикари столпились вокруг, с любопытством рассматривая нас. Высокая атлетическая фигура Лео, его классически красивое лицо, очевидно, привлекли всеобщее внимание, а когда он вежливо снял шляпу и показал свои золотистые кудри, ропот восхищения пробежал в толпе. Затем произошло нечто удивительное. Самая хорошенькая из молодых женщин, одетая во что-то похожее на платье, с пышными темными волосами, оглядев Лео с головы до ног, свободно подошла к нему, обняла его руками за шею и поцеловала прямо в губы.

Я остолбенел, ожидая, что Лео оттолкнет ее, в то время, как Джон громко закричал: «вот шлюха»!

Но Лео, конечно, удивленный, понял, что мы находимся в стране, которая следует обычаям древних христиан, наклонился и возвратил ей поцелуй.

Я задыхался, ожидая чего-нибудь необычного, но, к моему удивлению, хотя многие из молодых женщин и выказали некоторое раздражение, старухи и мужчины только усмехнулись. Когда мы освоились с обычаями этого народа, тайна разъяснилась. Женщины народа Амахаггер пользуются полным равноправием наравне с мужчинами. Происхождение рода считается по материнской линии, и люди гордятся длинным рядом женских предков, как гордимся мы нашими предками-мужчинами в Европа. В каждом племени имеется почетный представитель, которого называют «Хозяин» или «Отец». Биллали был «отцом» своего племени, которое состояло из семи тысяч душ.

Когда женщина народа Амахаггер желает избрать себе мужа, она должна подойти к нему и публично обнять его, таким же образом, как это сделала красивая и быстрая молодая леди, которую звали Устана, поцеловавшая Лео.

Если он вернул ей поцелуй, это значило, что он согласен взять ее в жены. Связь продолжается до тех пор, пока не наскучит одному из молодых людей. Я должен прибавить, что разрыв и перемена супругов случается далеко не так часто, как можно было бы ожидать. Редко случаются и ссоры между мужчинами, когда их жены дезертируют к соперникам.

VII. Песня устаны

Когда совершился обмен поцелуями «*so-gat-porulo*», – кстати, скажу, что ни одна молодая женщина не подумала почтить меня поцелуем, хотя я видел одну из них около Джона, к величайшему ужасу последнего, – старик Биллали подошел к нам и повел нас в пещеру, в сопровождении Устаны; Она, очевидно, не захотела понять моих намеков на то, что мы не привыкли к женскому обществу. Не прошли мы и пяти шагов, как меня поразила мысль, что эта пещера вовсе создание природы, а вырыта руками человека. Она была очень обширна и низка, и от нее тянулись коридоры, которые, вероятно, вели в маленькие комнаты. В пятидесяти шагах от входа в пещеру был разведен огонь, вокруг виднелись три огромные тени. Здесь Биллали остановился и пригласил нас садиться, добавив, что сейчас нам принесут есть. Мы уселись на кожи и ждали. Тотчас же молодые девушки принесли нам пищу, которая состояла из козьего мяса, свежего молока в глиняном горшке и лепешек из индийского жита. Мы уже проголодались и съели дочи́ста все, что нам принесли. Полагаю, что никогда в жизни не ел я с таким удовольствием.

Когда мы поели, Биллали, который молча смотрел на нас, встал и обратился к нам с речью.

Он сказал, что случилась удивительная вещь. Никто никогда не слыхал, чтобы белые чужестранцы проникали в эту страну! Иногда, очень редко, сюда приходили черные люди, которые рассказывали о существовании белокожих людей, плававших по морю на чудесных кораблях, но никто не думал, что они явятся сюда. Нас заметили, когда мы спускали лодку в канал. Биллали откровенно признался, что сначала дал приказание убить нас, но явился вестник от Той, которой повинуется все с приказанием пощадить белых людей и доставить нас сюда.

– Прости меня, отец мой, – перебил я, – но если я верно понимаю, «Она, которой повинуются все» живет не здесь; как могла она знать о нашем приближении?

Биллали обернулся и, заметив, что мы одни, – Устана исчезла, когда он начал говорить, – произнес со странной усмешкой: – Разве в нашей стране нет никого, кто видит не одними глазами и слышит не одними ушами? Не спрашивай! «Она» знала и знает все!

Я пожал плечами. Биллали продолжал говорить о том, что получил дальнейшие инструкции относительно нас и должен повидать «Ту, которой повинуются все», чтобы узнать ее желание.

Я понял, что «Она» – это королева народа Амахаггер, и спросил старика, долго ли он будет отсутствовать? Биллали отвечал, что вернется только на пятый день; нужно пройти много миль по болоту, чтобы добраться туда, где живет «Она». Затем он добавил, что в его отсутствие о нас будут заботиться, он твердо уверен, в благоприятном для нас ответе. В то же время он не скрыл от нас, что всякий чужестранец, появлявшийся в стране, сейчас же осуждался на смерть, описывать которую он не хочет, чтобы не оскорблять наших чувств. Это делалось по приказу королевы, которая никогда не пыталась спасти чужеземцев.

– Как это может быть? – возразил я. – Вы уже стары, каким же образом «Она» могла осудить на смерть кого-нибудь при жизни вашей бабки, когда она сама еще не родилась тогда?

Вместо ответа Биллали только улыбнулся своей странной улыбкой и молча, отвесив нам низкий поклон, ушел. Мы не видели его целых 5 дней.

После его ухода мы начали обсуждать наше положение. Мне вовсе не нравились разговоры о таинственной королеве «Она, которой повинуются все», так беспощадно убивавшей несчастных иностранцев. Лео тоже был подавлен, но утешал себя мыслью, что «Она»

была, несомненно, той личностью, которая упоминается в письменах на сосуде и в письме его отца, судя по намекам Биллали на «Ее» могущество и возраст.

Я был так поражен всем происшедшим, что не мог и не хотел говорить об этом абсурде и предложил идти выкупаться, в чем мы все очень нуждались.

Высказав наше желание какому-то человеку средних лет с необыкновенно злой физиономией, который, очевидно, был приставлен для надзора за нами в отсутствие «Отца» племени, мы зажгли трубки и вышли из пещеры. Около входа стояла толпа народа, очевидно, поджидая нас. Когда они увидели нас с дымящимися трубками во рту, то немедленно исчезли, полагая, что мы – могущественные волшебники. Наше огнестрельное оружие не произвело здесь такой сенсации, как табачный дым⁶. Мы поспешили к ручью и отлично выкупались, хотя многие из женщин, не исключая Устаны, выразили желание последовать нашему примеру.

Пока мы добирались обратно в пещеру, солнце зашло. Пещера оказалась полной людей, которые собрались около огня и ужинали при свете ламп, висевших на стенах. Эти глиняные лампы были весьма грубо сделаны, но некоторые довольно красивы на вид. Они представлял собой красный глиняный горшок, наполненный растопленным жиром, со светильней, пропущенной через деревянный круг, прикрепленный к верхней крышке горшка. Этот вид лампы требует постоянного внимания, потому что огонь гаснет тотчас же, как сгорит светильня.

Некоторое время мы сидели, наблюдая угрюмых людей, мрачно и молча поедавших ужин; наконец нам надоело созерцать их, и я предложил всем отправиться спать.

Наш надзиратель безмолвно встал с места, вежливо взял меня за руку и направился в один из маленьких переходов, примыкавших к пещере. Мы прошли несколько шагов и очутились в комнате, вырубленной в скале. По одну сторону комнаты находился большой камень трех футов высотой, закрывавший вход в нишу; здесь мой проводник указал мне место, где можно спать. В комнате не было окна. Приглядевшись внимательнее, я пришел к заключению, что указанная ниша служила гробницей для умерших; эта мысль заставила меня содрогнуться, но решив, что нужно где-нибудь спать, я подавил чувство страха, насколько мог, и вернулся в пещеру, чтобы захватить свое одеяло, которое было принесено сюда вместе с другими вещами. Там я встретил Джона, который получил в свое распоряжение такую же комнату и решил лучше ночевать на воздухе, чем пойти в «это ужасное место». Он попросил позволения ночевать со мной, и я был очень доволен этим.

В общем, ночь прошла спокойно, если не считать моего кошмара. Мне чудилось, что я похоронен здесь, и просто задышался от ужаса.

На рассвете нас разбудил громкий звук трубы. Мы встали и пошли к ручью умыться, потом нам подали завтрак, во время которого одна из женщин, не особенно молодая, подошла к нам и публично поцеловала Джона. Никогда не забуду я выражения ужаса и отвращения на лице Джона. Он, как и я, не любит женщин, – и все чувства отразились на его физиономии, когда женщина целовала его в присутствии господ. Он вскочил на ноги и оттолкнул от себя женщину.

– Никогда, ни за что! – воскликнул он, когда женщина, полагая, что он очень скромен, обняла и поцеловала его вторично.

– Уйдите прочь, прочь! – крикнул он, махая деревянной ложкой, которой ел, перед лицом влюбленной дамы.

⁶ Табак растет в этой стране, хотя народ Амахаггер обыкновенно употребляет его в лечебных целях, не имея понятия о курении.

– Прошу прощения, джентльмены, но уверяю вас, я ничего не знал. О, Боже, она опять идет ко мне! Держите ее, мистер Холли! Пожалуйста, держите ее! Со мной никогда, никогда не случилось ничего подобного! Это против моих правил!

Он умолк и изо всех сил бросился бежать из пещеры. В первый раз я услышал смех дикарей. Что касается женщины, ей было не до смеха. Она вся дрожала от ярости, подзадориваемая насмешками других женщин. Она буквально тряслась и шипела от злости, и при виде ее я невольно пожелал, чтобы нравственные принципы Джона были не так возвышенны, так как его образцовое поведение могло навлечь на нас опасность. Обстоятельства подтвердили мою догадку.

Женщина ушла, а Джон вернулся в крайнем возбуждении и с ужасом смотрел теперь на всякую приближавшуюся к нему женщину. Я воспользовался случаем, чтобы объяснить нашим хозяевам, что Джон – женатый человек, несчастный в своей семье, и это заставляет его бояться любой женщины. Мое объяснение было выслушано молча, а женщина, следуя примеру своих цивилизованных сестер, продолжала злиться и беситься.

После завтрака мы пошли гулять, намереваясь осмотреть стада скота и возделанные поля народа Амахаггер... У них существовало две породы рогатого скота. Одна порода – большая, безрогая, дающая превосходное молоко, другая – маленькая, жирная, годная на убой. Около коров бродили длинношерстные косматые козы. Здесь много едят козьего мяса, но я не видел козьего молока. Что касается обработки полей, то единственным орудием была железная лопата, поэтому полевая работа – очень трудна и тяжела. Обработкой полей занимаются мужчины, так как женщины освобождены от всех видов работ.

Сначала законы и обычаи этого необычайного народа очень поражали нас. Но со временем, – четыре дня прошло без особых событий, – мы много узнали от подружки Лео, Устаны, которая следовала как тень за юным джентльменом. Она сообщила нам, что близ того места, где жила «Она», находились каменные ограды и колонны, называемые Кор, где прежде, говорят, были дома и жили люди, от которых произошел народ Амахаггер. Никто не смеет подходить к этим развалинам, они прокляты, на них можно смотреть только издали. Есть и другие подобные развалины в разных частях страны. Пещеры вырублены в скалах людьми, теми самыми, которые выстроили города. В их стране нет писаных законов, но есть строгие обычаи, и если человек нарушит эти обычаи, его осуждают на смерть. На мой вопрос, какой род смерти существует у них, Устана улыбнулась и сказала, что я скоро узнаю это. У них есть королева, «Она», которая появляется очень редко, один раз в 2 или 3 года, всегда закутанная, так что никто не видит ее лица. Говорят, что она прекраснее всех женщин, бессмертна и пользуется огромной властью. Время от времени королева выбирает себе супруга, и как только родится от этого союза дитя женского пола, супруга королевы сразу же умерщвляют. Дитя растет и становится наследницей королевы-матери. Обо всем этом никто ничего толком не знает. Королеве повинуются вся страна, – послушаться ее – значит умереть. Королева окружена стражей, хотя не держит регулярной армии.

Я спросил Устану, как велика страна и сколько народу живет в ней. Она ответила, что в стране десять «хозяйств», включая и «хозяйство» королевы. Иногда племена воюют друг с другом, пока «Она» не прекратит войну одним своим словом. Войны и болотная лихорадка сокращают число народонаселения, которое не имеет никаких связей с другими народами, так как болота непроходимы. Однажды со стороны большой реки пришло чужеземное войско и хотело напасть на них, но половит его погибла в болотах, остальные умерли от голода и лихорадки. Болота непроходимы, только мы одни знаем тропинки через них, – добавила Устана, – и я верю, что вы никогда не попали бы сюда, если бы вас не принесли на носилках.

Много разных вещей узнали мы от Устаны за четыре дня. Вся история этого народа была удивительна, почти невероятна и вполне соответствовала рассказу древних писмен на сосуде. Очевидно, была какая-то таинственная королева, облеченная бессмертием! Я не

понимал ничего, также как и Лео, хотя он торжествовал, потому что я до последнего времени смеялся над легендой. Что касается Джона, он оставил все попытки уразуметь это. Магомет, араб, на которого здесь смотрели с презрением, находился в постоянном страхе, хотя я не мог понять, чего он боялся. Он сидел весь день, согнувшись в углу пещеры, призывая Аллаха и Пророка. Когда я хотел узнать, в чем заключалась причина его страхов, он заявил мне, что мы попали в заколдованную страну, где нет людей, а живут лишь дьяволы. Честное слово, несколько раз я готов был согласиться с ним!

Между тем время шло, и ночью, на четвертый день после ухода Биллали, случилось одно событие.

Мы все трое, а также Устана, сидели вокруг огня в пещере, перед тем как лечь спать. Вдруг Устана, сидевшая тихо, встала и положила руки на золотые кудри Лео. Даже сейчас, закрыв глаза, я вижу ее гордую стройную фигуру; она заговорила певучим голосом:

– «Ты – мой избранник! Я ждала тебя давно!

Ты прекрасен. Кто другой имеет такие чудные волосы, такую белую кожу?

У кого такая сильная рука, кто так мужественен, как ты?

Твои глаза – это небо, в котором отражаются звезды!

Ты прекрасен, и сердце мое рвется к тебе!

Когда мои глаза увидели твое лицо, я пожелала тебя!

И я взяла тебя, о мой возлюбленный!

Так продолжится короткое время; до тех пор, пока не наступит несчастный день.

Что случится в этот день? Увы, мой возлюбленный, я не знаю!

Но я не увижу тебя более, и затеряюсь во мраке!

„Она“ – сильнее меня и возьмет тебя, потому что она прекраснее Устаны, тогда...»

Удивительная женщина вдруг оборвала свое пение, которое было необыкновенно музыкально, хотя мы не понимали ни слова, и устремила свои сверкающие глаза в темноту. Эти глаза выразили ужас и отчаяние. Она сняла руку с головы Лео и указала в темноту. Мы взглянули туда же, но ничего не увидели. Но, вероятно, Устана видела что-то такое, что потрясло даже ее железные нервы, потому что она без звука упала возле нас. Лео, успевший привязаться к молодой женщине, страшно испугался и огорчился. Говоря правду, я сам испытывал суеверный ужас.

Скоро Устана пришла в себя и села, конвульсивно содрогаясь.

– Что с тобой, Устана? Кого ты видела? – спросил Лео, отлично говоривший по-арабски.

– Ничего, мой возлюбленный! – ответила она, пытаясь улыбнуться.

Она повернулась к Лео, и взглянув на него с выражением величайшей нежности, какой я никогда не видел на лице женщины, охватила его голову руками и поцеловала в лоб, как любящая мать.

– Когда я уйду от тебя, мой возлюбленный, – сказала она, – когда ночью твоя протянутая рука не встретит мою, вспоминай обо мне иногда, потому что я сильно люблю тебя, хотя недостойна мыть тебе ноги. А теперь будем любить друг друга, будем счастливы! Кто знает, что будет завтра.

VIII. Пир

На другой день, после этой замечательной сцены, которая произвела на меня глубокое впечатление, нас известили, что вечером в нашу честь состоится пир. Мне хотелось уклониться от него, и я заявил, что мы скромные люди и не питаем пристрастия к пирам, но заметив, что мои слова возбудили неудовольствие, счел за лучшее молчать.

Незадолго до заката солнца мне сообщили, что все готово, и я в сопровождении Джона пошел в пещеру, где встретил Лео, а с ним и Устану. Оба они гуляли и ничего не знали о предполагаемом пиршестве. Когда Устана узнала об этом, ее красивое лицо исказилось от страха. Схватив за руку какого-то человека, она что-то спросила у него повелительным тоном. Его ответ как будто успокоил ее слегка. Немного погодя она снова пыталась заговорить с этим человеком, который был важной особой, но он сердито сказал ей что-то и оттолкнул, затем вдруг взял ее за руку и посадил около огня; и я видел, что она подчинилась.

В эту ночь огонь ярко горел в пещере. Около 35 мужчин и две женщины, – Устана и та особа, которая поцеловала Джона, – собрались вокруг огня.

Мужчины сидели молча, по своему обыкновению каждый с копьем в руке. Только двое из них были одеты в холщевую одежду, на остальных не было ничего, кроме шкуры леопарда.

– Что же будет дальше? – спросил меня Джон. – Спаси нас Боже, эта женщина опять здесь наверное, она не будет лезть ко мне, так как я вовсе не подаю повода. Все они противны мне. Они приглашают Магомета обедать. Эта женщина разговаривает с ним очень вежливо. Я очень рад, что не со мной!

Мы взглянули на женщину, которая старалась вытащить несчастного Магомета из угла, где он сидел, ворча и призывая Аллаха. Его приглашали есть – это была необычная честь, потому что обычно пища подавалась ему отдельно. Магомет был испуган, едва держался на ногах, но согласился пойти есть, скорее из страха перед воином, который стоял с копьем в руке позади него, чем из желания исполнить любезную просьбу женщины.

– Послушайте, – сказал я своим спутникам, – мне очень не нравится все это, но надо смотреть в лицо опасности. Захватили ли вы с собой свои револьверы? Посмотрите, заряжены ли они?

– У меня с собой, – сказал Джон, – но мистер Лео захватил только охотничий нож!

Делать было нечего, мы смело двинулись вперед и уселись перед огнем. Едва мы успели сесть, как нам передали глиняный кувшин с крепкой жидкостью неприятного цвета, способной вывернуть наизнанку желудок. Этот кувшин был очень интересен – такие сосуды находят в древних гробницах, и я думаю, что они использовались при погребении умерших по обычаям Египта.

На одной стороне кувшина, из которого мы пили, был нарисован белый человек, нападающий с копьем на слона, а на обратной стороне находился рисунок, изображавший охотника, пускающего стрелу в антилопу.

Мы сидели молча, смотрели на огонь и на тени от ламп. Никто не произносил ни слова. Между огнем и нами на земле стояло большое деревянное корыто. Около него – пара больших железных щипцов. Мне вовсе не нравились эти вещи. Я сидел, смотрел на них и на свирепые лица мужчин, размышляя о том, что все ужасно, что мы находимся в полной власти этого народа, страшного в своем молчании и таинственности.

Мне казалось, что они были хуже, чем я думал, и я не ошибался. Это был странный пир, потому что есть было положительно нечего.

Наконец один из мужчин, сидевших перед огнем, громко произнес:

– Где же мясо, которое мы будем есть?

Остальные, вытянув правую руку по направлению к огню, ответили размеренными певучими голосами:

– Мясо скоро будет!

– Что же это, – козел?

– Козел без рогов, лучше, чем козел, и мы убьем его! – ответили дикари в один голос, схватились за копья правой рукой и подняли их.

– Что же это, бык?

– Это бык без рогов, лучше, чем бык, и мы убьем его! – был ответ, и снова копья поднялись вверх.

Наступило молчание, и я заметил с ужасом, что женщина, сидевшая около Магомета, начала ласкать его, трепала по щекам и называла его ласковыми именами, в то время как ее злые глаза блестели и перебегали по его дрожавшим членам. Не знаю почему, это зрелище испугало меня, как испугало всех нас, особенно Лео. Ее движения и ласки так напоминали змею, что нам стало страшно⁷.

Я видел, что Магомет побелел от страха.

– Все ли готово для стряпни? – опять спросил голос.

– Все готово, готово!

– Горшок хорошо ли нагрелся? – продолжал голос с каким-то визгом, страшно зазвучавшим под сводами пещеры.

– Накалился, накалился!

– Праведное небо! – воскликнул Лео. – Это народ, который надевает раскаленные горшки на головы чужеземцев!

Не успел он произнести эти слова, как два высоких негодяя схватили огромные щипцы, сунули их в огонь, в то время как женщина, ласкавшая Магомета, достала откуда-то петлю из растительных волокон и, скользнув как змея, набросила ее на ноги араба. Тогда злодеи вытащили щипцами из огня большой глиняный горшок, раскаленный добела, и быстро направились к тому месту, где лежал Магомет. Тот барахтался и боролся отчаянно, крича во всю мочь, несмотря на опутывавшую его петлю и на все усилия державших его за ноги людей, так что злодеи не могли выполнить своего замысла «надеть ему на голову раскаленный горшок».

С криком ужаса я вскочил на ноги, схватил револьвер и выстрелил в дьявольскую женщину, ласкавшую Магомета, которая держала его руки. Пуля попала ей в затылок, убив наповал. Магомет же нечеловеческим усилием вырвался из рук мучителей и подпрыгнув вверх, упал мертвым на ее труп: пуля из моего револьвера задела несчастного араба и убила его, избавив от более ужасной смерти.

С минуту продолжалось изумленное молчание Народ Амахаггер никогда не слышал выстрелов и был поражен этим. Затем один из дикарей опомнился и, схватив копье, бросился на Лео, который стоял близ него.

– Беги скорее! – крикнул я, показывая ему пример и бросаясь из пещеры. Но около входа стояла толпа, загораживая мне дорогу. Я все-таки выбрался из пещеры. За мной бежали Лео и Джон, а позади них ревела и вопила толпа каннибалов, разъяренная смертью женщины. Когда я перескочил через распростертое тело Магомета, то почувствовал жар от раскаленного горшка под ногами и заметил, что руки араба слабо двигались. Наконец мы все трое достигли площадки у входа в пещеру и решили дорого продать свою жизнь. Через несколько минут толпа, бежавшая по нашим следам, окружила нас. Джон стоял слева у скалы, Лео – в центре, я – справа.

⁷ Позднее мы узнали, что это делалось, чтобы усыпить чувства жертвы, которая должна была умереть в состоянии покоя и счастья.

Лео наклонился вперед и взглянул в темноту, откуда на нас неслись дикари, блестя своими копьями, страшные в своей молчаливой ярости, как бульдоги. Во мраке виднелся раскаленный шипящий горшок. Станный блеск появился в глазах Лео, и красивое лицо его словно окаменело.

В правой руке он держал тяжелый охотничий нож и ласково обнял меня.

– Прощай, старый дружище! – произнес он. – Мой дорогой друг, ты был для меня более, чем отец! Нам ничего не поделать с этими мошенниками, они покончат с нами в несколько минут, а потом съедят. Прощай, Джон, прощай!

– Божья воля! – произнес я, стиснув зубы и приготовившись к смерти. В этот момент Джон вскрикнул, поднял револьвер и выстрелил.

Дикари бежали на нас. Мы с Джоном не переставали стрелять, пока не истратили все заряды. Заряжать вновь было некогда.

Огромный дикарь вскочил на площадку, и Лео уложил его на месте ударом своей сильной руки. Я убил другого, но Джон промахнулся; какой-то дикарь схватил его за туловище и повалил. Что было дальше с Джоном, я не знаю, потому что вступил в отчаянную борьбу с двумя злодеями, которые, на мое счастье, были без копий. Первый раз в жизни моя физическая сила оказала мне услугу. Я воткнул свой большой охотничий нож, острый, как меч, в голову дикаря с такой силой, что сталь прошла насквозь и нож выскользнул из моей руки.

Двое других прыгнули на меня, мы свалились на пол и начали кататься взад и вперед. Они были очень сильны, но я обезумел от ярости и дрался как лев. Я обхватил их обеими руками, а они извивались, шинели, как змеи, и колотили меня кулаками. Лежа на спине так, что тела дикарей защищали меня от ударов копьем, я почему-то вспомнил Кембридж, моих товарищей. Если бы они могли видеть меня теперь! Скоро мои противники ослабели и перестали бороться, дыхание их остановилось, но я не решился уйти, боясь, что они оживут.

Остальные дикари, вероятно, думали, что мы были мертвы и не вмешивались в нашу борьбу.

Я повернул голову и увидел Лео, освещенного светом лампы на площадке. Он был еще на ногах, но находился в центре рассвирепевших дикарей, которые готовы были растерзать его, как волки. Над ними виднелось его прекрасное бледное лицо с золотыми кудрями; я видел, что он боролся из последних сил. Дикари так тесно сгрудились вокруг, что не могли убить его копьями, а ножей у них не было. Наконец нож выпал из руки Лео, и он остался безоружным. Я думал, что конец его пришел. Нет! Снова отчаянным усилием он оттолкнул дикарей, схватил труп убитого человека, и, подняв его вверх, начал им махать вправо и влево. Пять или шесть человек свалились на землю, но скоро поднялись и, как волки, бросились вперед. Лео убил еще одного дикаря кулаком, но это было все, что мог сделать один человек против многих. Наконец силы оставили его, он упал на землю, уронив с собой всех, кто повис на нем.

– Копье! – кричал один дикарь. – Копье! Надо перерезать ему горло! Дайте сосуд, чтобы собрать его кровь!

Я закрыл глаза. Вдруг что-то произошло. Я невольно открыл глаза и увидел странную сцену. Устана бросилась на распростертое тело Лео и закрыла собой, обхватив его шею своими руками. Дикари пытались оттащить ее, но она обвилась вокруг тела Лео и стерегла его как собака. Тогда дикари попытались ударить его в бок, не задев ее, но она помешала им, и Лео был только ранен. Наконец дикари потеряли терпение.

– Проткни копьем и человека, и эту женщину! – сказал чей-то голос. – Пусть они будут повенчаны!

Я увидел поднятое копье и снова закрыл глаза.

Вдруг раздался чей-то громовой голос:

– Довольно!

Внезапная слабость овладела мной, и я потерял сознание.

IX. Мертвая красавица

Когда я открыл глаза, то увидел, что лежу недалеко от костра, вокруг которого совсем недавно сидели дикари, готовясь к ужасному пиршеству. Около меня лежал Лео, а над ним склонилась высокая фигура Устаны, которая обмывала глубокую рану в боку, намереваясь перевязать ее. Сзади стоял Джон, невредимый, но испуганный и дрожащий. По другую сторону огня валялись трупы убитых нами людей, около 12 человек, не считая женщины, и тело бедного Магомета, которого убила моя пуля. Слева какие-то люди связывали руки оставшихся в живых людоедов и скрепляли их по двое.

Негодяи покорились своей участи, по-видимому, спокойно, хотя это спокойствие плохо сочеталось с их горевшими яростью глазами. Перед пленниками стоял старик Биллали, следивший за происходящим. Он выглядел усталым и был похож на патриарха со своей развевающейся бородой; смотрел на пленников так холодно и безучастно, словно перед ним были быки, которых готовили к бойне.

Потом он обернулся и заметив, что я сижу, подошел ко мне и очень любезно выразил надежду, что мне лучше. Я ответил, что у меня болит и ноет все тело. Он наклонился и осмотрел рану Лео.

– Скверный удар! – произнес он. – Но копье не задело внутренностей!

– Он оправится.

– Я рад, что ты вернулся, отец! – отвечал я. – Еще минута, и все было бы кончено! Эти дьяволы хотели убить нас, как убили нашего слугу!

Я указал на Магомета.

Старик стиснул зубы, и страшная злоба сверкнула в его глазах.

– Не бойся, сын мой! – ответил он. – Их постигнет такая участь, о которой страшно говорить. Они пойдут туда, где живет «Она», и их мучения будут достойны ее величия. Этот человек, – он указал на Магомета, – умер прекрасной смертью в сравнении с той, которая ожидает этих шакалов. Расскажи мне, пожалуйста, как это случилось?

В нескольких словах я передал ему все, что произошло.

– Так! – произнес он. – Да, сын мой, у нас существует обычай, – если чужестранец приходит в нашу страну, убивать его, надев ему на голову раскаленный горшок, и потом съесть!

– Странное гостеприимство, – возразил я, – в нашей стране мы ласково встречаем чужестранца, поим и кормим его. А здесь вы съедаете его!

– Таков обычай! – отвечал Биллали. – Я сам думаю, что это дурной обычай! Мне не нравится вкус мяса чужеземцев, особенно когда они долго бродили по болотам и питались дичью! – добавил он, помолчав. – Когда «От, которой повинуетесь все», приказала пощадить вашу жизнь, то ничего не сказала о черном человеке, а эти люди, настоящие гиены, захотели попробовать его мяса, и эта женщина, – ты верно сказал, – внушила им мысль надеть на него раскаленный горшок. Лучше бы этим злодеям не родиться на свет, чем увидеть ужасный гнев «Той, которой повинуетесь все»!

– Счастливы те, которые умерли от вашей руки!

– Да, – продолжал он, – вы хорошо дрались. Знаешь ли ты, длиннорукая обезьяна, что ты раздавил все кости у своих обоих противников, словно скорлупу от яйца? А молодой лев, он боролся с целой толпой. Трех он убил, а четвертый умирает, потому что его голова раздроблена. Это был чудесный бой, и я стал вашим другом, потому что люблю храбрых людей. Скажи мне, сын мой, – твое лицо так напоминает обезьяну, – как это случилось, что вы убили этих людей? Мне сказали, что вы убили их...

Я объяснил Биллали все что мог в немногих словах, потому что чувствовал себя усталым и говорил только потому, что боялся обидеть его. Растолковал ему, что такое порох и ружье. Тогда он попросил меня выстрелить в одного из пленников, чтобы показать ему на деле действие пороха и кстати воспользоваться случаем отомстить одному из негодяев. Биллали был очень удивлен, когда я пояснил ему, что мы не привыкли спокойно стрелять в людей, что мы предоставляем мщение закону и Высшему Могуществу. Я добавил, что когда оправлюсь, то возьму его с собой на охоту, где он убьет какое-нибудь животное. Он обрадовался моему предложению, словно дитя обещанной новой игрушке.

Лео открыл глаза под действием водки, которую Джон влил ему в горло, и мы замолчали.

Потом мы отнесли Лео и положили его в постель. Джон и Устана поддерживали его. Я готов был расцеловать добрую девушку за ее мужество, за то, что она рисковала своей жизнью, спасая моего мальчика. Но Устана оказалась строгой молодой особой, с которой нельзя было позволить себе никакой вольности. И я подавил свои чувства. Разбитый духом и телом, измученный, но с сознанием безопасности, я залег в свою нишу, не забыв поблагодарить Провидение от всего сердца за спасение. Немногие из людей были так близко от смерти и так счастливо избежали опасности!

Даже в спокойное время я плохо сплю вообще, а в эту ночь мои сны не были особенно приятными. Меня преследовала фигура Магомета, убегающего от раскаленного докрасна горшка. В конце концов передо мной постоянно появлялась закутанная фигура, которая время от времени сбрасывала с себя покрывало и стояла передо мной или в образе прекрасной цветущей женщины, или безобразного скелета, произносившего следующее:

«Все живущее познало смерть; то, что мертво, не может никогда умереть, потому что в Мире Духа жизнь – есть ничто, и смерть – ничто. Да, все живущее вечно, хотя временами засыпает и забывается!»

Наконец рассвело. Я чувствовал, что совсем закоченел и пытался встать. В 7 часов утра появился Джон, сильно хромавший. Его круглое лицо походило на недозрелое, помятое яблоко. Он сказал мне, что Лео спал хорошо, но был еще очень слаб.

Через 2 часа Биллали (Джон называл его Билли-козел, потому что его белая борода придавала ему сходство с козлом) пришел к нам, держа в руке лампу, почти упираясь головой в своды маленькой комнаты. Я притворился спящим и сквозь опущенные веки наблюдал за его насмешливым, но красивым старческим лицом. Он устремил на меня свои совиные глаза, поглаживая огромную бороду.

– Ага! – забормотал он (Биллали имел привычку бормотать про себя). – Он безобразен, безобразен настолько, насколько молодой красив, – настоящая обезьяна! Но я люблю этого человека, хотя странно в мои года любить белого человека. Пословица говорит: «Не доверяй людям и убей того, кому ты меньше всех доверяешь! Что касается женщин, беги от них, потому что они – зло, и в конце концов погубят тебя!» Это хорошая пословица и перешла к нам из древности. Но мне нравится эта обезьяна, и я надеюсь, что «Она» не околдует его. Бедная обезьяна! Он устал после борьбы! Я уйду, чтобы не разбудить его!

Я подождал, пока он повернулся ко входу, и позвал его.

– Отец мой, это ты?

– Да, сын мой, это я. Я уйду, чтобы не беспокоить тебя, хотя пришел посмотреть, как ты себя чувствуешь, и сказать тебе, что негодяи уже на пути к Той, которой повинуются все. «Она» сказала мне, чтобы вы все также пришли туда, но я боюсь, что вы не в состоянии идти!

– Да, – ответил я, – надо подождать, пока мы оправимся. Прошу тебя, отец мой, помоги мне выйти на воздух. Мне нехорошо здесь!

– Да, да, – ответил он, – здесь тяжелый воздух! Я помню, когда был еще мальчиком, то нашел на том месте, где ты лежишь, мертвое тело прекрасной женщины. Она была так

хороша, что я прокрался сюда с лампой, чтобы рассмотреть ее. Она была прекрасна. Цвет кожи ее был белым, а золотистые волосы доставали до ног. Каждый день приходил я сюда, чтобы любоваться на нее, – не смейся надо мной, чужестранец, – и, в конце концов, полюбил мертвую красавицу. Я часто целовал ее холодное лицо и думал о том, как счастлив был человек, который любил ее и обнимал. Да, это мертвое тело научило меня мудрости, говорило мне о суетности жизни, о величии смерти, о том, что все в мире имеет конец и забывается. Так шло время. Моя мать, очень наблюдательная женщина, заметила, что я изменился, стал серьезнее, начала следить за мной, увидела мертвую красавицу и испугалась, что я околдован ею. Пожалуй, это была правда! Моя мать взяла лампу, прислонила мертвую женщину к стене и подожгла ее волосы. Она сгорела вся. Смотри, сын мой, след дыма еще остался под сводами!

Я взглянул и заметил след сажи на сводах.

– Она сгорела вся до самых ног, – продолжал Биллали, – одну ногу я спас, отрезав ее от кости, и спрятал под этим камнем, завернув в кусок холста. Затем до сегодняшнего дня я не входил сюда. Погоди, я посмотрю!

Встав на колени, Биллали стал шарить своей длинной рукой под камнем. Вдруг лицо его вспыхнуло, и он вытащил что-то, покрытое пылью и завернутое в сгнившую тряпку. Когда он развернул это, я увидел, к моему удивлению, красивую, чудной формы женскую ногу, совершенно свежую и крепкую, как будто она была положена только вчера.

– Видишь, сын мой! – произнес Биллали печальным голосом, – я говорил тебе правду. Посмотри на эту ногу!

Я взял холодную ногу и долго рассматривал ее при свете лампы со странным чувством удивления, страха и очарования. Она была бела, белее, чем при жизни, и тело осталось телом, хотя от него исходил слабый запах. Мертвая нога не сморщилась, не почернела, как у египетских мумий, а осталась прекрасной, полной, хотя была немного опалена огнем. Бедная маленькая нога!

Я завернул в тряпочку эту реликвию и спрятал в свою сумку, – странное место успокоения; потом с помощью Биллали пошел к Лео. Он был весь разбит, выглядел хуже меня, страшно ослаб от потери крови, но зато весел и просил есть, Джон и Устана положили его на носилки и с помощью старого Биллали понесли ко входу в пещеру. Там мы все позавтракали и провели весь день. Наутро Джон и я совершенно оправились. Лео также чувствовал себя лучше, и я согласился отправиться на равнину Кор, где, как нам сказали, жила таинственная «Она».

Х. В дороге

Через час приготовили у входа в пещеру пять носилок. У каждого носилка стояли четыре носильщика и двое людей, а с ними кучка вооруженных воинов, которые должны были сопровождать нас и нести поклажу. Эти носилки предназначались для нас и Биллали, который пожелал отправиться с нами. Я подумал, что пятеро носильщиков были приготовлены для Устаны.

– Ведь девушка отправится с нами? – спросил я Биллали.

Он пожал плечами.

– Если желает! У нас женщины делают, что хотят. Мы преклоняемся перед ними, а если они делаются невыносимыми, то убиваем старух в поучение молодым, чтобы доказать, что мы – сильнее их. Моя бедная жена была убита три года тому назад. Это очень печально, но сказать правду, сын мой, моя жизнь стала лучше с тех пор!

Через 10 минут мы находились уже в пути. Около часу шли мы по вулканической равнине. Дивный пейзаж открылся перед нами. Зеленеющая глубокая равнина раскинулась далеко вокруг, кое-где поросшая деревьями. В глубине, под откосом равнины, дремало болото, над которым висели в воздухе испарения. Наши носильщики легко спустились по откосу, и к полудню мы добрались до окраины болот. Здесь остановились закусить, а потом по извилистой тропинке спустились в болото. Эта тропинка была почти неприметна для глаз, и я до сих пор не понимаю, каким образом носильщики нашли дорогу по болоту.

Мы двигались вперед, пока солнце не село, и добрались до оазиса сухой земли, где Биллали предложил расположиться на отдых. Мы уселись на землю вокруг костра, который развели из сухого дерева и тростника, принесенного с собой, с аппетитом поели и покурили. Странное дело! В этой стране было жарко, но временами мы зябли! Однако мы были очень довольны, что могли посидеть около огня, тем более, – москиты боялись дыма.

Завернувшись в наши одеяла, мы приготовились уснуть, но необыкновенный шум, устроенный тысячами бекасов, не давал заснуть. Я повернулся и взглянул на Лео. Он дремал, лицо его было красно. При свете костра я увидел Устану, лежавшую рядом с ним, которая время от времени, поднималась на локте и заботливо смотрела на него.

Проснулся я, когда уже светало и наши носильщики бродили в тумане как привидения, готовясь к дальнейшему путешествию. Костер погас. Я встал, дрожа всем телом от утреннего холода, затем посмотрел на Лео. Он сидел, обхватив голову обеими руками, лицо его покраснело, глаза блестели, веки пожелтели: очевидно, у него была лихорадка, да и у Джона также. Я сделал все, что мог, – дал им обоим по 10 грамм хинина и сам принял маленькую дозу, затем пошел к Биллали, объяснил ему, в чем дело, и спросил, что надо сделать. Он пошел со мной, взглянул на Лео и Джона, которого за его полноту и круглое лицо прозвал «свиньей».

– Ага! – произнес он. – Лихорадка! Так я и думал! У молодого Льва тяжелый приступ болезни, но он молод и выживет. Что касается «свиньи», у него легкая лихорадка, которая всегда начинается болью в затылке!

– В состоянии ли они двигаться вперед? – спросил я.

– Да, сын мой, они должны двигаться вперед. Если они останутся здесь, то наверняка умрут. Им будет лучше в носилках, чем на земле. К ночи, если все пойдет хорошо, мы перейдем болото и выберемся на чистый воздух. Ну, садитесь в носилки и отправимся, потому что нехорошо оставаться здесь, в этом тумане. Поесть мы можем дорогой!

Мы так и сделали. С тяжелым сердцем я сел в носилки. Первые три часа все шло хорошо, потом случилось происшествие, в результате которого мы едва не лишились нашего почтенного друга Биллали. Мы переходили наиболее опасную топь, где наши носильщики

брели по колено в воде. Я не понимал, как они ухитрялись тащить тяжелые носилки, идя по болоту, которое ежеминутно грозило засосать нас. Вдруг раздался резкий крик, плеск воды, и весь караван остановился.

Я выскочил из носилок и побежал вперед. В 20 ярдах от нас находился пруд стоячей воды, куда провалились носилки Биллали. Его нигде не было видно.

Оказалось, что один из носильщиков Биллали нечаянно наступил на змею, которая укусила его за ногу. Он схватился за носилки, чтобы не упасть. Носилки перевернулись, носильщики убежали, а Биллали и человек, укушенный змеей, покатались в пруд. Когда я подбежал к воде, несчастный носильщик не показывался больше. Наверное, он стукнулся обо что-нибудь головой или топь засосала его, но он исчез. Хотя Биллали также не было видно, но вода волновалась на том месте, куда упали носилки и где, запутавшись в занавесках, лежал Биллали.

– Он там! Наш отец – там! – заявил мне один из людей, но не пошевелил пальцем, чтобы помочь ему, так же как и остальные, которые стояли и смотрели в воду.

– Прочь, скоты! – крикнул я по-английски и, сбросив шляпу, прыгнул прямо в стоячую зеленую воду пруда. Не знаю, как мне удалось освободить старика, но его почтенная голова, вся покрытая зеленой тиной, скоро показалась на поверхности. Дальше все пошло хорошо. Биллали – человек бывалый и помогал мне и себе выбраться из болота. Он не хватался за меня, как это делают обыкновенно утопающие, и не мешал мне. Я схватил его за руки и потащил к берегу, с трудом пробираясь среди ила и зелени. И несмотря на то, что старик был весь покрыт тиной и илом, с растрепанной бородой, кашлял и чихал, он все же выглядел почтенным и внушающим доверие.

– Собаки! – обратился он к носильщикам, как только был в состоянии говорить. – Вы оставили меня, вашего отца, тонуть. Если бы здесь не было этого чужеземца, я, наверное, погиб бы! Хорошо, я вам припомню это!

Он устремил на них свои блестящие глаза с таким выражением, которое не обещало им ничего доброго.

– А ты, мой сын, – продолжал Биллали, пожимая мне руку, – будь уверен, что я – твой друг и в счастье, и в несчастье. Ты спас мне жизнь; может быть, наступит день, когда я спасу твою!

После этого мы почистили одежду, сели в носилки и отправились дальше. Несмотря на то, что один носильщик утонул, никто не был особенно огорчен этим обстоятельством. Не знаю, зависело ли это от темперамента или привычного ко всему равнодушия этого народа, но никто из них не пожалел безвременно погибшего человека.

XI. Равнина Кор

За час до заката солнца к моему удовольствию мы выбрались из болот на сухую землю, которая представляла собой ряд волнистых возвышенностей, и на вершине одного из холмов остановились на ночлег. Моей первой заботой было посмотреть на Лео. Ему было хуже, чем утром. Началась рвота и продолжалась до рассвета. Ни минуты не уснул я в эту ночь, помогая Устане, усердной и неутомимой сиделке, ухаживать за Лео и Джоном. Воздух был теплый, и москиты исчезли. Мы находились уже выше уровня болотистых испарений, так что положение наше было неплохим.

Наутро у Лео начался жар, он стал бредить, говоря, что его разрезали на две половины. Мне было очень тяжело. Пока я смотрел на него с болью в сердце, ко мне подошел Биллали и сказал, что мы должны двигаться вперед, особенно потому, что Лео нуждается в покое и уходе, иначе смерть его несомненна и будет вопросом одного или двух дней. Я не мог не согласиться с ним. Мы положили Лео на носилки и отправились дальше. Устана шла возле носилок, отгоняя мух и наблюдая, чтобы больной не упал на землю.

За полчаса до восхода солнца мы достигли вершины холма. Внизу у наших ног расстилалась богатая страна, утопавшая в зелени и цветах. На расстоянии 18 миль от того места, где мы стояли, высилась огромная и необычайная гора. У основания горы находился зеленющий откос, а на 500 футов выше уровня равнины я заметил огромную скалу над глубокой пропастью. Форма этой горы вулканического происхождения казалась круглой. Вид большого естественного замка был величественным и внушительным. Уединенность придавала ему еще более грандиозный вид, и его высокие утесы, казалось, целовались с небом, окутанным почти всегда тяжелыми облаками. Я сел в носилки и смотрел на равнину.

– Смотри, вот дом «Той, которой повинуются все», – сказал мне Биллали. – Есть ли у другой королевы такой трон?

– Да, это удивительно, отец мой! – ответил я. – Но как мы войдем? На эти утесы нелегко взобраться!

– Увидишь, Обезьяна! Посмотри, вот тропинка под нами. Что ты думаешь об этом? Вот, смотри!

Я взглянул и увидел тропинку между скалами, обложенную дерном, по сторонам которой высились огромные утесы.

– Я думаю, что тут есть дорожка, отец мой, – отвечал я, – иначе можно было бы подумать, что это русло реки или канала.

Биллали кивнул головой.

– Ты прав, сын мой! Это канава, прорытая теми, кто жил здесь до нас, чтобы отвести воду. Когда-то тут было большое озеро, пока те люди, что жили прежде нас, с удивительным искусством не вырыли тропинку в скалах. Но сначала они прорыли канал через равнину. Тогда вода бросилась в канал и затопила равнину: вероятно, от этого образовалось болото, по которому мы шли. Когда озеро высохло, народ выстроил тут прекрасный город, от которого теперь остались только развалины да название Кор!

– Может быть! – ответил я. – Отчего же озеро не наполняется вновь водой от дождей и ручьев?

– Сын мой! Народ, о котором я говорю, обладал мудростью и устроил водосточную канаву. Видишь ли ты эту реку, направо? – он указал на ручей, пересекавший равнину в 4 милях от нас. – Это и есть водосточная канава. Сначала, вероятно, вода стекала в канал, но позднее народ повернул ее сюда.

– А есть ли еще тропинка, по которой можно подняться на гору, – спросил я, – кроме этой канавы?

– Есть, – ответил Биллали, – но это тайна. Ты можешь искать целый месяц тропинку и не найдешь ее. Она сделана не более года тому назад!

– «Она» живет там всегда? – спросил я. – Или приходит сюда из-за горы?

– Да, мой сын, «Она» здесь и везде!

Мы находились теперь на равнине, и я залюбовался красотой тропических цветов и деревьев. Тут были дубы и пальмы удивительной высоты и какое-то поразительно красивое дерево с блестящими медовыми цветами, усыпанное длиннокрылыми бабочками. Между деревьев и в траве копошилась масса дичи и зверья, от зайца до носорога. Я заметил носорога, буйвола, антилопу, трех страусов, которые бросились бежать, заслышав наше приближение.

В носилках лежала моя винтовка «Мартини». Заметив жирного оленя, я бросился за ним. Он подпустил меня к себе на 8 ярдов и повернулся, чтобы бежать. Я выстрелил. Животное подпрыгнуло и упало замертво. Носильщики остановились, вскрикнув от удивления. Биллали пришел в восторг.

Затем мы отправились дальше, и шли без приключений, пока наконец не добрались до пропасти, очутившись перед входом в мрачный туннель, который напомнил мне такие же сооружения в Европе, но устроенные инженерами. Из туннеля вытекал ручей. Мы остановились у входа и, пока люди зажигали лампы, которые захватили с собой, Биллали слез с носилок и вежливо, но твердо заявил мне, что «Она» приказала завязать нам глаза, чтобы мы не знали тайного пути через скалы. Я согласился, но Джон огорчился, полагая, вероятно, что это предшествует церемонии «раскаленного горшка». Он несколько утешился, когда я уверил его, что ни у кого нет с собой горшка, как и огня, чтобы накаливать его. Что касается бедного Лео, то промучившись несколько часов, он заснул тяжелым сном, и не было надобности завязывать ему глаза. Нам же надели на глаза кусок желтого полотна, закрепили сзади и концы завязали под подбородком, чтобы повязка не соскользнула. Устане, не знаю почему, также завязали глаза. Потом мы двинулись в путь и по звуку шагов носильщиков и шуму воды я понял, что мы вошли внутрь ущелья. Это было странное ощущение – находиться в недрах горы, но я ничему не удивлялся, потому что привык здесь ко всему. Я лежал молча, прислушиваясь к мерным шагам носильщиков, шуму воды. Люди запели какую-то унылую песню, которую я слышал в тот вечер, когда нас взяли в плен. Скоро спертый воздух сделался так удушлив и тяжел, что я боялся задохнуться. Но вдруг носилки повернули куда-то, шум воды прекратился, свежий воздух пахнул мне в лицо. Снова поворот, и еще, и еще; я, хоть и с завязанными глазами, чувствовал себя прекрасно и старался представить мысленно этот путь на случай, если нам придется бежать назад, но не мог.

Около получаса шли мы так, как вдруг я почувствовал, что мы вышли на открытое место и сквозь повязку увидел свет и ощутил свежесть воздуха. Через несколько минут носилки остановились, и я слышал, как Биллали приказал Устане снять с нас повязки. Не дожидаясь ее, я развязал узел и сбросил тряпку.

Как я и полагал, мы прошли через пропасть и очутились на другом конце ее, на огромной скале, так что я мог различить мрачную линию противоположных утесов. Большая часть равнины была возделана и огорожена каменной стеной от вторжения скота в чудесные сады и зеленеющие поля.

У меня не осталось времени разглядывать окрестности, потому что нас окружила толпа народа и с любопытством разглядывала. Затем появились вооруженные люди под предводительством начальников, которые держали в руках мечи и одетые в шкуры леопардов. Это был, как я узнал, отряд телохранителей королевы.

Начальник их подошел к Биллали, раскланялся и что-то спросил. Биллали коротко ответил ему. Тогда стража повернулась и направилась вдоль утеса, а наши носилки после-

довали за ними. Пройдя полмили, мы остановились у входа в ужасную и мрачную пещеру в 60 футов высотой.

Биллали сошел с носилок и пригласил меня и Джона следовать за ним. Лео, конечно, был слишком болен для этого. Я повиновался и вошел в пещеру, наполовину озаренную лучами заходящего солнца. По стенам тускло мерцали лампы, словно газовые фонари на пустой лондонской улице.

Я заметил скульптурные украшения на стенах. Тут были изображены любовные сцены, охотничьи подвиги и мучения преступников под раскаленным горшком. Последнее, вероятно, нередко практиковалось у дикарей. Сцены битвы встречались очень мало, из чего я заключил, что этот народ нечасто подвергается нападению врагов, – вероятно, в силу особенностей этой болотистой страны. Между скульптурными изображениями я заметил странные надписи, но не мог разобрать их. Конечно, это не был ни греческий, ни египетский, ни еврейский и не ассирийский языки; надписи походили больше всего на китайские иероглифы.

Отряд телохранителей королевы остановился у входа в пещеру, чтобы пропустить нас туда. При входе нас встретил человек в белой одежде, который молча и смиренно поклонился. Это был глухонемой.

На двадцать футов от входа в пещеру вправо и влево тянулась широкая галлерея. У входа в левую галлерею стояли два воина, и я подумал, что здесь, вероятно, вход в апартаменты королевы. Вход в правую был не защищен, и немой пригласил нас жестом отправиться туда. Пройдя несколько ярдов по галлерее, освещенной лампами, мы вошли в комнату с тяжелой занавесью у входа. Немой отдернул ее и провел нас в новое помещение, вырубленное в скале, но ярко озаренное солнцем. В этой комнате находилось каменное ложе, сосуды с водой для омовения и шкуры леопарда вместо одеял.

Здесь мы оставили Лео и Устану. Я заметил, что немой дикарь бросил на нее острый взгляд, как бы спрашивая: кто ты такая и зачем пришла сюда?

Затем он провел нас в следующую такую же комнату, которую занял Джон, потом указал еще две, в которых разместились мы с Биллали.

XII. «Она»

Первой моей заботой было немного умыться и почистить платье, которое мы не меняли с момента гибели шхуны. К счастью, все наше имущество и одежду, находившуюся в лодке, доставили сюда носильщики. Я был очень доволен, что наше платье сделано из крепкой серой фланели, так как она очень удобна для путешествия. Простой жакет и пара штанов – все это очень тепло и удобно для тропической страны, хорошо защищает от лучей солнца и не дает быстро замерзнуть при внезапных переменах температуры.

Никогда не забуду я, как хорошо почувствовал себя, когда помылся и переоделся в чистую фланель. Единственное, чего мне не доставало для полного комфорта, – это куска мыла.

Потом я узнал, что народ Амахаггер употребляет для мытья кусок жженой земли, у которой неприятный вид, но она отлично заменяет мыло.

Я оделся, расчесал бороду, чтобы не походить уж совсем на обезьяну, как называл меня Биллали, и почувствовал голод. Поэтому я был очень доволен, когда занавеска у входа в мою комнату бесшумно отдернулась, и вошла немая девушка, которая знаками показала мне, что для нас приготовлена закуска. Я последовал за ней в следующую комнату, где застал Джона, которого привела сюда, к его великому смущению, красивая немая девушка. Бедняга не мог забыть женщину с «раскаленным горшком» и подозревал в дурном намерении любую приближавшуюся к нему женщину.

Комната, в которую мы вошли, была большая и, вероятно, когда-то служила местом для бальзамирования умерших. Вдоль стен находились большие каменные столы и отверстия для воздуха. Я заметил, когда рассмотрел их внимательнее, что стол слева, очевидно, предназначался для человеческого тела, потому что на нем было сделано возвышение для головы и поддержка для шеи. Скульптура, которой были украшены стены комнаты, изображала смерть, бальзамирование и похороны старика с длинной бородой, вероятно, древнего короля или сановника страны.

Эти скульптурные изображения были замечательны. Я рассматривал их с живым интересом. Но вот мы уселись за прекрасный обед, состоявший из козьего мяса и лепешек. Все это подавалось на чистых деревянных блюдах.

После завтрака мы пошли навестить бедного Лео, а Биллали ушел, сказав мне, что должен ожидать королеву и выслушать ее приказания. Лео был очень болен и бормотал что-то бессвязное. Устана поддерживала его. Я заговорил, и мой голос, казалось, успокоил его, он стал спокойнее и согласился принять хинин. Около часа просидел я у него. Наконец стало темно, и я едва различал его голову, лежавшую на подушке, которую мы соорудили, завернув мешок в одеяло, – как вдруг явился Биллали и с важным видом сообщил мне, что «Она» удостоила выразить желание видеть меня – редкая честь, нечасто выпадавшая на долю смертных. Мне кажется, он ужаснулся той холодности, с которой я принял эту честь, но, по правде говоря, я не чувствовал особой радости при мысли о встрече с дикой и мрачной королевой людоедов, как бы ни была она таинственна, тем более, что голова моя была занята болезнью Лео. Я встал, чтобы последовать за Биллали, но в это время увидел что-то блестящее на полу. Может быть, читатель помнит, что в шкатулке Винцея вместе с обломком амфоры находилась еще скарабея с изображением гуся и другого курьезного иероглифа «Suten se Ra», т. е. «Царственный сын солнца». Так как эта скарабея была очень мала, то Лео вделал ее в массивное золотое кольцо. Это кольцо я нашел теперь на полу. Лео сбросил его на пол в приступе лихорадки. Опасаясь, что кольцо затеряется, я надел его на свой палец и последовал за Биллали.

Мы прошли левый коридор и вошли в коридор по другую сторону пещеры, где у входа, словно две статуи, стояли два воина. Они склонили голову в знак приветствия. Мы прошли мимо них и очутились в галлерее, которая была ярко освещена. Нас встретили четверо немых людей, – двое мужчин и две женщины, которые поклонились нам; потом женщины встали впереди нас, а мужчины – сзади. В таком порядке наша процессия двинулась вперед, миновала несколько входов с занавесями, ведущими в помещение прислужников королевы. Еще несколько шагов, и мы дошли до конца галлерей. Два стража в одеждах из желтоватого полотна также поклонились нам и пропустили нас в следующее помещение, где восемь или десять светловолосых женщин, по большей части молодых и красивых, сидели на подушках, работая над чем-то вроде вышивки. Все они были глухонемые. На дальнем конце комнаты находился еще вход, завешенный тяжелым, в восточном вкусе, ковром, где стояли две очень красивые девушки. Когда мы подошли к ним, они отдернули тяжелый занавес. Тут Биллали проделал смешную вещь. Этот почтенный джентльмен лег на живот и в такой некрасивой позе, с длинной белой бородой, которая волочилась по полу, пополз на руках и коленках в следующую комнату. Я последовал за ним на ногах. Взглянув через плечо, он заметил это.

– Ляг на пол, сын мой! Ползи! – произнес он, – «Она» присутствует здесь, и если ты не будешь скромн, «Она» поразит тебя на месте!

Я остановился и почувствовал ужас. Мои колени начали подгибаться, но разум пришел на помощь. Зачем я, англичанин, буду ползать, подобно дикарю, в присутствии дикой королевы? Я не мог сделать подобного, пусть бы от этого и зависела моя жизнь!

Я смело пошел вперед и очутился в маленькой комнате, стены которой были завешаны богатыми тканями, – работой, как я узнал после, немых женщин. В комнате стояли стулья из черного дерева с украшениями из слоновой кости, пол покрывал ковер. В конце комнаты я заметил уединенный уютный уголок, завешенный занавесом, сквозь который пробивались лучи света.

Биллали не был специалистом по части ползания, и мы медленно двигались по комнате, так как я соразмерял свои шаги с его движениями.

Наконец мы добрались до занавеса, Биллали ткнулся в него, протянув вперед руки, словно собираясь умирать. Я, не зная, что делать, осматривал комнату и вдруг почувствовал, что кто-то смотрит на меня из-за занавеса.

Страх овладел мной. Кругом царил тишина, Биллали как труп лежал перед занавесом, комната, озаренная светом ламп, благоухала чудным ароматом. Минута шла за минутой. Все было тихо; ни признака жизни, ни одного движения! Я чувствовал на себе чей-то взгляд, пронизывавший меня насквозь, и был так испуган, что у меня перехватило дыхание.

Наконец занавес пошевелился. Кто был там?

Занавес снова пошевелился, и между складками его появилась прелестная, белая как снег рука, с длинными тонкими пальцами и изящными ногтями. Рука приподняла занавес, и я услышал удивительно нежный серебристый голос.

– Чужестранец, – сказал голос на чистейшем классическом арабском языке, – отчего ты так испугался?

Я настолько сохранил самообладание, что не выдал своего удивления. Но прежде чем я ответил, из-за занавеса вышла высокая фигура.

Вся она была закутана белым газом; это напомнило мне мумию в могильном одеянии.

Я перепугался еще больше при появлении призрачного существа, и волосы зашевелились на моей голове, хотя я мог ясно различить в этой мумии высокую и прекрасную женщину, обладающую удивительной, почти змеиной, гибкостью и грацией.

– Отчего ты испугался, чужестранец? – снова повторил нежный голос, звучащий как музыка, но проникавший до самого сердца. – Разве я так страшна, что могу испугать мужчину? Надо полагать, что мужчины сильно изменились!

С легким и кокетливым движением стана она обернулась, словно желая показать всю свою красоту и роскошные волны черных волос, спускавшихся до полу, до обутых в сандалии ног.

– Твоя красота поразила меня, о королева! – ответил я скромно, не зная, что сказать, и мне послышалось, – старый Биллали, лежавший на полу, пробормотал: «Хорошо, моя обезьяна, хорошо!»

– Я вижу, что мужчины умеют льстить женщинам! – ответила она со смехом, звеневшим, как серебряный колокольчик. – Ты испугался, чужестранец, потому что мой взгляд проник в твое сердце. Но так как я женщина, то прощаю тебе ложь, сказанную так любезно! Теперь скажи мне, как вы попали в эту страну – страну пещер, болот, злодеяний и теней смерти? Зачем вы пришли сюда? Как решились вы вручить свою жизнь в руки Хийя, или «Той, которой повинуются все»? Откуда ты знаешь мой язык? Это – древний язык, сладкозвучное дитя старой Сирии. Что делается в мире? Я живу в пещерах среди мертвецов, и ничего не знаю о людях и не забочусь об этом. Я живу, чужестранец, моими воспоминаниями, и воспоминания лежат в могиле, вырытой моими собственными руками!

Ее чудный голос дрогнул и зазвенел. Вдруг глаза ее упали на фигуру Биллали, и она вспомнила о нем.

– А, вот и ты, старик! Скажи мне, как случилось это безобразие в твоём хозяйстве? Кажется, мои гости были в опасности? Одного из них хотели убить и съесть твои дети, эти скоты, и если бы чужестранцы не дрались с такой смелостью, то были бы все убиты, и я не могла бы ничего поделать. Что это значит, старик? Не должна ли я наказать тебя?

Голос ее зазвучал гневно и холодно. Биллали, который вовсе не был трусом, замер от ужаса.

– О, Хийя, великая королева! – вопил он, лежа на полу. – Будь милостива, я твой верный слуга! Это не моя вина. Женщина, над которой посмеялся один из белых гостей, внушила им следовать старинному обычаю и съесть толстого черного молодца, который пришел с твоими гостями – Обезьяной и Львом, – бедный Лев очень болен, – зная, что ты не отдала никаких приказаний насчет него. Обезьяна и Лев убили женщину и черного слугу, чтобы спасти его от ужасной смерти. Тогда эти скоты, опьяненные жадой крови, набросились на твоих гостей. Но белые храбро боролись с ними. О, Хийя! Они дрались как мужи и убили многих, и я пришел и спас их, а злодеев послал сюда, на равнину Кор, чтобы ты, великая, судила их! Они уже здесь!

– Да, старик, я знаю. Завтра я сяду в большом зале и буду судить их! А тебя я прощаю. Смотри, чтобы вперед этого не случилось у тебя! Иди!

Биллали поднялся с пола и, стоя на коленях, трижды поклонившись до земли, пополз из комнаты и исчез за занавесом, оставив меня одного с этой ужасной, но очаровательной женщиной.

XIII. Аэша

– Ушел! – произнесла «Она». – Ушел седобородый глупец! Как мало познаний приобретает человек в жизни. Подобно воде, жизнь проскальзывает у него между пальцев, и если пальцы его чуть-чуть мокры, как от росы, целое поколение глупцов кричит: вот истинно мудрый человек! Разве это не верно? Но скажи мне, как зовут тебя? «Обезьяна» – так называет тебя Биллали... – Она засмеялась. – Это манера дикарей – давать имена животных людям! Как называют тебя в твоей стране, чужестранец?

– Меня зовут Холли, королева! – отвечал я.

– Холли! – повторила она, с трудом выговорив слово, но произнося его с красивым акцентом. – Что такое «Холли»?

– «Холли» значит – колючее дерево! – ответил я.

– Так. Ты выглядишь действительно крепким и колючим деревом. Ты силен и безобразен, и если я не ошибаюсь, честен в сердце своем, на тебя можно положиться. Ты привык много думать. Но чего же ты стоишь, Холли? Войди и садись! Я не хотела бы видеть тебя ползающим, как раб! Мне противны их поклонение и страх передо мной!

Она откинула занавес своей прекрасной рукой, чтобы я смог войти.

Я вошел, содрогаясь. За занавесом находился уголок, где стояло ложе и стол, на столе были фрукты и прозрачная вода в вазе. В конце комнаты стоял каменный сосуд в виде купели, также наполненный водой. Освещенный мягким светом ламп, этот уголок комнаты был полон аромата.

Благоухание исходило также от блестящих волос и белого одеяния королевы.

Я сел в ногах ложа, «Она» опустилась на другой его конец.

– Теперь, Холли, – произнесла она, – каким образом ты научился говорить по-арабски? Я родилась в Аравии, это дорогой мне язык! Моя родина – древний и прекрасный Озал, я родилась от нашего отца Гараба, сына Катана. Ты не умеешь так говорить, как мы. Твой язык звучит музыкой сладкого наречия племен Хамиар... Некоторые слова изменены здесь, у народа Амахаггер, и я говорю с ними на другом наречии!

– Я изучал этот язык много лет, – отвечал я. – На этом языке говорят в Египте и еще во многих странах!

– На нем говорят в Египте и теперь? Фараоны все еще царствуют там? А персы?

– Персы ушли из Египта две тысячи лет тому назад. С тех пор властвовали Птолемеи – римляне, и многие другие процветали на берегах Нила, пока не пришло время их падения!

– А Греция? – произнесла она. – Существует ли Греция? Я любила греков. Они были красивы, как ясный день, и умны, но жестоки и вероломны!

– Да, – сказал я, – Греция существует, существуют и греки. Но нынешние греки вовсе не похожи на древних греков, и теперешняя Греция кажется насмешкой над прежней богатой страной!

– Так! А евреи все еще в Иерусалиме? Существует ли храм, выстроенный мудрым королем? Какому Богу поклоняются они теперь? Пришел ли Мессия, о котором они громко пророчествовали? Он ли управляет землей теперь?

– Иудеи разбиты и ушли, остатки великого народа разошлись повсюду, и Иерусалима больше нет. Что касается храма, выстроенного Иродом...

– Ирод! – прервала она. – Я не знаю Ирода. Говори!

– Римляне сожгли его, и римские орлы летали над его развалинами. Иудея представляет собой сейчас пустыню!

– Так. Эти римляне были великим народом и шли прямо к своей гибели!

– Solitudinem faciunt, pacem appellant, – добавил я.

– Ага, ты можешь говорить и на латинском языке? – произнесла «Она» с удивлением. – Как странно звучит он в моих ушах после стольких лет. Мне кажется, я встретила ученого мужа, чьи руки умели удерживать воду мудрости! Ты знаешь и греческий язык?

– Да, королева, и еврейский, но только не могу говорить. Это уже мертвые языки!

«Она» радостно захлопала в ладоши.

– Это верно, хоть ты и безобразное дерево, но приносишь плоды мудрости, о Холли! – произнесла Аэша. – Но расскажи мне про этих иудеев, которых я ненавидела, потому что они называли меня «язычницей», когда я хотела научить их моей философии, – пришел ли их Мессия?

– Их Мессия пришел, – отвечал я, – но пришел бедный и простой, и они не захотели Его, оскорбляли и смеялись над Ним и распяли Его, наконец. Его дела и слово вечно живы, потому что Он был Сын Божий и сейчас правит миром!

– Ах, эти жестокосердные волки! – произнесла она. – Приверженцы суеты, жадные до денег! Я как сейчас вижу их мрачные лица! Так они не признали Мессию? Я верю этому. И Он был Сыном Вечного Духа и пришел без пышности и величия? А они, этот избранный народ Того, Кого они звали Иегова, этот сосуд Ваала, Астарты, египетских богов, прожорливый народ, жаждущий богатства и власти, – они не признали своего Мессию, потому что Он был беден и скромн, и рассеялись по всей земле?! Да, да, я помню, об этом говорили пророки. Пусть их! Эти иудеи разбили мне сердце, смотрели на меня злыми глазами, и когда я хотела научить их мудрости, их белобородые лицемеры – раввины внушали народу у ворот храма побить меня! Смотри, вот знак, оставшийся с тех пор!

Она быстрым движением отвернула газ, окутывавший ее прекрасную руку, и показала мне шрам, красневший на молочной белизне тела.

Я испуганно отскочил назад.

– Прости меня, королева, – сказал я, – но я ничего не понимаю. Две тысячи лет прошло с тех пор, как Иисус был распят на Голгофе. Как же ты могла учить иудеев философии, прежде чем Он пришел на землю? Ты – женщина, а не дух! Может ли женщина жить 2000 лет? Зачем ты дурачишь меня, королева?

Она откинулась назад, и я почувствовал блеск ее взгляда, который проник в мое сердце.

– О, человек! – произнесла она тихо и спокойно. – Это тайна, которой ты не знаешь! Почему ты думаешь, что все живущее умирает? Ничто и никогда не умирает! Смерти нет, есть только Перевоплощение! Смотри, – она указала на скульптурные изображения, – шесть тысяч лет прошло с тех пор, как великая раса погибла под дыханием разрушительной болезни... Но они живут и сейчас. Может быть, их души присутствуют здесь с нами в этот час! – она оглянулась вокруг. – Иногда мне кажется, я вижу их!

– Да, но для мира они умерли навсегда!

– Нет, на время, и возрождались снова и снова... Я, Аэша, – так меня зовут, чужестранец, – говорю тебе, что жду возрождения любимого человека, и знаю наверняка, что он придет сюда, ко мне! Ты знаешь, я всемогуща, моя красота превосходит красоту греческой Елены, которую воспели поэты, моя мудрость – выше мудрости Соломона, я знаю тайны земли, могу устроить все для своей пользы; зачем же, скажи мне, чужестранец, я остаюсь здесь с этими варварами, которые хуже животных?

– Не знаю! – отвечал я скромно.

– Потому что я жду того, кого люблю! Быть может, жизнь моя была злом, я не знаю, потому что кто может сказать, что такое зло или добро?

На минуту я растерялся и не мог ответить. Это было выше моего понимания.

– О, королева, произнес я наконец, – если мы, люди, не умираем, а только меняем оболочку и снова рождаемся, то как же те, которые никогда не умирали?..

– Да, – ответила она с блеском в глазах, – я разгадала одну из величайших загадок мира. Скажи мне, чужестранец, жизнь существует – почему не может она длиться бесконечно? Что такое десять, двадцать, пятьдесят тысяч лет в истории? Почему гора стоит десятки тысяч лет под бурей и дождем? Эти пещеры не изменились за две тысячи лет, не изменились и животные, и человек, который подобен животному. В этом нет ничего удивительного. Природа имеет живительную силу, а человек – дитя природы и должен проникнуться этой силой и жить ее жизнью! Он не будет жить вечно, потому что сама природа не вечна и должна умереть или заснуть, пока не наступит время ее пробуждения. Но когда он умрет? И пока она живет, человек, познавший ее тайны, живет с ней. Для тебя, несомненно, это – великая загадка. Скажи мне, был ли ты удивлен, что я узнала о вашем приезде сюда и спасла вашу жизнь?

– Да, королева! – отвечал я.

– Смотри в воду! – она указала мне сосуд, похожий на купель, наклонилась и подняла над ним руку. Я встал и посмотрел. Вода потемнела, потом просветлела, и я совершенно ясно увидел нашу лодку на этом ужасном канале. На дне ее спал Лео, прикрыв лицо от moskitov, возле него сидели я, Джон и Магомет.

Я отскочил назад, вскричав, что это колдовство, потому что узнал каждую подробность этой картины.

– Нет-нет, Холли, – ответила она, – это не колдовство! Это твое невежество! Я не умею колдовать, я знаю только тайные силы природы. Эта вода – мое зеркало, и в ней я вижу все, что мне нужно. Я могу показать тебе твое прошлое, или припомни какое-нибудь лицо, и я покажу его тебе в воде! Я не знаю всех тайн природы, я не умею читать в будущем. В Аравии и Египте колдуны умели разгадывать его несколько веков тому назад!

– Однажды я вспомнила о старом канале, по которому плавала 20 лет тому назад, и захотела увидеть его. Взглянув в воду, я увидела лодку, троих людей и еще одного молодого человека, спавшего на дне лодки, и приказала пощадить вас. Теперь прощай! погоди, скажи мне что-нибудь об этом юноше, о Льве, как его называет старик. Я хотела бы взглянуть на него, – он болен лихорадкой и ранен?

– Он очень болен! – ответил я печально. – Не можешь ли ты, королева, помочь ему?

– Конечно. Я могу вылечить его. Но отчего ты так печально говоришь о нем? Ты любишь юношу? Он – сын твой, может быть?

– Он – мой приемный сын, королева. Можно принести его сюда, к тебе?

– Нет. Давно ли он заболел лихорадкой?

– Третий день сегодня!

– Хорошо. Оставь его полежать еще день. Быть может, молодость и сила одержат верх над болезнью, и это лучше, чем мое лечение. Если завтра ночью, в тот самый час, когда началась лихорадка, он не почувствует себя лучше, я приду и полечу его. Кто смотрит за больным?

– Наш белый слуга, которого Биллали называет «Свиньей»; и еще, – добавил я нерешительно, – женщина по имени Устана, красивейшая из женщин этой страны. Она подошла и поцеловала Лео, как только увидела его и осталась с ним с тех пор по обычаю твоего народа, королева!

– Моего народа! Не говори мне о моем народе! – ответила она сурово. – Эти рабы не могут быть моим народом, – собаки, приставленные ко мне, пока не наступит день моего освобождения! Что касается их обычаев, я не имею ничего общего с ними. Не зови меня королевой, – мне надоело это, а зови Аэшой. Это имя так хорошо звучит. Устану я совсем не знаю. Не тот ли это юноша, которого я жду? Ну, увижу потом!

Наклонившись, она провела рукой над водой.

– Смотри, – произнесла она, – эта женщина?

Я посмотрел в воду и увидел силуэт Устаны, которая стояла, нагнувшись, с бесконечной нежностью глядя на что-то, и локон ее волос опустился на правое плечо.

– Это она! – произнес я тихо. – Она бережет сон Лео!

– Лео! – повторила Аэша, – «Лео» значит «лев» по-латыни. Старик удачно назвал его львом. Странно, странно, – продолжала она, – так похож! Это невозможно! – нетерпеливым жестом она провела рукой над водой.

– Не желаешь ли ты что-нибудь спросить у меня, Холли? – заговорила Аэша после минутного раздумья. – Тебе тяжело жить там, среди дикарей? Посмотри, чем я питаюсь! – она указала на фрукты. – Я не ем ничего, кроме фруктов и воды. Мои служанки ожидают тебя! Они – глухонемые, но верны и преданны мне, и я умею понимать их! Я сама воспитывала их. Это продолжалось несколько столетий и стоило многих хлопот. Первое поколение моих воспитанниц оказалось безобразным, и я позволила им умереть! Теперь, как видишь, все они красивы. Я хотела воспитать целую расу великанов, но природа не допустила этого. Что ты хочешь спросить у меня?

– Только одно, Аэша, – ответил я смело, – позволь мне взглянуть на твое лицо!

Она засмеялась звенящим смехом.

– Подумай, Холли, подумай! Ты, наверное, знаешь древние мифы греческих богов. Разве Актеон не погиб, увидев необыкновенную красоту? Если я покажу тебе мое лицо, ты, наверное, погибнешь, или тебя охватит жгучая страсть ко мне! Но я не для тебя, я – для другого человека, который еще не пришел!

– Как хочешь, Аэша, – произнес я, – но я не боюсь твоей красоты. Сердце мое давно отвернулось от женщин, красота которых мимолетна, как цветок!

– Ты ошибаешься, – возразила она, – красота не мимолетна! Моя красота не исчезнет, пока я живу. Если хочешь, безрассудный человек, я исполню твое желание, но не сердись, если страсть твоя превысит рассудок! Никогда мужчина, увидав мою красоту, не забудет ее! Я должна скрывать свое лицо даже от дикарей. Смотри!

– Я хочу видеть твое лицо! – отвечал я, так как мое любопытство превозмогло страх.

Она подняла свои белые прекрасные руки и медленно, очень медленно дотронулась до волос. Вдруг длинная пелена, окутывавшая ее глаза, упала на пол, и моим глазам явилась дивная царственная фигура, одетая в прозрачную белую одежду, под которой видны были царственные формы тела. На ногах ее были сандалии, застегнутые золотыми пряжками. Я никогда не видел ног такой совершенной красоты. Ее белая одежда была скреплена у пояса двухголовой золотой змейкой, и прекрасная грудь сияла снежной белизной. Я взглянул в ее лицо и отступил, пораженный и ослепленный. Мне приходилось слышать о небесной красоте, но это было не то. В красоте Аэши не было идеальной чистоты и невинности. Это была красота зла, не знаю, как назвать ее иначе. Я не в силах, не могу описать ее. Не родился тот человек, который смог бы описать ее! Великолепные, глубокие и нежные черные глаза, точно изваянное лицо, благородный, чистый лоб. Изящные классические черты и роскошные волосы, – вот все, что могу сказать. Но захватывающая красота Аэши заключалась не в прекрасном лице, а в необыкновенном величии, царственной грации, в божественном отпечатке могущества всей ее фигуры. Никогда не мог я предположить, что может быть такая возвышенная и мрачная красота! Это было лицо молодой женщины не старше 30 лет, в расцвете сил и созревшей красоты, с отпечатком пережитых страстей и страданий. Даже прелестная улыбка, скользившая иногда в углах ее губ, не могла сгладить этой тени греха и печали.

Охваченный магнетической силой, которой не мог противостоять, я посмотрел в ее необыкновенные глаза и почувствовал, словно ток пробежал по моему телу и парализовал меня.

«Она» засмеялась и кивнула мне маленькой головкой движением, достойным самой Венеры.

– Безрассудный человек! – произнесла она. – Я исполнила твоё желание, будь осторожен, чтобы не погибнуть, как Актеон. Я подобна богине, Холли!

– Я видел твою красоту и ослеплен ею! – произнес я, прикрывая глаза рукой.

– Красота подобна молнии, Холли! Она очаровывает и убивает!

Она снова кивнула головой и засмеялась.

Вдруг сквозь пальцы я заметил, что лицо ее изменилось.

Большие глаза устремились вперед с выражением ужаса. Прекрасное лицо сделалось суровым.

– Человек! – произнесла она, откинув назад голову. – Человек! Откуда у тебя эта скарабея на руке? Говори, или, клянусь Духом Жизни, я поражу тебя на месте! – Она сделала шаг ко мне, и в глазах ее загорелся зловещий огонь. В ужасе я упал перед ней на пол бормоча про себя что-то несвязное.

– Успокойся! – сказала она, снова меняя тон, прежним мягким голосом. – Я испугала тебя! Прости! Иногда в раздражении я невольно злоупотребляю своей силой! Ты был близок к смерти... Но скарабея, – говори, где ты ее взял?

– Я нашел ее, – пробормотал я слабо, так как совершенно забыл в эту минуту, что нашел кольцо в комнате Лео.

– Странно, – произнесла Аэша с волнением и дрожью, – я видала такую же скарабею на шее того, кого я любила! – и она зарыдала, как самая обыкновенная женщина. – Быть может, она похожа на ту, – продолжала она, – а тот, кто носил ее, так сильно дорожил ею!⁸ Скарабея, которую я видала раньше, не была вделана в кольцо. Теперь иди, Холли, и постарайся забыть, что видел красоту Аэши!

Отвернувшись от меня, она бросилась на ложе и спрятала лицо в подушки. Я не помню, как ушел от нее и добрался до своей пещеры.

⁸ Один ученый египтолог, которому я показал эту красивую скарабею, сказал мне, что никогда не видал подобной. Я думаю, что эта скарабея играла видную роль в трагической истории принцессы Аменартес и ее возлюбленного Калликрата, жреца Изиды.

XIV. Заклинания Аэши

Было около 10 часов вечера, когда я бросился на свою постель, стараясь собрать мысли и обдумать все, что слышал и видел. Но чем больше я обо всем думал, тем меньше что-либо понимал. Был ли я пьян, с ума сошел или грезил наяву? Возможно ли, чтобы я, человек положительный, имеющий кое-какие познания в науке, абсолютно не доверявший всяким фокусам, которые в Европе называются «сверхъестественным явлением», мог допустить, что в течение нескольких минут беседовал с женщиной, имевшей от рода 2000 лет! Была ли это мистификация, или что другое? Что же такое эти фигуры, которые я видел в воде, это необыкновенное знание древности и положительное неведение настоящего? Что я должен думать о ее удивительной, поражающей красоте?

Я схватил себя за волосы, вскочил с ложа, чувствуя, что схожу с ума. Что подумала она о скарабее?

Эта скарабея, взятая из ящика Винцея, который он принес мне двадцать один год тому назад, принадлежала Лео. Возможно ли, что подобная история правдива? Если это так, то, может быть, Лео – тот человек, которого ждет «Она», – умерший человек, который должен родиться вновь! Невозможно! Но если женщина может прожить 2000 лет, тогда возможно и все остальное! Быть может, я сам перевоплотился из какого-нибудь далекого предка. К несчастью, я ничего не помнил из прошлого. Эта мысль показалась мне до того нелепой, что я разразился хохотом и, обратившись к скульптурному изображению мрачного воина на стене, громко произнес. Кто знает, старый дружище! Быть может, я был тобой, а ты – мной! – Затем я снова засмеялся, и звуки моего смеха странно звучали под сводом, словно дух воина смеялся вместе со мной.

Я вспомнил, что не видал еще Лео, и, взяв лампу, проскользнул ко входу в его спальню. Ночной воздух колыхал занавес, словно невидимые духи шевелили его. Я прошел в комнату и огляделся. При свете лампы я увидел Лео, лежавшего на ложе. Он спал. Рядом с ним, держа его руку в своих, облокотившись на ложе, полулежала Устана и дремала. Оба они представляли прекрасную и трогательную картину. Бедный Лео! Его щеки пылали, под глазами залегла тень, и дыхание было прерывисто.

Он был тяжело болен. Меня охватил страх, что он может умереть, и я останусь один на свете. Тогда я начал молиться в сердце своем, чтобы Бог спас моего мальчика и сохранил ему жизнь.

Я вышел из комнаты и вернулся к себе, но не мог уснуть. Мысли, видения, образы – все мешалось в моей голове. И надо всем этим неотступно стоял образ ужасной, очаровательной женщины с ее поразительной красотой.

Вдруг я заметил, что в стене было узкое отверстие, которого я не видел раньше. Взяв лампу, я начал рассматривать его: отверстие вело в узкий проход. Конечно, было не особенно приятно найти тайный ход в свою спальную комнату, по которому могут войти люди и застать тебя спящим. Я направился в проход, похожий на коридор, который привел меня к каменной лестнице; спустился по ней и очутился в туннеле, вырытом в скале, находившемся как раз под нашими комнатами. Тут было тихо и пустынно. Я шел вперед, бесшумно ступая по полу и, пройдя около 50 ярдов, добрался до третьего коридора. Вдруг лампа моя погасла, и я остался в полнейшем мраке. Что делать? Ужасно было идти вперед в темноте, но нельзя было и стоять тут всю ночь. Я оглянулся. Ни звука, ни шороха. Я двинулся вперед... Вдали мне почудился слабый свет. Медленно пробирался я по туннелю, держась за стену и боясь упасть куда-нибудь. Еще тридцать шагов – там виднелась широкая полоса света, пятьдесят шагов – близко, рукой подать! Шестидесять шагов... О, праведное Небо!

Я находился у занавеса и мог ясно видеть маленькую пещеру, похожую на могильный склеп и освещенную белым пламенем огня, горевшего в центре пещеры. Слева находилось каменное ложе, на котором лежал, как мне показалось, труп, прикрытый чем-то белым. Справа – такое же ложе, покрытое вышитой тканью. Над огнем склонилась фигура женщины, смотревшей на пламя. Она встала на колени, боком ко мне, вся закутанная в темный плащ, делавший ее похожей на монахиню. Я не знал, что делать. Вдруг женщина встала на ноги и сбросила темный плащ. Это была «Она».

Одетая в белую одежду, она была так же прекрасна, как во время беседы со мной. Ее роскошные волосы тяжелой волной падали до полу. Мои глаза были прикованы к ее лицу, словно я был околдован. Отчаяние и страсть исказили ее прелестные черты. Глаза были полны несказанной муки. С минуту она стояла неподвижно, потом подняла руки над головой, и белая одежда соскользнула к ее ногам, обнажив ослепительную красоту тела. Она стояла, стиснув руки, и выражение злобы появилось на ее лице. Я подумал о том, что случилось бы, если бы она увидела меня, и чуть не упал от ужаса. Но даже если мне и грозила смерть, я не в силах был пошевелиться и уйти. Руки ее опустились, опять поднялись над головой, и я видел, как белое пламя двигалось за ними до самого свода пещеры, бросая призрачный отблеск на ее фигуру, на труп, лежавший на камне, и на всю пещеру.

Прекрасные руки снова опустились, и она заговорила, или, вернее, зашипела по-арабски слова, от которых кровь застыла в моих жилах и сердце замерло в груди.

«Проклятие ей, пусть она будет проклята навеки!»

Руки поднялись и упали, так же, как и пламя.

«Проклятие ее памяти! Проклята будь память Египтянки!»

«Проклятие ей, дочери Нила, за ее красоту!»

«Проклятие ей за то, что ее волшебство сильнее моего!»

Аэша закрыла глаза руками и вскричала:

– Какая польза в этом проклятии? Она оказалась сильнее и ушла от меня!

Потом с ужасающей энергией она заговорила снова:

«Проклятие ей, где бы она ни была! Пусть мое проклятие застигнет ее везде и отравит ей час смерти!»

«Проклятие ей через огромные звездные пространства! Пусть будет проклята ее тень!»

Пламя упало. Аэша закрыла глаза руками.

– Это безумие! – произнесла она. Как может коснуться проклятие того, кто спит сном смерти?

И снова она начала свои заклинания.

«Проклятие ей, если она возродится вновь! Пусть она родится уже проклятой!»

Пламя поднималось и падало, отражаясь в измученных глазах Аэши. Страшный шепот ее проклятий раздавался в стенах пещеры и замирал под сводами. Свет и мрак попеременно отражались на белой зловещей фигуре, распростертой на камне.

Наконец Аэша, видимо, устала и умолкла. Она села на пол, закрыв лицо и грудь своими дивными волосами и начала горько, отчаянно рыдать.

– Две тысячи лет, – бормотала она, – две тысячи лет я ждала и терпела. Века ползут медленно, время тянется бесконечно, искра надежды угасает. О, прожить две тысячи лет, терзаясь страстью, которая гложет сердце! О, как бесконечны эти скучные годы! Любовь моя! Любовь моя! Зачем чужестранец вернул мне эту страсть? Долгих 5 веков я не страдала так, как сейчас! Если я согрешила против тебя, то не омыла ли мой грех слезами раскаяния? Когда ты придешь ко мне, мой возлюбленный? Почему я не умерла с тобой, когда убила тебя? Увы! – Она упала лицом на пол и так отчаянно зарыдала, что я боялся – ее сердце разорвется.

Вдруг Аэша умолкла, встала на ноги, поправила платье и, откинув назад непослушные волны волос, подошла к трупу на каменном ложе.

– О, Калликрат! – вскричала она, и я вздрогнул при этом имени. – Я должна взглянуть в твое лицо, хотя оно мертво и неподвижно!.. Сколько времени прошло с тех пор, как я убила тебя, убила своей собственной рукой!

Дрожащими пальцами она схватилась за покров и умолкла. Когда она вновь заговорила, это был страшный, хриплый шепот.

– Я могу, имею силу заставить тебя встать! – прошептала она и положила руки на покров, хотя лицо ее было сурово и ужасно, а глаза расширились и горели. В ужасе я отскочил назад, волосы встали дыбом у меня на голове, мне показалось, что труп под покровом зашевелился. Вдруг Аэша опустила руки, и тело осталось неподвижным.

– Но зачем? – продолжала она печально. – Для какой цели? Зачем оживлять тело, если я не могу оживить души? Даже если бы ты стоял передо мной, ты не узнал бы меня! Да, твоя возрожденная жизнь была бы моей жизнью, а не твоей, Калликрат!..

Аэша остановилась, потом опустилась на колени, прижалась губами к покрову и заплакала. Это зрелище горя страшной женщины, отдавшей всецело своей страсти к мертвецу было так ужасно, что я не мог больше выносить его и, повернувшись, пополз назад по темному переходу, дрожа всем телом.

Не знаю, как я дополз. Дважды я падал и полз около 20 минут, пока не добрался до маленькой лестницы. Совершенно обессиленный и до смерти перепуганный, я лег на пол и забылся.

Когда я очнулся, то заметил луч света позади себя, спустился с лестницы, кое-как добрался до комнаты, бросился на ложе и заснул тяжелым сном.

XV. Суд Аэши

Первое, что я увидел, открыв глаза, была фигура Джона, который совершенно оправился от лихорадки. Он стоял в луче света, проникавшем в пещеру, и чистил мое платье, потом аккуратно сложив возле меня, но, боясь, что я во сне столкну его, он уложил все на леопардовую шкуру на полу и отошел, любуясь своей работой. Затем он взглянул, есть ли вода в горшке для умывания.

– Ах, – бормотал он, – в этом диком месте не водится горячей воды!

– Как чувствует себя мистер Лео, Джон? – спросил я.

– Все так же, сэр! Если ему не будет лучше сегодня, он умрет. Я могу сказать, что эта дикарка Устана усердно ухаживает за ним, словно христианка. Она не отходит ни на минуту и наблюдает за ним; жалко смотреть на нее. Схватится за волосы и прокладывает все, и клянется на своем диком языке!

Я оделся, закусил в следующей комнате и потом отправился взглянуть на бедного Лео, который даже не узнал меня. Я спросил Устану о нем, она покачала головой и зарыдала. Очевидно, она потеряла всякую надежду, и я решил, что «Она» должна придти полечить его, если может. В это время вошел Биллали.

– Он умрет к ночи! – произнес старик.

– Спаси Бог, отец мой, – ответил я с болью в сердце.

– «Она» хочет тебя видеть, Обезьяна, – произнес старик, – но будь осторожнее, мой сын! Вчера я думал, что «Она» убьет тебя за то, что ты не хотел ползти, как я. «Она» будет судить в большом зале тех, кто хотел убить тебя и Льва. Иди к ней, мой сын, иди скорее!

Я повернулся и пошел за ним. Когда мы шли, я заметил толпу народа, спешившую на суд. Некоторые были одеты, на других не было ничего, кроме шкур леопарда.

Наконец мы добрались до большой пещеры с площадкой, где находился огромный, странной формы, камень, вероятно, служивший алтарем для различных религиозных церемоний и специальных обрядов. По обеим сторонам площадки тянулись коридоры, и Биллали сказал мне, что все другие пещеры полны мертвецами.

Около камня-алтаря собралось множество народа; все стояли в мрачном молчании. На площадке высилось кресло черного дерева, украшенное слоновой костью, с деревянной скамеечкой для ног.

Вдруг раздался крик: «Она!» «Она!»

Вся толпа упала ниц. Дикари лежали, как мертвые, оставив меня стоять, словно я один уцелел от страшной резни. В эту минуту слева появился отряд телохранителей и выстроился по сторонам алтаря. Затем показались немые мужчины в сопровождении немых женщин, которые несли лампы, а за ними – высокая белая фигура, закутанная с головы до ног, в которой я узнал королеву. Она взойшла на площадку, села на кресло и заговорила со мной по-гречески, вероятно, для того, чтобы никто не понял ее.

– Иди сюда, Холли! – сказала она. – Садись у моих ног и смотри, как я буду судить тех, кто хотел убить вас! Прости меня, если мой греческий язык похож на хромого человека. Я давно уже не слыхала этого языка и говорю плохо.

Я поклонился и сел на скамейку у ее ног.

Тогда, обратясь к начальнику телохранителей, «Она» сказала на арабском языке: «Привести сюда преступников!»

Начальник низко поклонился и ушел вправо.

Наступила тишина. «Она» оперлась головой на руку и глубоко задумалась, а толпа продолжала лежать перед ней, изредка поглядывая на нас. Королева появлялась так редко перед народом, что дикари не могли упустить случая и не посмотреть на ее закутанную фигуру,

потому что ни один человек, кроме меня, не видал ее лица. Наконец мы услышали шаги, появилась стража, а с ней наши убийцы, на лицах которых ужас боролся с равнодушием. Их поставили возле меня. Когда они хотели лечь на пол, «Она» остановила их.

– Нет, – произнесла она, – стойте, пожалуйста, стойте! Скоро настанет время, когда вам надоест лежать...

Она рассмеялась. Раболепный ужас исказил лица несчастных, и мне стало жаль их.

Прошло несколько минут. «Она» внимательно разглядывала каждого осужденного, наконец, заговорила обращаясь ко мне:

– Узнаешь ли ты этих людей?

– Да, королева, приблизительно! – ответил я.

– Расскажи мне и всему собранию то, что рассказывал про них!

В нескольких словах я описал историю пира и попытку замучить нашего бедного слугу. Рассказ выслушали молча. Когда я кончил, Биллали, лежавший на полу, поднял голову и подтвердил мой рассказ.

– Что вы скажете на это? Не заслуживаете ли вы моего гнева и мести? – произнесла «Она» холодно. Одной из особенностей этого необыкновенного существа был ее удивительный голос, способный резко меняться.

Ответа не было; наконец один из виновных, крепкий и рослый парень средних лет, заговорил.

Он сказал, что они не получали никаких распоряжений относительно черного слуги и, поддавшись внушению злой женщины, которая уже умерла, хотели поступить с ним по обычаю страны и потом съесть его. Нападение на нас было совершено в припадке ярости, и они очень сожалеют об этом. Он кончил, умоляя о пощаде, или, в крайнем случае, об изгнании их на болота. Но я видел, что сам несчастный мало надеялся на пощаду.

Наступило тяжелое молчание. Мрачная пещера, слабо освещенная светом ламп, казалась еще угрюмее и суровее. Лежавшие на земле зрители совершенно затерялись во мраке. Впереди них стояли осужденные, стараясь скрыть свой страх под видом равнодушия. Справа и слева, неподвижные, как изваяния в своей белой одежде, с длинными копьями в руках, стояли воины и немые слуги. Возвышаясь над толпой на варварском троне, сидела женщина, красота и могущество которой, казалось, окружали ее сверхъестественным сиянием.

– Псы и гады! – начала «Она» тихим голосом, который постепенно возвышался. – Людоеды! Над вами тяготеют две вины! Первая ваша вина – вы напали на чужеземцев, белых людей, и хотели убить их слугу! За одно это вы заслуживаете смерти! Но это не все. Вы осмелились ослушаться меня. Разве я не прислала вам приказание через Биллали, отца вашего? Разве не приказала вам оказать гостеприимство чужеземцам, которые показали себя храбрыми и сильными людьми и сумели защититься от вас? Разве ваши отцы не учили вас повиноваться мне с детства? Но вы – негодяи, злодеи в сердце своем! Вы достойны смерти! Вас поведут в пещеру пыток⁹ и предадут мучениям!

«Она» умолкла, и ропот ужаса пробежал в толпе. Что касается осужденных, то как только они узнали, что их ожидает, они бросились на пол и плакали, моля о пощаде. Я повернулся к Аэше и просил ее пощадить их или назначить им менее ужасное наказание, но та была непреклонна и холодна.

– Холли, – произнесла она по-гречески, – Холли, это невозможно! Если я пощажу этих волков, ваша жизнь будет в опасности! Каким образом управляю я народом? Только внушая им ужас и страх. Мое владычество – одна фантазия. Не думай, что я жестока или хочу мстить им. Какая польза мне от смерти этих людей?

⁹ Я видел это ужасное место, заполненное глыбами камня, на которых видна еще кровь несчастных. В центре находилась печь для нагревания «горшка».

Затем, повернувшись к начальнику телохранителей, она добавила:
– Пусть будет так, как я сказала!

XVI. Древние могилы

Когда пленников увели, Аэша махнула рукой, и зрители поползли вон из пещеры. Очувшись на некотором расстоянии, они встали на ноги и пошли, оставив меня с королевой, если не считать немых слуг и нескольких людей из стражи, большая часть которой ушли с осужденными. Пользуясь удобным случаем, я попросил Аэшу посетить Лео, добавив, что он серьезно болен. Она ответила, что он не умрет ранее вечера, так как люди, страдающие лихорадкой, всегда умирают ночью или на рассвете.

– Лучше было бы, – добавила она, – если бы болезнь шла своим путем!

Тогда я встал, чтобы уйти, но Аэша велела мне следовать за собой, так как хотела поговорить со мной и показать чудеса пещер.

Я был слишком очарован ею, чтобы отказаться, и поклонился в знак согласия. Она встала с кресла, сделала знак немым слугам и вышла. Четыре немых девушки взяли лампы и выстроились в ряд: две впереди королевы и две сзади, тогда как остальные вместе со стражей ушли.

– Хочешь ли ты, Холли, видеть чудеса пещер? – спросила она. – Посмотри на эту пещеру! Она вырыта руками народа, жившего когда-то здесь в городе, находившемся на равнине. Это был великий народ, но, подобно египтянам, они думали больше о мертвых, чем о живых. Как ты думаешь, сколько народа работало здесь и сколько лет им понадобилось, чтобы вырыть эту пещеру и ее бесконечные галереи?

– Десять тысяч лет, я думаю! – ответил я.

– Да, Холли. Это был древний народ, живший раньше египтян. Хотя я и нашла ключ к их письменам, но все же с трудом могу читать их!

Повернувшись к скале, находившейся рядом, она сделала знак немым девушкам посветить. На камне была вырезана фигура старика, сидевшего в кресле с посохом в руке, а внизу у кресла, похожего на то, в котором сидела Аэша на судилище, мы увидели короткую надпись. Письмена более всего походили на китайские иероглифы. С трудом Аэша разобрала и перевела мне эту надпись.

«В 4259 году от основания царственного города Кор вырыта была эта пещера по приказанию Тизно, царя Кор; три поколения народа и невольников работали над ней, устраивая могилы для сограждан. Пусть благословение неба почиет на этой работе, пусть сон великого монарха Тизно будет тих и спокоен до того дня, когда он проснется! Пусть мирно спят его слуги и народ!»

– Ты видишь, Холли, – произнесла Аэша, – народ основал город, развалины которого еще сохраняются там на равнине, за 4000 лет до того времени, когда вырыта была эта пещера! Две тысячи лет тому назад я в первый раз увидела ее, она была такая же, как сейчас. Суди теперь, какой это древний был город! Теперь иди за мной, я покажу тебе, как погиб этот великий народ!

Она направилась к центру пещеры и остановилась на том месте, где круглый камень закрывал какое-то отверстие в полу.

– Видишь, – произнесла она. – Что это такое?

– Не знаю! – ответил я.

Она подошла к левой стороне пещеры и сделала знак посветить. На стене была надпись, которую Аэша перевела мне:

«Я, Джунис, жрец великого храма Кор, пишу это на скале гробницы в 4803 г. от основания Кор.

Царственный Кор погиб! Не будет больше великолепных пиров в его залах, и не будет он управлять миром, и торговые корабли его не поплывут в чужие страны! Кор погиб! С

ним погибли все его великие деяния, великие города, гавани и каналы! Все это останется на добычу волкам, совам, диким лебедям и варварам, которые придут сюда! Двадцать пять лун тому назад тяжелая туча нависла над городами Кор. Из этой тучи родилась моровая язва, которая погубила народ; и богатых, и бедных, женщин и мужчин, князей и рабов, и не щадила никого. Все они почернели и умерли. Чума не прекращалась ни днем, ни ночью, убивала людей без разбора. Те, которые уцелели от чумы, умерли с голоду. Число трупов было так велико, что не было возможности набальзамировать их, согласно древнему обычаю, и поэтому все умершие были брошены в большую яму под пещерой, через отверстие в полу. Тогда остатки великого народа, бывшего светочем мира, отправились к берегу, сели на корабли и отплыли на север.

Только я, жрец Джунис, пишу это, потому что один уцелел от великого народа. Не знаю, остался ли еще кто в живых в других городах! В глубокой скорби я пишу эти строки, прежде чем умру, потому что царственный Кор погиб, храмы его опустели, дворцы затихли, и его князья и воины, и торговцы, и прекрасные женщины ушли в землю!»

Я был удивлен. Меня поразило горькое отчаяние, которое чувствовалось в этой надписи. Что переживал этот старик, уцелевший от всеобщей гибели, готовясь к смерти?

– Не думаешь ли ты, Холли, – сказала Аэша, положив руку на мое плечо, – что эти люди, отплывшие на север, были предками египтян?

– Не знаю, – ответил я, – мир мне кажется очень древним!

– Да, он стар, очень стар. Века идут за веками, богатые, сильные нации вымирают и забываются, и о них не остается даже воспоминания. Кто знает, что было прежде на земле и что будет? Под солнцем нет ничего нового, и мудрые евреи писали об этом давно. Я думаю, что от народа Кор кто-нибудь остался в живых. Пришли варвары с юга, может быть, мой народ, арабы, и смешались с ними, взяли женщин себе в жены, и народ Амахаггер породнился с народом Кор! Смотри, вот их кости лежат вместе в этой общей могиле. Название народа Амахаггер происходит от «ама», что значит «народ», и арабского слова «хаггер», что значит «камень». Я не знаю, и кто может знать это? Мои познания не могут проникнуть во мрак времен. Это был великий народ. Пойдем, я покажу тебе эту яму. Никогда ты не видел ничего подобного!

Я последовал за ней в боковой переход по ступеням. Когда переход кончился, Аэша остановилась, приказав немой держать лампы. Мы стояли над огромнейшей ямой, которая была полна человеческих скелетов и костей, лежавших в виде пирамиды. Ужасное зрелище! В сухом воздухе значительное количество трупов высохло, и эти мертвецы, лежа лицом вверх, казалось, смотрели на нас из-за груды белых костей!

Я вскрикнул, и эхо моего голоса словно потревожило эти трупы, лежавшие здесь несколько тысяч лет. Пыль полетела вверх. Казалось, вся яма задвигалась и скелеты начали вставать, чтобы приветствовать нас.

– Пойдем! – сказал я. – Пойдем отсюда! Эти люди умерли от заразной болезни... Не так ли?

– Да. Дети царственного Кор всегда бальзамировали своих покойников, и искусство их стояло выше египетского бальзамирования! погоди, ты увидишь!

«Она» остановилась у входа, который вел в коридор, и мы вступили в маленькую комнату, похожую на ту, в которой я спал первое время, хотя здесь стояли два каменных ложа, на которых лежали фигуры, покрытые желтым полотном. В течение долгих лет на них скопилось немало пыли...

– Сними с них покров, Холли! – сказала Аэша.

Я протянул руку и сейчас же отдернул назад.

Мне казалось это святотатством, и я ужаснулся.

Усмехнувшись, Аэша сдернула покров с тела, и через многие тысячи лет человеческие глаза увидели лицо мертвеца. Это была женщина, лет 35 или менее, сохранившая следы красоты. Даже сейчас спокойные черты лица, оттененные длинными ресницами, носили печать удивительной красоты. Одета в белую одежду, с распущенными иссиня-черными волосами, она спала вечным сном, прижимая к груди маленького ребенка. Это зрелище было так ужасно и трогательно, что я едва мог сдержать слезы, потом благоговейно взял покров и со вздохом закрыл покойницу.

Мы пошли дальше и видели много могил. Описывать их и долго, и невозможно. Все трупы, благодаря искусному бальзамированию, сохранились прекрасно, словно похоронены были только вчера. Ничто не могло потревожить их в пещере: их не коснулись ни жара, ни холод, ни сырость; ароматические вещества, которыми они были пропитаны, предохраняли их¹⁰.

Последняя могила, которую мы посетили, вызвала во мне глубокое сочувствие... Там лежали два трупа. Я снял покров и увидел молодого человека и цветущую девушку, крепко прижавшихся друг к другу. Ее голова покоилась на его руке, а его губы прижались к ее лбу. Раскрыв полотняную одежду мужчины, я нашел глубокую рану в сердце; девушка также умерла от кинжала. Над ними была короткая надпись: «Повенчаны смертью!»

Что случилось с этой молодой парой, которых не разлучила и смерть?

– Вот какова участь человека! – обратилась ко мне Аэша, и голос ее дрожал. – Все мы обречены на смерть и забвение! Даже я, хоть и живу так давно! И за то, что жила так долго, познав тайну смерти и обманув природу, я должна буду жестоко поплатиться!

– Мы все заснем и проснемся, будем жить и снова заснем, пока самый мир не умрет, пока не исчезнет с лица земли все живущее! Но для нас обоих будет ли конец – жизнью или смертью? Когда же день и ночь, жизнь и смерть – все кончится и исчезнет, какова будет наша участь, Холли? Кто может знать это?

Вдруг она добавила:

– Довольно ли ты видел, мой чужеземный гость, или желаешь, чтобы я показала тебе еще чудеса могил? Хочешь, я поведу тебя и укажу место, где лежит Тизно, могущественный король Кор... И роскошь его могилы, кажется, смеется над ничтожеством человека!

– Я довольно видел, королева! – отвечал я. – Мое сердце подавлено могуществом смерти. Человек слаб и не выносит вида праха и разрушения, который ожидает его в конце концов! Пойдем отсюда, Аэша!

¹⁰ Позднее Аэша показывала мне дерево, из которого получается жидкость, употребляемая при бальзамировании трупов. Это низкорослое дерево, которое растет по склонам гор и похоже на лавр. Его листья длинные и узкие, ярко-зеленого цвета, но осенью краснеют. Когда листья зелены, они издают слабый запах, но если вскипятить эту ароматическую жидкость, то запах ее трудно вынести. Лучший сок добывается из корней дерева.

XVII. Объяснение

Сопровождаемые немymi слугами, которые несли лампы так осторожно, словно воду в сосуде, мы подошли к лестнице, ведущей в помещение королевы. Здесь я хотел проститься с ней, но «Она» удержала меня.

– Пойдем ко мне, Холли, – сказала она, – мне доставляет удовольствие беседовать с тобой! Подумай только: целых 2000 лет мне не с кем было сказать ни слова! Откинь занавес, садись возле меня, мы будем есть фрукты и болтать. Смотри, я снова покажу тебе свое лицо! Я предостерегала тебя, Холли, но ты не хотел слушать!

Она сбросила газовое покрывало и стояла передо мной, сияя ослепительной красотой, гибкая, грациозная, как блестящая змея. Устремив на меня свои чудные глаза, – ужаснее глаз василиска, – она околдовала меня своей красотой, и смех ее звенел, как серебряный колокольчик! Новое настроение охватило ее. Она не была теперь ужасной, гневной женщиной, проклинающей свою соперницу, или убийственно-холодной, как на суде, или мрачной и торжественной, как в гробницах пещер. Она походила теперь на торжествующую Афродиту. Жизнь лучезарная, удивительная, сияла на ее лице.

Я был настолько очарован этой волшебной красотой, что готов был позабыть свое безобразие, если бы Аэша не отрезвила меня, сурово заявив, что ее красота не для меня.

Однако сжалившись над моим волнением, она, чтобы успокоить меня, стала расспрашивать про Христа. Я рассказал все, что знал, затем добавил, что у арабов есть другой пророк, Магомет, который проповедывал иную веру и имел массу последователей.

– Ага! Понимаю! – произнесла Аэша. – Две новых религии! Я знала столько религий... Заметь, Холли, каждая религия обещает последователям будущую жизнь!

– Религии появляются и исчезают, цивилизации являются и погибают, все проходит и забывается, – неизменными остаются мир и человеческая природа. Ах, если бы человек питался этой надеждой, он сам приближал бы свое спасение!..

– Холли, я надоела тебе, – сказала Аэша, – почему ты сидишь молча? Хочешь, я шучу тебя своей философией? Ты станешь тогда моим ревностным учеником, и вдвоем мы откроем и найдем такую религию, которая затмит все остальные. Ах, да! Пойду взглянуть на больного юношу, на Льва, как называет его Биллали! Не бойся, Холли! Я не буду лечить его колдовством. Я уже говорила тебе, что не умею колдовать, а только могу управлять тайными силами природы. Иди, я только приготовлю лекарство и приду!¹¹

Я пошел к Лео и нашел Джона и Устану в отчаянии. Лео умирал, и они долго искали меня повсюду. Я бросился к ложу и взглянул на больного.

Да, Лео умирал! Он был без сознания и дышал тяжело, хотя губы его шевелились и дрожь пробегала по телу. Я видел, что пройдет еще несколько минут, – и никакая помощь уже не будет ему нужна. Боже мой! Как я проклинал безумие, свой эгоизм, которые держали меня около Аэши в то время, как умирал мой мальчик!

Я сжал в отчаянии руки и оглянулся. Устана сидела около Лео, и в глазах ее светилась тяжелая скорбь. Джон выл, – действительно, выл, в углу, иначе не могу назвать его плач; но заметив, что я смотрю на него, ушел. Вся надежда была на Аэшу. Только она могла помочь Лео. Я пойду и буду умолять ее!

Вдруг Джон влетел в комнату с искаженным от страха лицом.

– Помогите нам, Боже! – зашептал он, весь дрожа. – Там, в переходе, идет покойница!

¹¹ Аэша хорошо знала химию, которая была для нее и занятием, и развлечением. Одна из пещер представляла собой лабораторию, и результаты, которых достигла Аэша, просто поразительны!

На минуту я остолбенел от ужаса, но затем сообразил, что Джон, вероятно, видел Аэшу, закутанную, как всегда, и принял ее за покойницу. В это время Аэша показалась у входа, Джон обернулся, увидел ее и, вскрикнув: «вот она!» прыгнул в угол и уткнулся лицом в стену, тогда как Устана распростерлась на полу.

– Ты пришла вовремя, Аэша! – сказал я. – Мой мальчик близок к смерти!

– Если он еще не умер, – произнесла она мягко, – то я верну ему жизнь, Холли! Этот человек – твой слуга? Разве ваши слуги таким образом приветствуют чужестранцев?

– Он испугался тебя, – ответил я, – ты закутана, как покойница!

Аэша засмеялась.

– А девушка? Вижу, вижу! Ты о ней говорил мне! Скажи им обоим, чтобы они ушли отсюда, я должна посмотреть на больного!

Я сказал Устане по-арабски, а Джону по-английски, чтобы они вышли из комнаты; Джон остался очень доволен, так как не мог преодолеть свой страх. Но Устана смотрела на дело иначе.

– Что «Она» хочет делать? – прошептала девушка, колеблясь между страхом перед королевой и желанием остаться с Лео. – Жена имеет право быть при умирающем муже. Нет, я не уйду, господин!

– Почему эта женщина не ушла, Холли? – спросила Аэша, стоявшая в другом конце пещеры и разглядывавшая скульптуру на стене.

– С на не хочет оставить Лео! – ответил я, не зная, что сказать.

Аэша повернулась к Устане и произнесла только одно слово: «уходи!» Этого было достаточно; Устана поползла вон из комнаты...

Аэша же скользнула к ложу, где лежал Лео, отвернувшись лицом к стене.

Вдруг ее высокая, статная фигура пошатнулась и вздрогнула, словно ее ударили, а из уст вырвался такой дикий, ужасный крик, которого я никогда не слышал в жизни.

– Что такое, Аэша? – вскричал я. – Он умер?

Она повернулась и, как тигрица, прыгнула ко мне.

– Собака! – вскричала она страшным шепотом. – Зачем ты скрыл это от меня?

Аэша вытянула руку, как будто намереваясь убить меня.

– Что скрыл? – сказал я в ужасе. – Что такое?

– Ах, может быть, ты не знаешь! – ответила она тише. – Знай же, Холли, знай! Здесь лежит мой Калликрат, который вернулся ко мне наконец!

Она рыдала и смеялась одновременно, словно помешанная, бормоча про себя: Калликрат! Калликрат!

«Глупости!» – думал я про себя, но не смел сказать это вслух, боясь только одного: чтобы Лео не умер, пока Аэша придет в себя и успокоится.

– Можешь ли ты помочь ему, Аэша? – спросил я смиренно. – Твой Калликрат скоро уйдет от тебя. Смотри, он умирает!

– Это правда, – произнесла она, – зачем, зачем я не пришла сюда раньше? Я вся дрожу, моя рука трясется... Возьми, Холли, этот фиал... – она достала из складок одежды оловянный кувшинчик, – и вылей ему в горло всю жидкость. Это вылечит его, если он еще не умер! Скорее! Скорее! Он умирает!

Я взглянул на Лео, у него начиналась уже агония. Лицо его посинело, дыхание оставалось, и в горле хрипело. Я вытащил зубами пробку фиала, и капля жидкости попала мне на язык. Я ощутил сладкий вкус, моя голова закружилась и в глазах потемнело, но, к счастью, все это сейчас же прошло.

Лео умирал, его золотистая голова металась на подушке, и рот был открыт. Я попросил Аэшу поддержать его голову, и она осторожно сделала это, хотя дрожала вся с головы до ног. С трудом разжав челюсти больного, я влил жидкость ему в рот. Легкий пар шел от жидкости,

и хрип в горле больного тотчас же прекратился. Лицо Лео смертельно побледнело, и сердце, казалось, остановилось, только веки задрожали. Я взглянул на Аэшу: газ упал с ее головы, пока она поддерживала голову Лео, и лицо было так же бледно, как у больного.

Она смотрела на Лео с выражением отчаяния и страха, очевидно, сомневаясь в том, что он останется жить. Прошло 5 минут. Лицо ее вдруг осунулось, глаза потускнели, – она словно перестала надеяться. Коралловые губы побелели и задрожали. Жаль было смотреть на нее.

– Поздно? – пробормотал я.

Аэша закрыла лицо руками и не ответила. Вдруг я заметил, что Лео стал дышать ровнее и краска появилась на его лице. О, чудо! Человек, который умирал, теперь спокойно повернулся на бок.

– Видишь? – спросил я шепотом.

– Вижу, – ответила она хриплым голосом, – он спасен! Я думала, что уже поздно; еще немного, – и он бы умер!

Она залилась слезами и стала еще прекраснее.

– Прости меня, Холли, мою слабость! – сказала она. – Ведь я – женщина с ног до головы! Подумай об этом! Сегодня утром ты говорил о месте, где мучаются грешники. Ты назвал его адом... Целых две тысячи лет я жила в таком аду, мучимая воспоминанием о своем преступлении, терзаясь неудовлетворенным желанием, без друзей, даже не имея возможности умереть... Подумай, Холли, никогда ты не услышишь этого и не увидишь такого, если и проживешь еще 10000 лет. Наконец мой избавитель пришел, – тот, кого я ждала многие годы. В назначенное время он явился ко мне, и я знала, что он должен придти: моя мудрость не ошибается! Но как малы мои познания, как слабы мои силы! Он лежал здесь больной, при смерти, и я не чувствовала этого, хотя ждала его две тысячи лет! Если бы он умер, мне пришлось бы снова переживать ряд скучных веков и ожидать моего возлюбленного!.. Но теперь он остался жив, проспит 12 часов, и болезнь совершенно пройдет... Он вернется к жизни и ко мне!

Аэша умолкла, тихо положила руку на золотые кудри Лео, нагнулась и поцеловала его в лоб с такой целомудренной нежностью, что мне стало больно. Я ревновал ее к Лео.

XVIII. Уйди прочь, женщина!

С минуту длилась тишина. Лицо Аэши, погруженной в счастливый экстаз, напоминало теперь лицо ангела. Вдруг какая-то мысль поразила ее: лицо изменилось и утратило свое ангельское выражение.

– Я забыла, – произнесла она, – про эту женщину, Устану. Что, она служанка Калликрата, или...

Она умолкла, и голос ее задрожал. Я пожал плечами.

– Не знаю! Полагаю, что она обвенчана с Лео по обычаю народа Амахаггер! – ответил я.

Лицо Аэши потемнело; она, очевидно, умела ревновать.

– Тогда конец! – произнесла она. – Эта женщина должна умереть!

– За что? За какое преступление? – воскликнул я испуганно. – Она невиновна ни в чем, и если любит Лео, то он сам захотел принять ее. Каков же ее грех?

– Право, Холли, ты просто глупец! – ответила Аэша. – Какой грех? Грех ее в том, что она осмелилась встать между мной и моей любовью!

Мне пришлось долго уговаривать эту странную женщину, стращать ее последствиями преступления, говорить, что «зло родит одно зло», пока наконец Аэша не согласилась пощадить жизнь бедной Устаны.

Довольный успехом, я направился в проход и позвал Устану, белую одежду которой заметил невдалеке. Она подбежала ко мне.

– Мой господин умер? О, не говори, что он умер! – вскричала она, обратив ко мне свое красивое, залитое слезами лицо, с выражением безграничного отчаяния, которое глубоко тронуло меня.

– Он жив! – ответил я, – «Она» спасла его. Иди!

Устана глубоко вздохнула, вошла в пещеру и упала ниц в присутствии королевы.

– Встань! – произнесла Аэша холодным тоном. – Иди сюда! Видишь этого человека? – она указала на Лео. – Говорят, он – твой муж. Но я требую, чтобы ты забыла его. Ступай!..

Устана, однако, не двинулась с места.

– Нет, королева, я не уйду, – произнесла она дрогнувшим голосом, – этот человек – мой супруг; я люблю его, люблю и не покину! Какое право имеешь ты приказывать мне покинуть моего супруга?

Я видел, как изменилось лицо Аэши, и содрогнулся.

– Будь милосердна! – произнес я на латыни. – Ведь она повинуется только природе!

– Я милосердна! – ответила холодно Аэша. – Если бы я не жалела ее, она умерла бы сейчас! – и, обратившись к Устане, она сделала быстрое, как молния, движение; мне показалось, что она слегка ударила рукой по голове Устаны. Я взглянул и в ужасе отшатнулся. На волосах Устаны, на ее золотистых косах ясно виднелись следы трех пальцев, – следы, белые как снег.

– Великий Боже! – простонал я, пораженный этим ужасным проявлением нечеловеческой власти.

«Она» усмехнулась.

– Ты полагаешь, бедная, невежественная женщина, что я не могу убить тебя? – обратилась Аэша к неподвижно стоявшей женщине. – Посмотри, вот зеркало! – она указала на круглое зеркало, принадлежавшее Лео. – Холли, передай его женщине!

Я взял зеркало и поднес его к глазам Устаны. Она взглянула, схватилась за голову, снова взглянула и упала на землю с громким рыданием.

– Уйдешь ли ты, или я должна коснуться тебя еще раз? – насмешливо произнесла Аэша. – Я наложила на тебя печать, так что смогу узнать тебя, пока твои волосы не побелеют совсем. Уходи прочь!

Пораженная и разбитая горем, бедная Устана, отмеченная ужасной печатью Аэши, поползла вон из комнаты, горько плача.

– Не смотри так испуганно, Холли! – сказала Аэша после ухода девушки. – Уверяю тебя, это не волшебство. Я обладаю силой, которой ты не понимаешь! Я хотела только испугать, а могла убить ее! А теперь я прикажу слугам перенести моего господина в комнату рядом с моей, чтобы я могла ходить за ним и приветствовать его, когда он проснется. Ты, Холли, также должен переселиться туда, а с тобой твой белый слуга! Но помни одно! Не говори ничего Калликрату об этой женщине... Смотри, я предупредила тебя!

Она ушла, оставив меня в полном смущении. Я был так потрясен, взволнован всеми этими событиями, что боялся сойти с ума. К счастью, у меня не было времени размышлять, потому что скоро появились немые слуги и понесли спящего Лео и все наши пожитки в помещение королевы. Наши новые комнаты находились за комнатами, или, как мы называли, – будуаром Аэши.

Эту ночь я провел в комнатах Лео, который спал мертвым сном. Я также уснул, проснувшись незадолго перед тем, как наступил час, когда, по словам Аэши, должен был проснуться Лео. «Она» появилась сама, по обыкновению закутанная с головы до ног.

– Ты увидишь, Холли! – произнесла Аэша. – Он проснется совсем здоровым, лихорадка покинула его!

Едва она успела произнести эти слова, как Лео повернулся, потянулся, зевнул, открыл глаза и, заметив склонившуюся женскую фигуру, обнял ее и крепко поцеловал, думая, что это Устана.

– Устана! – произнес он по-арабски. – Зачем ты закутала себе голову? Не болят ли у тебя зубы? – и добавил по-английски: – Я очень голоден... Джон, старый сын ружья, скажи мне, что тут случилось?

– Уверяю вас, что сам не знаю, мистер Лео, – сказал Джон, подозрительно обводя взглядом Аэшу, на которую смотрел с отвращением и ужасом, убежденный, что она сверхъестественное создание, – вы не должны много говорить, потому что были очень больны, страшно испугали нас и эту леди, – кивнул он на Аэшу. – Сейчас я принесу вам суп.

Лео повернулся и взглянул на молчавшую «леди».

– Как! Да это не Устана, а где же она?

Тогда Аэша в первый раз заговорила с ним, и ее первые слова были ложью.

– Устана ушла в гости, – произнесла она, – а я осталась здесь, вместо нее, твоей служанкой!

Серебристые звуки голоса Аэши поразили Лео, который еще не успел опомниться. Но он промолчал, выпил принесенный суп и заснул. Проснувшись уже вечером, он начал расспрашивать меня о том, что случилось с ним, но я заставил его замолчать и снова уснуть. На другой день он проснулся рано и чувствовал себя значительно лучше. Я рассказал ему о его болезни, но умолчал о многом, так как Аэша находилась возле Лео.

Я счел нужным объяснить ему, что Аэша – королева страны, в которой мы находились, очень расположена к нам и любит ходить закутанной с ног до головы. Хотя мы и говорили по-английски, я боялся, что «Она» поймет, о чем шла речь по выражению наших лиц, так как не мог забыть ее предостережения.

На следующее утро Лео встал почти совсем здоровым. Рана на боку зажила, и крепкий организм быстро оправился от болезни, что я приписываю главным образом действию чудесного лекарства Аэши. Вместе со здоровьем к нему вернулась память. Он вспомнил все свои приключения, вспомнил об Устане, к которой был очень привязан, и забросал меня

вопросами о ней, на которые я не смел отвечать. Аэша еще раз напомнила мне, чтобы я не говорил ему ни слова об Устане, деликатно намекнув, что иначе мне угрожает опасность и что она сама, когда будет нужно, все расскажет Лео.

«Она» очень изменилась. Я ожидал, что при первом удобном случае Аэша объяснится с Лео и потребует его любви. Но она молчала, неустанно заботилась о нем и относилась к нему с почтением и скромностью, представлявшими разительный контраст с ее обычным повелительным тоном и суровостью. Конечно, любопытство Лео было сильно возбуждено, и он страстно желал увидеть лицо загадочной женщины. Если бы он не страдал еще от последствий болезни и не вспоминал постоянно в трогательных выражениях об Устане, ее любви и самоотверженности, я уверен, что он влюбился бы в Аэшу и забыл все на свете! Хотя никто не говорил ему ничего о годах Аэши, он начал отождествлять ее с той же белой королевой, о которой было написано на обломках амфоры. На третий день, когда Лео поставил меня в тупик своими вопросами, я решительно заявил ему, что ничего не знаю об Устане. Позавтракав, мы отправились к Аэше, так как ее слугам было отдано приказание впускать нас в любое время дня и ночи.

По обыкновению она сидела в комнате, которую мы окрестили будуаром, и, завидя нас, встала, протянула обе руки, чтобы приветствовать Лео, потому что ко мне теперь относилась довольно холодно.

Ее закутанная фигура грациозно скользнула навстречу Лео, одетому в серую фланелевую пару.

– Приветствую тебя, мой гость и господин! – тихо произнесла Аэша. – Я очень рада видеть тебя на ногах. Поверь, если бы не мое лекарство, ты никогда не стоял бы так передо мной! Опасность миновала, – и я позабочусь, чтобы она не вернулась!

Лео поклонился, затем на изысканном арабском языке поблагодарил ее за доброту и любезность к чужеземцу.

– Нет, – ответила Аэша мягко, – не благодари! Судьба плохо берегла тебя, а красота – редкий дар! Я счастлива, что ты пришел ко мне!

– Ура, старый дружище! – обратился ко мне Лео по-английски. – Эта дама очень вежлива и образованна. Надеюсь, ты сделал все, что возможно, для нас. Клянусь Иовом! Какие дивные руки!

Я сделал ему знак замолчать, потому что заметил подозрительный блеск в глазах Аэши.

– Надеюсь, – произнесла она, – что мои слуги сумели угодить тебе! Все, что похоже на комфорт в этой жалкой стране, все это в твоём распоряжении. Желает ли ты еще что-нибудь?

– Да, королева, – ответил Лео, – я хотел бы знать, куда исчезла женщина, которая была со мной?

– А! Эта девушка! Да, я видала ее. Я не знаю, она сказала, что уйдет, но куда – неизвестно. Может быть, она вернется, может быть, – нет. Ведь это скучная вещь – ухаживать за больным, а эти дикарки очень ленивы!

Лео посмотрел на нас, огорченный и расстроенный.

– Это очень странно! – сказал он мне по-английски, и, обратившись к Аэше, добавил: я не понимаю, не могу понять! Эта девушка и я – мы были близки друг другу!

Аэша рассмеялась своим музыкальным смехом и заговорила о другом.

XIX. Танцы дикарей

Дальнейшего нашего разговора я не помню. Помню только, как Аэша заявила Лео, что в эту ночь мы увидим танцы, которые она устроит для нашего развлечения. Я был удивлен, так как полагал, что угрюмый народ Амахаггер вовсе не способен на веселье и танцы. Потом выяснилось: танцы народа Амахаггер не имели ничего общего с весельем.

Когда мы собрались уходить, Аэша предложила Лео взглянуть на чудеса пещер, и мы отправились туда в сопровождении Джона и Биллали.

Мы посетили несколько пещер и пирамиду костей, которую я видел раньше. Лео очень заинтересовался этим странным зрелищем, но Джон испугался ужасно.

Закончив осмотр пещер, мы вернулись и пообедали, так как было уже 4 часа пополудни, и все мы, а особенно Лео, нуждались в пище и отдыхе.

В 6 часов вечера мы отправились к Аэше, которая окончательно перепугала нашего Джона, показав ему на воде всех его братьев и сестер, собравшихся в отцовском коттедже. Некоторые лица он видел очень ясно, другие были как бы в тумане. Искусство Аэши в этом смысле было ограничено: она могла только с фотографической точностью воспроизводить на воде то, о чем думали присутствующие люди. Например, она показала мне на воде очень ясно часовню колледжа, насколько я помнил ее. Мы пытались для развлечения Аэши показать ей лондонские здания, собор св. Павла и здание парламента – но ничего не вышло. Мы имели общее представление об этих зданиях, но не могли припомнить архитектурных деталей, необходимых для полного воспроизведения картины.

Джон отнесся к делу иначе и решил, что это – результат черной магии. Никогда не забуду я того вопля, который вырвался у Джона, когда он увидел на воде членов своей семьи, и того веселого смеха, которым Аэша ответила на его ужас. Даже Лео запустил пальцы в свои золотые кудри и заметил, что это пугает его.

Целый час мы забавлялись таким образом, пока немые слуги не показали нам знаками, что Биллали ожидает аудиенции. Он явился, по обыкновению, ползком и объявил, что танцы сейчас начнутся, если «Она» и белые чужеземцы удостоят пир своим присутствием. Аэша накинула на себя темный плащ, и мы отправились на площадку перед входом в большую пещеру, так как танцы должны были происходить на открытом воздухе.

В пятнадцати шагах от входа поставили три стула, на которые мы и сели. Стемнело, но месяц еще не взошел, и мы недоумевали:

– Каким образом мы увидим танцы в темноте?

– Сейчас узнаешь! – ответила с улыбкой Аэша на вопрос Лео.

Едва она успела произнести эти слова, как мы увидели какие-то темные фигуры, появившиеся неизвестно откуда, с огромными зажженными факелами. Тут было около пятидесяти человек. Озаренные ярким светом факелов, они походили на дьяволов, выскочивших из ада.

– Великий Боже! – воскликнул Лео. – Да это мертвецы горят вместо факелов!

Я посмотрел и заметил, что он был прав. Вместо факелов горели человеческие мумии из пещер. В двадцати шагах от нас люди устроили из своих факелов огромный костер. Боже мой! Как горел и шумел этот костер! Вдруг я увидел громадного дикаря, который схватил горящую человеческую руку и швырнул ее в темноту. Огромный столб огня поднялся в воздухе и озарил мрак ночи. Затем дикарь поджег волосы мертвой женщины, которая была привязана к столбу у входа в пещеру, коснулся другой мумии, третьей, четвертой и, в конце концов, мы были окружены с трех сторон кольцом ярко горевших трупов. Состав, которым были пропитаны эти мумии, делал их несгораемыми, так что огромные языки только лизали их, озаряя темноту ночи. Нерон освещал свои сады, обливая смолой и сжигая живых хри-

стиан. Мы присутствовали на подобном же зрелище, хотя наши факелы не были живыми людьми!

Это было ужасное зрелище... Горевшие мертвецы освещали оргию живых... Насмешка над живыми и мертвыми!

Как только мумия сгорала до самых ног, другую ставили на ее место. Костер горел с шумом и треском, отбрасывая полосы света в темноту, где мрачные фигуры дикарей двигались взад и вперед, словно дьяволы, поддерживающие адский огонь. Мы стояли, смотрели, пораженные, словно околдованные невиданным зрелищем.

– Я обещала тебе необычайное зрелище, Холли, – засмеялась Аэша, нервы которой были спокойны, – и не обманула тебя! Это поучительно! Не верь в будущее, потому что никто не знает, что оно принесет тебе. Живи настоящим! Думали ли эти давно забытые благородные мужчины и женщины, что их нежные кости будут гореть и озарять танцы дикарей? Вот идут танцоры... веселая толпа, пусть начинают!

Мы заметили, что вокруг костра двигались два ряда человеческих фигур – мужчин и женщин, одетых только в шкуры леопардов. Молча встали они лицом к нам и к огню и начали танец – что-то вроде адского канкана. Описать его невозможно. Хоть дикари и топали ногами, махали руками, мы скоро поняли, что это представление – какая-то дикая игра, понятная, впрочем, народу Амахаггер, который жил в мрачных пещерах в постоянном соседстве с мертвецами.

Сначала дикари представляли убийство, потом похороны жертвы, ее борьбу в могиле; каждый акт ужасной драмы заканчивался дикими танцами над жертвой, лежавшей на земле и освещенной красноватым отблеском костра.

Вдруг представление было прервано. Из толпы вышла высокая сильная женщина, которую я отметил как одну из самых энергичных танцовщиц; в каком-то диком возбуждении она, подпрыгивая и пошатываясь, двинулась к нам, крича во всю мочь:

– Мне нужен черный козел, я хочу черного козла, принесите мне черного козла!

Она упала на землю, крича с пеной у рта, и требовала черного козла.

Танцоры столпились возле нее.

– В нее вошел дьявол! – сказал один из них. – Бегите и достаньте козла! Погоди, дьявол, погоди! Сейчас тебе дадут козла!

Из соседнего крааля притащили за рога ревущего черного козла.

– Это черный козел? Черный козел? – кричала бесноватая.

– Да, да, дьявол! Козел черный, как ночь! – отвечал ей кто-то и добавил в сторону. – Держи позади себя, чтобы дьявол не увидел белых пятен на заду и на брюхе козла! Одну минуту, дьявол! Режьте козлу горло! Где же чашка для крови?

– Козел! Черный козел! Дайте мне крови черного козла!

В эту минуту дикий рев возвестил нам, что бедное животное зарезано. Одна из женщин принесла чашку, наполненную свежей кровью козла. Тогда бесноватая схватила чашку, выпила всю кровь и встала совершенно здоровая. Следы истерии пропали. Она вытянула руки, улыбнулась и пошла обратно к танцорам, которые снова выстроились в два ряда.

Я чувствовал себя очень скверно и хотел просить Аэшу позволить нам уйти, как вдруг какое-то существо, которое я принял за обезьяну, бежало вокруг костра и встретилось со львом, или, вернее, с человеком, одетым в львиную шкуру. Затем на сцене появился козел, потом человек, закутанный в бычью шкуру, за ним всевозможные животные, включая и девушку, зашитую в блестящую кожу удава, которая тащилась за ней сзади на несколько ярдов. Собравшись вместе, ряженные начали какой-то дикий танец, подражая звукам животных. Скоро воздух наполнился ревом, блеяньем, шипением змей.

Это продолжалось довольно долго. Наконец мне наскучила бесконечная пантомима, и я попросил Аэшу позволить нам пройти – посмотреть на человеческие факелы. Она

не возразила ни слова. Мы прошлись, взглянули на горевшие трупы и хотели вернуться к Аэше, утомленные грубым зрелищем, как вдруг наше внимание привлек танцующий леопард, который отделился от толпы и старался держаться возле нас, прячась в тени.

С любопытством мы последовали за леопардом и вдруг услышали шепот.

– Иди! Иди! – шептал голос Устаны.

Лео повернулся и пошел за ней в темноту. Я поспешил за ним. Леопард прополз около 50 шагов и остановился вдали от костра. Тут Лео нагнал его и узнал Устану.

– О, господин мой! – услышал я ее шепот. – Наконец-то я увидела тебя. Слушай! Моя жизнь в опасности. Знаешь, что «Она» прогнала меня от тебя? Если ты любишь меня, то должен бежать со мной сейчас же через болота, быть может, мы успеем скрыться!

– Ради Неба, Лео! – начал я, но Устана перебила меня:

– Не слушай его! Скорее, скорее бежим! Смерть витает в воздухе, которым мы дышим. Быть может, «Она» слышит нас.

Не прибавив больше ни слова, Устана бросилась в его объятия.

В это время шкура леопарда соскользнула с ее головы, и я увидел на ее волосах три белых отпечатка пальцев. Я стоял, не зная, что делать, потому что Лео не умел рассуждать, когда дело касалось женщины.

Вдруг позади меня раздался серебристый смех.

Я повернулся... О, ужас! Это была Аэша, а с ней Биллали и двое немых слуг. Задыхаясь от страха, я ожидал трагической развязки... Устана закрыла лицо руками, а Лео, не понимая ничего, сконфузился, покраснел и стоял совсем растерянный, как человек, застигнутый на месте преступления.

XX. Торжество Аэши

Наступила минута тяжелого молчания. Аэша прервала его, обратившись к Лео.

– Мой господин и гость! – произнесла она нежно, хотя голос ее звенел от злобы. – Не смотри так сконфуженно! Зрелище было прекрасное – леопард и лев!

– О! Как мне это надоело! – пробормотал Лео по-английски.

– А ты, Устана, – продолжала Аэша, – я, вероятно, прошла бы мимо и не узнала бы тебя, если бы не эти знаки на твоих волосах, которые бросились мне в глаза при свете месяца! – она указала на месяц, появившийся на горизонте. – Хорошо! Танцы кончены, факелы сгорели, все кончается мраком и землей! Ты выбрала удобное время для любви, Устана; я и не подозревала, что ты хочешь обмануть меня, заставив думать, что ты далеко отсюда!

– Не шути так! – взмолилась несчастная женщина. – Убей меня, и все будет кончено!

Но Аэша сделала знак слугам, которые сейчас же схватили Устану за руки. С громким проклятием Лео подбежал к ближайшему, сшиб его на землю и встал над ним с поднятым кулаком.

Аэша засмеялась.

– Ловкий удар, мой гость! У тебя сильная рука, хоть ты едва оправился после болезни. Прошу тебя, будь любезен и позволь моим слугам исполнить мое приказание. Они не тронут девушку. Ночной воздух свеж, и я хочу принять ее у себя. Ты любишь ее, следовательно, и я должна полюбить ее!

Я взял Лео за руку и оттащил его от немого слуги. Мы пошли в пещеру через площадку, где не было и следа недавних танцоров, и только куча пепла напоминала о ярко пылавшем огне.

Вскоре мы пришли в комнаты Аэши. Она села на подушки, отпустила Джона и Биллали, сделала знак немым уйти, – всем, за исключением одной девушки, ее любимой прислужницы. Мы трое остались стоять, и несчастная Устана встала несколько левее от нас.

– Теперь, Холли, – начала Аэша, – скажи мне, как это случилось, после того, как ты слышал мое приказание, данное этой злодейке, – она указала на Устану, – чью жизнь я пощадила только ради тебя, как это случилось, что ты принимал участие в том, что я сейчас видела? Отвечай!

– Это вышло случайно, королева! – ответил я. – Я ничего не знал!

– Верю тебе, Холли, – отвечала Аэша холодно, – и это твое счастье! Вся вина падет на нее! – потом она обратилась к Устане. – Что скажешь теперь, женщина? Ты – негодная солома, ничтожное перо, вздумавшее лететь против ветра моей воли! Говори, как ты осмелилась на это?

И тут я увидел удивительнейший образец нравственного мужества и смелости. Несчастливая осужденная девушка, хорошо понимавшая, какая участь ожидает ее, зная по опыту силу соперницы, стояла спокойно перед королевой, черпая мужество и силу в глубине своего отчаяния.

– Я сделала это, королева, – ответила Устана, выпрямившись во весь рост и сбросив шкуру леопарда с головы, – потому что моя любовь глубже могилы, которую ты готовишь мне. Этот господин – мой. Хотя твоя красота сияет, как солнце, он останется моим!

Дикий крик ярости и ужаса прервал ее.

Я повернул голову и увидел, что Аэша встала и стояла, протянув руку по направлению к Устане, которая сразу замолчала. Я смотрел на бедную женщину и видел, что на лице ее появилось выражение ужаса, глаза широко раскрылись, ноздри задрожали и губы побелели.

Аэша не произнесла ни звука, только медленно двигалась, протянув руку, дрожа всем телом и пристально глядя на Устану. Бедная женщина закрыла обеими руками голову, испу-

стила пронзительный вопль и с шумом упала на пол. Лео и я бросились к ней. Она была мертва, убитая какой-то таинственной силой, которой обладала ужасная королева.

Сначала Лео не мог понять, что случилось, но когда опомнился, на него страшно было смотреть. С диким проклятием он бросился на Аэшу. Но она наблюдала за ним и протянула к нему руку. Он зашатался и упал бы, если бы я не подхватил его. Потом Лео рассказывал мне, что почувствовал сильный удар в грудь и лишился сил.

– Прости меня, гость мой, – заговорила мягко Аэша, обращаясь к нему, – если я испугала тебя своей строгостью и правосудием!

– Простить тебя, дьявол! – крикнул Лео, яростно ломая руки. – Простить тебя, убийца! Я хотел бы убить тебя!

– Нет, нет, ты не понял, – ответила она мягко, – со временем все поймешь! Ты – моя любовь, мой Калликрат, моя красота и сила! 2000 лет я ждала тебя, Калликрат, и наконец ты пришел ко мне. Что касается этой женщины, – она указала на труп Устаны, – она стояла между мной и тобой, и я уничтожила ее, Калликрат!

– Это – ложь! – кричал Лео. – Мое имя – вовсе не Калликрат. Я – Лео Винцей. Мой предок был Калликрат, это правда!

– Ты сам говоришь – твой предок был Калликрат! А ты – возрожденный Калликрат, ты вернулся ко мне, мой дорогой господин!

– Я – вовсе не Калликрат и не хочу быть твоим господином! Если бы мне пришлось выбирать, я скорее согласился бы быть господином дьявола из преисподней, чем твоим!

– Что ты говоришь, Калликрат? О, Калликрат! Ты так давно не видел меня и забыл! Я очень красива, Калликрат!

– Я ненавижу тебя, убийца, и не желаю смотреть на тебя! Что мне за дело до твоей красоты! Ты мне ненавистна!

– Калликрат, ты через несколько часов будешь ползать у моих ног и клясться, что любишь меня! – возразила Аэша насмешливо. – Здесь, перед трупом мертвой девушки, которая любила тебя, я докажу это. Посмотри на меня, Калликрат!

Быстрым движением она сбросила с себя газовое покрывало и встала перед нами, сияя дивной красотой как Афродита, вышедшая из пены, как ожившая Галатей, как лучезарный дух, явившийся из могилы. Она стояла, устремив свои глубокие, блестящие глаза на Лео, и я видел, как разжались его кулаки, как он весь успокоился и затих под ее взглядом. Его удивление переросло в восхищение, и чем больше он боролся, тем сильнее захватывала его эта ужасная красота и влекла к себе.

– Великий Боже! – простонал Лео. – Да женщина ли ты?

– Женщина, настоящая женщина и твоя собственная супруга, Калликрат! – ответила Аэша, протягивая к нему свои прекрасные руки и улыбаясь... О, как нежно она могла улыбаться!

Лео смотрел на нее не отрываясь, и двинулся чуть ближе. Вдруг глаза его упали на труп Устаны, он вздрогнул и отвернулся.

– Могу ли я? – произнес он хрипло. – Ты – убийца, а она так любила меня!

Очевидно, Лео уже забыл, что сам любил ее.

– Это – вздор! – пробормотала Аэша, и голос ее прозвучал подобно шелесту ветерка между деревьями. – Это – пустяки! Если я согрешила, пусть моя красота отвечает за этот грех! Я совершила преступление из-за любви к тебе, забудь и прости мой грех!

Аэша снова протянула к нему руки и нежно прошептала. – Иди!

И Лео не устоял...

Вдруг Аэша грациозным, змеиным движением освободилась от его объятий и засмеялась торжествующим смехом.

– Разве я не говорила тебе, что ты будешь ползать у моих ног, Калликрат? – произнесла она, указывая на мертвую Устану. – Немного времени прошло с тех пор!

Лео застонал от горя и стыда. Хотя он был подвален и не владел собой, но понимал всю глубину своего падения, и все лучшие стороны его натуры возмущались.

Аэша засмеялась в третий раз и сделала знак немой девушке, которая с любопытством наблюдала за этой сценой. Та вышла и тотчас же вернулась в сопровождении двух немых слуг. По знаку Аэши все трое схватили тело бедной Устаны и потащили вон из комнаты. Лео следил за ними, потом закрыл лицо руками.

– Наконец-то тот, кого я ждала так долго, явился ко мне! – произнесла Аэша, обращаясь к Лео. – Возьмите по лампе и идите за мной.

Не задумываясь ни на минуту, мы повиновались. Проскользнув в конец комнаты, Аэша подняла занавес и указала нам маленькую лестницу вниз, ступени которой, как я заметил, были стерты. Этот факт привлек мое внимание, потому что мелочи поражают нас сильнее, когда мозг подавлен сильными ощущениями.

У подножия лестницы я остановился и взглянул на истертые ступени.

– Тебя удивляет, Холли, что эти каменные ступени так истерты? – спросила меня Аэша. – Это я сделала, своими собственными ногами! Я помню эти ступени новыми и чистыми, но за две тысячи лет я истоптала их, потому что каждый день спускалась по ним. Мои сандалии стерли прочный камень.

Я молчал и смотрел на твердый гранит, истертый ее нежными, маленькими ногами.

Лестница вела в туннель. В нескольких шагах от входа я заметил дверь и узнал ту пещеру, где видел Аэшу, когда она произносила свои заклинания.

Невольная дрожь пробежала у меня по спине при этом воспоминании. Аэша вошла в гробницу; мы последовали за ней.

XXI. Живой и мертвый Калликрат

– Смотрите, вот здесь я спала все эти две тысячи лет! – сказала Аэша, взяв лампу из рук Лео и подняв ее над головой. Свет лампы озарил отверстие в полу на том месте, где я видел пламя в ту памятную ночь. Мы увидели белую фигуру человека, распростертую на каменном ложе. По другую сторону пещеры находилось такое же каменное ложе.

– Здесь, – продолжала Аэша, положив руку на ложе, – здесь я спала все долгие ночи в течение бесконечных лет, укрываясь плащом, рядом с моим мертвым супругом. Здесь лежала я без сна целые ночи, и этот камень истерся о мое тело. Я была верна тебе, Калликрат. А теперь, господин мой, ты увидишь удивительную вещь. Живой – ты увидишь себя мертвым! Готов ли ты?

Мы молча смотрели друг на друга. Аэша двинулась вперед и подняла руку.

– Не пугайтесь, – произнесла она, – хоть это и покажется странным! Все мы, живущие теперь – жили когда-то прежде, хотя не знаем и не помним того времени. Благодаря моему искусству, которому я научилась от жителей царственного Кор, я вернула тебя обратно, Калликрат, вернула из праха, чтобы видеть чудную красоту твоего лица! Смотрите, мертвый Калликрат встретился с живым!

Быстрым движением она сдернула покрывало с трупа и осветила его лампой. Я взглянул и отступил назад, пораженный. Мертвец, лежавший на камне в белой одежде, отлично сохранившейся, был также Лео Винцей. Я переводил взгляд от Лео живого к мертвому и не находил различия между ними. Мертвый выглядел старше живого. Те же красивые черты лица, те же золотые кудри! Мне казалось, что выражение лица умершего человека было особенно похоже на лицо спящего Лео.

Лео находился в каком-то столбняке. Несколько минут он стоял молча.

– Закройте его и пойдемте отсюда! – вскричал он наконец.

– Нет, погоди, Калликрат! – сказала Аэша, став похожей скорее на сивиллу, чем на обыкновенную женщину; она стояла, подняв лампу над головой, в блеске своей чудной красоты, склонясь над холодным трупом. – Я покажу тебе еще кое-что. Холли, открой платье на груди мертвого Калликрата, быть может, мой господин побоится тронуть его.

Я повиновался, хотя дрожавшие пальцы плохо слушались меня. На мертвой обнаженной груди зияла рана, очевидно, сделанная кинжалом.

– Видишь, Калликрат! – произнесла Аэша. – Это я убила тебя. Вместо жизни я дала тебе смерть. Я убила тебя из-за египтянки Аменартас, которую ты любил; ее я не могла убить, потому что она была сильнее меня. В раздражении и гневe я убила тебя и все эти долгие годы оплакивала свое преступление и ждала тебя! Теперь пусть труп превратится в прах: он не нужен более!

Аэша взяла со своего ложа большой стеклянный сосуд с ручками, наклонилась, тихо поцеловала холодное чело мертвеца, откупорила сосуд и начала лить из него какую-то жидкость на труп, стараясь, как я заметил, чтобы ни одна капля ее не попала на нас или на нее, потом остатки жидкости вылила на грудь и голову мертвого человека. Тотчас же показался пар, и пещера наполнилась удушливым дымом, который помешал нам увидеть что-либо. Послышался странный и долгий звук – легкий треск и шипение, которое вскоре прекратилось. Наконец все исчезло, осталось только маленькое облачко дыма. Через несколько минут исчезло и это облачко, и каменное ложе, на котором много столетий покоились останки Калликрата, было пусто. На нем лежала только горсть дымящегося пепла. Аэша взяла пепел и бросила его в воздух.

– Прах обратился в прах! Конец прошлому! Конец всему. Калликрат умер и возродился снова. Теперь ступайте и оставьте меня! – произнесла Аэша. – Спите, если можете. Я буду бодрствовать и думать, потому что завтра ночью мы уйдем отсюда!

Мы поклонились и ушли, когда же пришли в свое помещение, я заглянул к Джону, который ушел раньше. Он крепко спал, этот добрый, честный слуга, и я порадовался за него, так как его нервы, как у всех простых людей, были не особенно крепки и порядком расстроены от всех впечатлений этого ужасного дня. Когда мы очутились в нашей комнате, бедный Лео, все еще не успевший опомниться от ужасного зрелища, разразился гневом. Он освободился от влияния королевы, – и сознание вернулось к нему. Он вспомнил об убитой Устане, и, как буря, поднялись в нем угрызения совести и стыда. Лео проклинал себя, проклинал ту минуту, когда увидел письма на сосуде, которые оказались правдивыми, проклинал свою слабость. Но Аэшу он не проклинал, да и кто осмелился бы проклинать такую женщину, как «Она»?

– Что мне делать, старый дружище? – простонал он, положив голову на мое плечо в припадке отчаяния. – Я допустил, чтобы Устану убили, и через пять минут целовал ее убийцу. Я – жалкий скот, но, право, не могу противиться ей, – голос его оборвался, – этой колдунье. Завтра будет то же самое, я навсегда в ее власти! Я продан в рабство, старый дружище, и «Она» возьмет мою душу!

Тут в первый раз я сказал ему, что сам находился не в лучшем положении, и Лео пожалел меня, быть может, потому, что не мог ревновать. Мы стали думать, как бы бежать отсюда, но скоро отбросили эту мысль и, честно говоря, не думаю, что кто-то из нас был в силах уйти от Аэши.

Что же Лео оставалось делать? Подчиниться власти таинственного существа, каким была Аэша? Но ведь это могло случиться с ним и в обыкновенном супружестве с простой женщиной. Но обыкновенная супруга не принесла бы ему такой чудной красоты, такой мудрости, такой власти над тайными силами природы, могущества, царской короны и бесконечной молодости – всего того, что могла дать Аэша, если говорила правду. Поэтому было понятно, что Лео, даже рассерженный и раскаивающийся, не согласится бежать от Аэши. И я полагаю, было бы глупо, если бы он согласился!

Больше двух часов просидели мы с Лео, беседуя о чудесных событиях. Происходящее казалось нам сном, сказкой. Кто мог подумать, что все написанное на сосуде окажется правдой!

XXII. Предчувствие Джона

Было 9 часов утра, когда Джон пришел будить меня и обрадовался, найдя нас в постели живыми и бодрыми. Когда я сказал ему о трагической смерти Устаны, он еще больше обрадовался, что мы остались живы. Хотя он и не любил Устану, но пожалел ее. Обыкновенно она называла его «свиньей» по-арабски, он величал ее «шлюхой» по-английски. Но теперь все было забыто.

– Я хочу сказать вам кое-что, сэр, – произнес Джон, выслушав мой рассказ, – знаете, я думаю, что «Она» – это сам черт холостой! Аэндорская волшебница – дура перед ней, сэр! Это – страна дьяволов, сэр, а «Она» их госпожа. Я не смею надеяться, что мы когда-нибудь выберемся отсюда. Эта колдунья не выпустит из рук такого красивого молодого человека, как мистер Лео!

– Погоди, – возразил я, – она спасла ему жизнь!

– Да, и за это возьмет его душу! Она заколдует его. Разве хороший человек может жить среди людоедов? Но это – последняя страна, которую я вижу на земле. Прошлой ночью мне шился сон... Я видел моего покойного старика-отца, одетого во что-то вроде ночной рубашки, с пучком травы в руке, собранной им по дороге из сада. «Джон! – сказал он мне тихо и торжественно, – Джон, время настало, но я не ожидал тебя увидеть в таком ужасном месте. Не хорошо было заставлять старого отца бежать сюда и оставлять его одного среди этих людей...»

– Правильно! – подтвердил я.

– Конечно, сэр, правильно! Я знаю, уверен теперь, что этот раскаленный горшок не минует меня! – ответил Джон печально. – Отец сказал, что время мое пришло, и ушел, сказав, что мы увидимся с ним очень скоро; и я знаю, что не пройдет трех дней, как уйду к нему!

– Ну конечно! – возразил я. – Ты уверен, что умрешь, потому что видел во сне отца. Что же должно случиться с тем, кто увидит во сне свою мать?

– Ах, сэр, вы смеетесь надо мной, – сказал Джон, – но вы не знали моего отца. Он не любил шутить. Нет, сэр, он говорил правду, и я ничем не могу тут помочь!

– Глупости! – проговорил я.

– Нет, сэр! – печально ответил Джон глубоко убежденным тоном и ушел.

Нам принесли завтрак, пришел и Лео, который ходил гулять, чтобы освежить свои мысли, по его словам. Я был рад видеть и Лео, и Джона, потому что они рассеяли мои мрачные мысли. После завтрака мы снова пошли гулять, чтобы посмотреть, как работают в поле дикари. Курьезно было видеть, как этот угрюмый, дикий народ сеет в поле, и делали они это самым примитивным образом.

Когда мы вернулись, Биллали встретил нас, сообщив, что «Она» желает видеть чужеземцев. Мы тотчас же пошли к ней, правда, не без внутреннего содрогания.

Как обычно, немые слуги доложили о нас, и когда они ушли, Аэша сбросила свое газовое покрывало и приказала Лео обнять и поцеловать себя. Лео повиновался и сделал это с большим жаром и удовольствием, чем прежде. «Она» положила белую руку на его голову и посмотрела ему в глаза.

– Ты хотел бы знать, Калликрат, когда ты сможешь назвать меня своей, – произнесла Аэша, – и когда мы всецело будем принадлежать друг другу? Я скажу тебе. Во-первых, ты должен быть таким же, как я, не бессмертным, нет, но неподвластным разрушительной силе времени! Я не могу стать твоей супругой, потому что мы оба слишком различны между собой, и чрезмерный блеск моего существа может дурно влиять на тебя. Ты не в силах долго смотреть на меня, – твои глаза будут болеть, твои чувства притупятся, и мне придется закрываться от тебя! Слушай! Сегодня вечером, за час до заката солнца, мы уйдем отсюда, и завтра

на рассвете, если все пойдет хорошо и я не забыла дороги, мы будем стоять у Утеса жизни, ты омоешься в огне жизни и выйдешь из него победоносным. Тогда, Калликрат, ты можешь называть меня своей женой, а я назову тебя своим супругом и господином!

Лео пробормотал что-то в ответ на это удивительное предложение. Аэша засмеялась над его смущением.

– И ты, Холли, также! – продолжала она. – Я сделаю это для тебя, и ты останешься вечно юным и сильным!

– Благодарю тебя, Аэша, – ответил я с достоинством, – но если в том странном месте, куда ты хочешь вести нас, можно избавиться от смерти, которая приходит за каждым человеком, – благодарю, мне не нужно этого! Мир не был так ласков ко мне, чтобы я хотел жить в нем долго! Земля – жестокосердая мать, она кормит детей своих камнями и утоляет их жажду горькой водой. Кому захочется продлить надолго свою жизнь? Кто захочет нести бремя воспоминаний о прошедшей любви, о прошлых печалях и скорбях, о мудрости, которая не дает утешения?

И как ни убеждала меня Аэша, я решительно отказался. Тогда она заговорила о другом.

– Теперь, – обратилась «Она» к Лео, – скажи мне, Калликрат, как ты нашел меня? Вчера ночью ты сказал, что мертвый Калликрат был твоим предком? Расскажи мне все подробно!

Лео рассказал ей удивительную историю ящика и амфоры. Аэша выслушала внимательно.

– Видишь, – обратилась она ко мне, – эта египтянка Аменартас, царственная дочь Нила, ненавидела меня также, как я ненавижу ее, и сама привела своего возлюбленного в мои объятия. Я убила его, а теперь он снова вернулся ко мне! Ты, мой Калликрат, захочешь ли мстить мне за свою прабабку? Вот, – продолжала она, опустившись к ногам Лео и открыв платье на груди, – ударь меня в сердце, кинжал у тебя под рукой, длинный и острый, отличный нож, чтобы убить такую женщину, как я. Убей же, убей меня!

Лео взглянул на нее, протянул руку и поднял ее.

– Встань, Аэша, – печально произнес он, – ты хорошо знаешь, что я не трону тебя. Я весь в твоей власти, твой верный раб. Как я могу убить тебя? Скорее, покончу с собой!

– Ты уже любишь меня, Калликрат! – ответила она, улыбаясь. – Скажи мне что-нибудь о твоей стране, о твоём великом народе. Ты, наверное, захочешь вернуться туда, и я рада этому, потому что ты не можешь жить в этих пещерах. Мы уйдем отсюда, – не бойся, я знаю дорогу, – поедem в твою Англию и будем там жить! Две тысячи лет ждала я того дня, когда смогу покинуть эти ужасные пещеры и мрачный народ! Ты будешь управлять Англией...

– Но у нас есть королева в Англии! – прервал ее Лео.

– Это ничего не значит! – возразила Аэша. – Ее можно свергнуть с трона!

Мы объяснили ей, что сами погибнем тогда.

– Странная вещь! – произнесла Аэша с удивлением. – Королева, которую любит народ! Вероятно, мир очень изменился с тех пор, как я живу здесь!

Мы пытались объяснить ей, что наша монархия любима и уважаема всеми, что настоящая власть находится в руках народа, что Англия подчиняется своим законам.

– Закон! Что такое закон? – проговорила она насмешливо. – Разве ты не понимаешь, Холли, что я выше любого закона, так же, как и Калликрат? Все человеческие законы для нас то же, что северный ветер для горы! Теперь идите, прошу вас! Я должна подготовиться к путешествию. Приготовьтесь и вы, да возьмите с собой вашего слугу. Не берите только ничего лишнего: через три дня мы вернемся. Ты, Калликрат, можешь поцеловать мою руку.

Мы ушли к себе. Очевидно, ужасная королева задумала отправиться в Англию. Я содрогался при мысли об этом, потому что знал, что Аэша непременно пустит в ход свою ужасную силу.

Ее гордая, честолюбивая душа захочет возместить долгие столетия одиночества. Умереть она не может, убить ее нельзя.¹² Что же может остановить ее? В конце концов она получит всю власть в Британских владениях, а, может быть, и на всей земле, и ценой ужасных злодеяний сделает Англию богатейшей и цветущей империей во всем мире. После долгих размышлений я пришел к заключению, что это удивительное создание, вероятно, будет орудием в руках Провидения, чтобы изменить порядки одряхлевшего мира и направить его на лучший путь.

¹² Я жалею, что не мог хорошенько узнать, действительно ли Аэша застрахована от случайностей и неуязвима. Когда она предложила Лео убить ее – это, вероятно, было только испытанием его чувств к ней.

XXIII. Храм истины

Приготовления к путешествию были несложны. Мы засунули в мешок смену платья и несколько пар сапог, взяли с собой револьверы, одну винтовку вместе с запасом амуниции. Все остальное оставили в пещерах.

За несколько минут до назначенного времени мы вошли в комнату Аэши и нашли ее уже готовой, одетой в темный плащ.

– Идем! – сказала она.

Мы вышли из пещеры на свет божий. На площадке нас ожидали носилки и шесть немых носильщиков. Между ними находился старый Биллали, к которому я очень привязался. Очевидно, Аэша решила, что, за исключением ее, все мы пойдем пешком. Мы отправились в путь с удовольствием после долгого пребывания в пещерах. Случайно, или по приказанию Аэши, но у входа в пещеру не видно было ни одного человека за исключением немых слуг, которые умели держать язык за зубами.

Через несколько минут мы переходили большую возделанную равнину, окаймленную угрюмыми скалами; полюбовались чудесной природой местности, удивительной системой орошения, придуманной еще народом царственного Кор. Двигаясь вперед около полудня, наслаждаясь прохладой с моря, мы начали ясно различать вдали какие-то строения. Биллали объяснил нам, что это развалины большого города.

Даже издали мы могли заметить красоту руин. Город вовсе не был велик по сравнению с древним Вавилоном или Фивами, но стены его сохранились и казались очень высокими. Несомненно, народ Кор был защищен от любого внешнего вторжения огромными скалами и утесами и выстроил эти стены только для виду и опасаясь гражданских раздоров.

Стены были толсты, сделаны из камня и окружены рвом, наполненным водой. За десять минут до заката солнца мы добрались до этого рва, перешли через него по обломкам когда-то прочного моста и взобрались без труда на стену. Мое перо не в силах описать красоты пейзажа. Тысячи руин – колонны, храмы, дворцы, окруженные густой порослью кустарника, купались в красных лучах заходящего солнца. Крыши строений разрушились, но большая часть стен и колонн остались целыми.¹³

Прямо перед нами возвышалось что-то похожее на главные ворота города, выстроенные из прочного камня, но заросшие травой и кустарником. Парки и сады стали непроходимыми, так что трудно было даже найти след дороги в их густой чаще. По обеим сторонам ворот лежали обломки развалин. По-видимому, нога человека не ступала здесь тысячи лет.

Биллали сказал мне, что народ Амахаггер считает этот разрушенный город проклятым. Сам он согласился идти сюда только по просьбе Аэши. Курьезно, что народ, не боявшийся жить среди мертвецов, боялся подойти близко к разрушенному городу.

Затем мы увидели огромное строение, похожее на храм, с удивительными колоннами, очень красивой архитектуры. Сначала мы подумали, что форма колонн представляет собой женскую фигуру.

На следующий день, взобравшись на откос горы, мы заметили здесь целую рощицу величественных пальм, и я понял, что архитектор черпал свое вдохновение в грациозности форм этих пальм, или, вернее, их предков.

У фасада огромного храма наша маленькая процессия остановилась, и Аэша вышла из носилок.

¹³ Город народа Кор не мог быть сожжен или разрушен неприятелем или землетрясением, поэтому дома остались нетронутыми. Климат равнины очень ровный и сухой, дождя и ветра здесь нет и все уцелело от разрушительного влияния времени.

– Тут была комната, Калликрат, – сказала она Лео, – где мог спать один человек. Две тысячи лет тому назад ты, я и эта египтянка отдыхали тут, но с тех пор я не была здесь, и все пришло в упадок!

Затем Аэша поднялась по изломанным ступеням в наружный двор и огляделась вокруг, словно стараясь что-то припомнить. Сделав еще несколько шагов, она остановилась.

– Здесь все по-старому! – произнесла она, сделав знак немым слугам подойти ближе. Один из них подошел, зажег лампу, и мы пошли далее. Перед нами была маленькая келья, вырубленная в стене, которая, по-видимому, была жилой комнатой для сторожей храма.

Здесь мы решили отдохнуть и, устроившись как можно удобнее, поели холодного мяса, – все, кроме Аэши, которая не прикасалась никогда ни к чему кроме плодов, воды и хлеба. Пока мы закусывали, взошел месяц и серебристыми лучами залил окрестность.

– Знаешь ли, Холли, зачем я привела вас сюда ночью? – спросила Аэша, которая сидела, положив голову на руку, и наблюдала за месяцем, величественно парящим над мрачными колоннами разрушенного храма.

– Я привела вас сюда, чтобы вы могли видеть удивительное зрелище – полный месяц над развалинами Кор. Вы поели, – я хотела бы, чтобы ты не брал в рот ничего, кроме фруктов, Калликрат, но это придет позже. Когда-то и я ела мясо, как зверь. Ну, если вы готовы, пойдем, я покажу вам храм и бога, в честь которого он выстроен!

Мы встали и пошли. Я не в силах описать подробностей всего храма, его великолепия и роскоши. Мрачные дворы, стройные колонны со скульптурными украшениями, пустынные комнаты говорили воображению человека о многом.

И над всем этим – мертвая тишина, тишина смерти: казалось, дух прошлого обитал здесь.

Как все тут было красиво и пустынно! Мы не смели говорить громко, даже Аэша смутилась перед лицом величавой древности. Мы говорили шепотом, и наш шепот перелетал от колонны к колонне и замирал вдали. Лунный свет ярко озарял развалины храма, скрывая все разрушения тысячелетий. Это было чудесное зрелище. Постепенно свет луны исчезал, и мрачные тени медленно заползали в поросшие травой притворы храма, словно призраки старых жрецов, слетевшихся в храм для поклонения божеству...

– Идите, – произнесла Аэша, пока мы, не отрываясь, смотрели и смотрели, – я покажу вам каменный цветок красоты, который словно смеется над временем и наполняет тоской и желанием сердце человека! – и, не ожидая ответа, она повела нас в древний храм.

Посредине необъятного двора стояло величайшее в мире произведение искусства. На большом камне находился огромный каменный шар, около 20 ф. в диаметре, а на шаре – колоссальная крылатая фигура такой поразительной, божественной красоты, что, когда я увидел ее, озаренную серебристым сиянием месяца, мое дыхание остановилось и сердце замерло. Статуя была сделана из чистого белого мрамора, 20 ф. высотой. Крылатая женская фигура, поражающая красотой и изяществом форм, стояла, наклонившись вперед, с распростертыми руками, словно собираясь обнять возлюбленного. Она была обнажена, но лицо плотно закутано, так что мы едва могли различить ее черты. Покрывало окутывало ее голову, два конца его падали на левую грудь, а третий развевался в воздухе сзади.

– Кто это? – спросил я, не отрывая глаз от статуи.

– Разве ты не догадался, Холли? – спросила Аэша. – Где же твое воображение? Это – Истина, парящая над миром и призывающая его детей открыть ей закутанное лицо! Смотри, вот и надпись на пьедестале. Несомненно, это взято из Священных Писаний народа Кор!

В самом деле, у подножия статуи были выгравированы письмена, похожие на китайские иероглифы.

Аэша перевела их так:

– Есть ли в мире такой человек, который откинул бы мое покрывало и взглянул бы в мое лицо, хотя оно прекрасно? Я буду жить в том человеке, который откинет мое покрывало, я дам ему душевный мир и нежных детей познания и труда! И голос крикнул: Хотя все, кто ищет тебя, жалеет тебя, но смотри! Ты – девственна и будешь всегда девственной, пока не кончится все. Нет человека, рожденного от женщины, который откинул бы твое покрывало и остался жить и никогда не будет! Только смерть сорвет твою вуаль!

Истина простерла руки и заплакала, потому что те, которые стремились к ней, не могли найти ее и взглянуть ей в лицо!

– Ты видишь, – заметила Аэша. – Истина была богиней народа Кор, в честь ее они строили храмы, к ней они стремились, хотя знали, что не найдут ее!

– Да, – добавил я печально, – люди ищут и не находят истины, и никогда не найдут. Только в смерти есть истина!

Бросив последний взгляд на статую – эту поэтическую грезу красоты, сделанную из камня, которую я никогда не забуду, – мы повернулись и пошли назад. Я не видел больше статуи, о чем очень жалею. Во всяком случае, я знаю и убедился: эти давно умершие поклонники Истины вполне признавали факт, что земля – кругла.

XXIV. Через пропасть

На следующее утро немые слуги разбудили нас еще до рассвета. Пока мы очнулись от сна и освежились водой, вытекавшей из обломков мраморного бассейна в центре какого-то двора, Аэша уже стояла возле носилок, а Биллали помогал слугам собирать багаж. По своему обыкновению, Аэша была закутана в газовое покрывало, и мне пришло в голову, что она могла перенять этот способ прятать свою красоту у мраморной статуи Истины. Я заметил, что Аэша казалась очень расстроенной и потеряла свой гордый и царственный вид, который отличал ее из тысячи женщин. Она смотрела вниз, когда мы подошли к ней. Лео спросил, как она спала в эту ночь.

– Дурно, мой Калликрат, – отвечала она, – дурно! Меня преследовали странные и ужасные сны, и я не знаю, что они предвещают мне. Я чувствую, что-то дурное будет со мной... Но почему? Разве зло может коснуться меня? Я желала бы знать, – добавила она с выражением глубочайшей нежности, – если что случится со мной, станешь ли ты думать обо мне? Я желала бы знать, мой Калликрат, будешь ли ты ждать меня, как я ждала тебя много столетий?

Не ожидая ответа, она продолжала.

– Посидим здесь: нам далеко идти, и раньше рассвета следующего дня мы будем уже близ Утеса жизни!

Через пять минут мы уже шли по разрушенному городу, который в лучах солнца представлял собой величественное, но подавляющее зрелище.

Когда первый луч восходящего солнца золотой стрелой опустился на руины, мы добрались до крайних ворот городской стены. Бросив последний взгляд на древний город, мы, за исключением Джона, который не любил развалин, – вздохнули, сожалея, что не смогли подробнее осмотреть его, и вышли на равнину.

Вместе с солнцем воспрянула духом Аэша и смеялась над своей тоской, приписывая ее влиянию печального места, где она спала.

– Эти варвары уверяют, что город проклят, – сказала она, – и, право, я верю им, потому что никогда не чувствовала себя так дурно, как сегодня ночью... Впрочем, нет, была еще одна ужасная ночь... Я помню. Это было, когда ты лежал мертвым у моих ног, Калликрат! Никогда не приду я сюда, это – проклятое место!

После короткой остановки и завтрака мы пошли дальше и в 2 часа дня были у подножия скалы, образующей жерло вулкана, который возвышался на 1500 ф. над нами. Здесь мы опять передохнули, и я не мог понять, каким образом мы сможем двигаться дальше.

– Вот, – произнесла Аэша, выйдя из носилок, – и начинаются наши испытания, потому что сюда мы пришли с этими людьми, а отсюда пойдем одни! Ты останься со слугами здесь и дожидайся нашего возвращения, – обратилась Аэша к Биллали, – завтра в полдень мы вернемся сюда, – если нет, подождите!

Биллали смиренно поклонился и сказал, что ее приказание будет в точности исполнено и они будут ждать здесь.

– А этот человек, Холли, – сказала Аэша, указывая на Джона, – он лучше бы сделал, если бы ждал нас здесь. Он не обладает мужеством и смелостью, и с ним может случиться что-нибудь дурное. К тому же таинственное место, куда мы направляемся, не предназначено для простых глаз непосвященного!

Я перевел эти слова Джону, но он начал со слезами умолять меня взять его с собой, уверяя, что не может быть ничего хуже того, что было, что он боится умереть среди «этих диких людей», которые воспользуются случаем и наденут на него «раскаленный горшок».

– Пусть идет, мне все равно! – сказала Аэша, когда я перевел ей просьбу Джона. – Сам будет виноват! Он понесет лампу и это... – Она указала на узенькую доску, привязанную к ее носилкам и предназначенную для какой-то неизвестной мне цели.

Джон нес эту доску и одну из ламп. Я взял другую лампу и кувшин с маслом, а Лео – провизию и воду. Затем «Она» приказала Биллали и носильщикам отойти назад, в рощицу цветущих магнолий, и оставаться там под страхом смерти, пока мы не исчезнем из виду. Они поклонились и ушли. Уходя, Биллали дружески пожал мне руку и шепнул, что очень доволен тем, что «Она» не берет его в подобную экспедицию, а оставляет здесь.

Коротко спросив нас, готовы ли мы, Аэша повернулась и посмотрела на огромный утес.

– Праведное Небо! – вскричал я. – Неужели мы полезем на эту скалу?

Лео, совершенно подавленный, пожал плечами. В этот момент Аэша быстро прыгнула вперед и начала карабкаться на утес, куда мы последовали за ней.

Удивительно было видеть, с какой грацией и легкостью она прыгала со скалы на скалу. Подъем оказался не труден, но оглядываться назад было страшно.

Без особого труда, – нас смущала только доска, которую нес Джон, – мы влезли на высоту 50 футов и достигли узкого выступа скалы, который расширился внутри и образовывал что-то вроде прохода, так что мы постепенно опускались вниз и наконец скрылись совершенно из вида тех, кто стоял на холме. Этот узкий проход заканчивался пещерой. Перед входом в пещеру Аэша остановилась, велела нам зажечь лампы и взяла одну из них.

С лампой в руке она двинулась по пещере, внимательно смотря под ноги, так как пол был очень неровен, с глубокими дырами, где можно легко сломать ногу. Мы прошли пещеру за 20 минут, наконец остановились в дальнем конце ее. Я старался разглядеть что-либо в сумраке пещеры, как вдруг неожиданный приток воздуха погасил обе лампы.

Аэша крикнула нам, чтобы мы шли за ней, и мы поспешили на ее зов. Перед нами была огромнейшая, зиявшая в скале пропасть, а над ней узенькая каменная тропинка.

– Мы должны пройти здесь! – сказала Аэша. – Будьте осторожны, остерегайтесь головокружения и ветра, который может столкнуть вас вниз!

Не дожидаясь ответа, Аэша начала взбираться по выступам скалы, приказав нам следовать за собой. Я шел ближе к ней, за мной Джон, тащивший доску, а за ним Лео в арьергарде. Интересно было наблюдать за смелой женщиной, легко скользившей по камням. Что касается меня, я, пройдя несколько ярдов, встал на четвереньки и пополз. Моему примеру последовали другие. Аэша не хотела ползти. Она шла вперед, не теряя равновесия. За несколько минут мы прошли ужасную тропинку над пропастью. Вдруг сильный ветер поднялся из ущелья. Я видел, как покачнулась Аэша, но удержалась на ногах. Ветер сорвал с нее плащ и унес в пропасть.

Я цеплялся за утес, а камни, словно живые, качались под нами. Мы висели в темноте между небом и землей. Под нашими ногами внизу чернела бездонная пропасть, над головой – необъятное пространство удушливого воздуха и наверху – кусочек голубого неба. Внизу в ущелье дико ревел и завывал ветер.

Положение наше было весьма опасно.

– Вперед! Вперед! – кричала нам Аэша.

Потеряв плащ, она осталась в белой одежде и казалась призраком, летевшим над пропастью.

– Вперед! Или вы упадете и разобьетесь вдребезги. Осторожнее! Держитесь за скалу!

Мы повиновались и поползли, цепляясь за скалу, борясь с ветром. Не знаю, как долго мы ползли, пока не добрались до огромного камня. Мы улеглись на этот камень и оглянулись вокруг. Аэша стояла впереди нас, не обращая внимания на зиявшую внизу пропасть, и боролась с ветром, который развевал ее роскошные волосы. Теперь мы поняли, для чего была нужна доска, которую Джон тащил за собой.

– Здесь мы должны подождать! – крикнула Аэша. Скоро будет светло.

Я не понял ее слов. Откуда возьмется свет в этом ужасном месте? Пока я раздумывал, вдруг целый сноп лучей заходящего солнца, подобно огненному мечу, ворвался в окружающий нас мрак и озарил сиянием прекрасную фигуру Аэши. Я не знал, откуда взялись эти лучи, и предположил, что в противоположном утесе, вероятно, образовалось отверстие, сквозь которое проскользнули сюда солнечные лучи. Зрелище было удивительное. При ярком солнечном свете мы разглядели то, что находилось перед нами. В двенадцати ярдах от камня, на котором мы лежали, виднелся конус, напоминавший формой сахарную голову. На вершине этого конуса лежала какая-то огромная масса, похожая на льдину. Этой массой был гигантский камень скалы, качавшийся на краю конуса. При ярком свете мы ясно увидели, как он двигался под порывами ветра.

– Скорее! – произнесла Аэша. – Давайте доску! Пока светло, мы должны перейти туда. Надо идти сейчас же!

– Господи! – простонал Джон. – Не хочет ли она заставить нас прогуляться по этой дощечке?

– Это верно, Джон! – ответил я ему с деланным спокойствием, хотя мысль о прогулке через пропасть не особенно улыбалась мне.

Я передал доску Аэше, которая перекинула ее через бездну, так что один конец ее остался на скале, а другой упирался в шатающийся камень.

Поставив ногу на доску, Аэша повернулась ко мне.

– С тех пор как я была здесь в последний раз, Холли, этот живой камень едва держится, и я не уверена, выдержит ли он нашу тяжесть. Во всяком случае, я переправлюсь первая, потому что со мной ничего не может случиться!

Она легко, но твердо ступила на доску и в следующую секунду была уже на другой стороне.

– Готово! – крикнула она. – Держите доску! Я встану на ее конец, чтобы она была устойчивее. Вперед, Холли, скоро свет исчезнет!

Колени мои подогнулись, я испугался и, сознаюсь, сильно колебался...

– Неужели ты испугался? – кричало странное создание, стоя подобно птице, на вершине скалы. – Ну, иди же, ради Калликрата!

Эти слова заставили меня решиться. Лучше упасть в пропасть и умереть, чем слышать насмешки из уст женщины. Я стиснул зубы и пошел по доске. О, какое ужасное ощущение от ходьбы по качающейся под ногами доске! Голова кружилась, по спине ползали мурашки, мне казалось, что я падаю. Наконец я очутился на камне и от души поблагодарил Провидение за свое спасение.

Наступила очередь Лео. Он побледнел, как полотно, но легко пробежал по доске, словно канатный плясун. Аэша протянула ему руку, и я слышал, как она сказала ему:

– Смелее, любовь моя! В тебе живет еще дух древних греков!

Остался один бедный Джон. Он полз по доске и вопил: «Не могу, не могу, сейчас упаду! Ой, ой!»

– Ты должен, Джон, – сказал я повелительно, – ты должен идти, это вовсе не трудно!

– Пусть он идет, или пусть погибает там! – произнесла Аэша. – Свет исчезает! Через минуту будет темно!

Со страшным воплем несчастный Джон бросился к доске и, не решаясь идти по ней, начал ползти, тогда как ноги его висели над пропастью. Его неровные движения заставили качаться большой камень самым ужасным образом, и, что всего хуже, когда он был уже на полпути, солнечные лучи исчезли и мы погрузились в полнейший мрак.

– Иди же, Джон, ради Бога! – крикнул я в испуге, чувствуя, что камень сильно шатается.

– Спаси меня, Боже! – кричал бедный Джон из темноты. – Ох, доска скользит! Ай!

Я слышал крик, борьбу и думал, что Джон упал. Но в этот момент его протянутая рука встретила с моей, и я принялся изо всех сил тянуть его к себе, пока он не очутился на скале около меня. Но доска! Я слышал, как она скользнула, ударила о скалу и упала в пропасть.

– Праведное небо! – воскликнул я. – Как же мы вернемся назад?

– Не знаю, – отвечал Лео. – Я так доволен, что очутился здесь!

Аэша весело окликнула меня, взяла за руку и велела следовать за собой.

XXV. Огонь жизни

Я повиновался, чувствуя, что меня ведут по самому краю камня.

– Я упаду, падаю! – бормотал я.

– Падай, но не бойся и верь мне! – ответила Аэша. – Падай же!

Я соскользнул по поверхности скалы, пронесся по воздуху и решил, что погибаю. Нет! Мои ноги уперлись в пол, и я очутился на твердой почве. Я стоял и благодарил Бога, как вдруг Лео очутился рядом со мной.

– Славно, старый дружище! – воскликнул он. – Здесь ли ты? Ведь это интересный полет, не правда ли?

Раздался вопль, появился Джон и изрядно толкнул нас обоих. Пока мы старались встать на ноги крепче, Аэша очутилась возле нас, велела зажечь лампы, которые, к нашему счастью, оказались невредимыми, так же, как кувшин с маслом.

Я нашел коробок и чиркнул спичкой. Она весело загорелась в этом ужасном месте, словно в лондонской гостинной.

Зажженные лампы озарили курьезную сцену. Мы находились в небольшой комнате и выглядели очень измученными. Одна Аэша стояла спокойно, сложив руки и глядя куда-то вдаль. Комната была вырублена в скале, и в ней было сухо и тепло.

– Хорошо! – заговорила Аэша. – Сюда мы добрались благополучно, а я думала, что камень не выдержит вашей тяжести и вы полетите в пропасть. Этот человек, – она кивнула на Джона, который сидел на полу, обтирая лицо красным носовым платком, – заслуживает прозвища «свинья», потому что он глуп, уронил доску, и я должна теперь думать, как вернуться назад. Посмотрите на эту комнату! Что это такое?

– Не знаю! – отвечал я.

– Поверишь ли, Холли, когда-то здесь жил один человек много лет, только изредка выходя отсюда, чтобы взять пищу и воду, которые ему приносил народ!

Я посмотрел на нее вопросительно. Она продолжала:

– Да. Этот человек был Нут, мудрейший из народа Кор. Отшельник, философ, познавший многие тайны природы, он открыл огонь жизни, который я покажу вам! Тот, кто омоется в этом огне, будет жить до тех пор, пока живет природа. Но этот Нут не хотел никому открыть своих познаний. «Человеку плохо живется, – говорил он, – потому что он рожден, чтобы умереть!» Он остался жить здесь, и его почитали как святого и отшельника. Знаешь, каким образом я попала сюда, в эту страну, Калликрат? В следующий раз я расскажу тебе об этом. Я слышала о мудром философе и пришла сюда к нему, хотя очень боялась переходить через пропасть. Я очаровала отшельника своей красотой и мудростью, сумела польстить ему, так что он привел меня в пещеру и показал огонь жизни. Но понимая, что он не хочет более выносить моего присутствия и опасаясь, что он убьет меня, я ушла, но знала, что он очень стар и должен скоро умереть. Я узнала от Нута о чудесном духе мира и услышала многие тайны. Нут был очень мудр и стар, его воздержание, чистота, созерцательная жизнь подняли перед ним завесу, которая скрывает от человеческих глаз много великих истин, весь чуждый ему невидимый мир. Через несколько дней я встретила тебя, Калликрат, поняла, что такое любовь, и решила придти сюда с тобой и получить дар жизни. Мы пришли сюда все трое, вместе с египтянкой, которая не хотела отстать от тебя, и нашли старика Нута мертвым. Он лежал здесь неподвижно, и белая борода закрывала его, как платье!

Аэша указала на то место, где я сидел. Я наклонился, положил руку на пол, и пальцы мои прикоснулись к чему-то твердому. Это был человеческий зуб, пожелтевший, но крепкий. Я взял его и показал Аэше. Она засмеялась.

– Да, – произнесла она, – это его зуб, несомненно. Все, что осталось от Нута и его мудрости – один зуб! Между тем он умел управлять высшими силами природы!

– Итак, он лежал мертвый, а мы пошли туда, куда я хочу вести вас сейчас. Собрал все свое мужество, я встала среди пламени! Неведомая вам жизнь влилась в мои жилы, и я вышла из огня невредимой и прекрасной! Я протянула свои руки тебе, Калликрат, я – твоя бессмертная невеста, а ты? Ослепленный моей красотой, ты отвернулся от меня и спрятал глаза на груди Аменартас. Страшная ярость охватила меня, я, вероятно, потеряла рассудок и, схватив твой кинжал, поразила тебя, и ты упал вот здесь и умер у моих ног. Я не подозревала тогда, что обладаю силой убивать одним взглядом!

– Когда ты умер, я горько плакала о тебе. Я так долго плакала здесь о тебе и так страдала, что, если бы была обыкновенной женщиной, то сердце мое, наверное, разорвалось бы! Она, хитрая египтянка, прокляла меня именем всех своих богов, именем Озириса, Изиды, Секхета и др., призывая на меня все зло и несчастье. Я и сейчас вижу ее мрачное лицо, но она не могла повредить мне! Я не пыталась убить ее, я все забыла, мы понесли тебя отсюда вместе с ней! Потом я отослала египтянку прочь, и она, кажется, родила сына и написала те строки, что привели тебя, ее супруга, ко мне, ее спутнице и твоей убийце! Вот что я хотела рассказать тебе, моя любовь!

– Я ничего не скрыла от тебя! Погоди, еще одно слово перед испытанием! Мы входим теперь в обитель смерти, потому что жизнь и смерть неразлучны, – и кто знает, что может случиться и, может быть, разлучить нас с тобой? Я женщина, а не пророчица, и не умею читать в будущем. Но вот что я знаю, – я научилась этому у мудрого Нута, – что жизнь моя может долго тянуться и быть блестящей. Сейчас, прежде чем мы пойдем дальше, скажи мне, Калликрат, скажи правду: простил ли ты меня и любишь ли всем сердцем? Я сделала много зла... я убила девушку, которая любила тебя и умерла за свою любовь, но она не хотела повиноваться мне, разгневала меня, предсказывая мне несчастье, и я убила ее!

Она замолчала. Бесконечная глубокая нежность, звучавшая в ее голосе, искренно тронула меня, потому что это было совсем по-женски и так понятно!

Лео был также тронут и очарован вопреки своей воле, очарован, как птица змеей, но потом он говорил мне, что действительно любил это странное и чудесное создание. Увы! Я также любил ее.

Я видел, как глаза Лео наполнились слезами.

Он тихо подвинулся к ней, отбросил ее покрывало и, взяв за руку, нежно взглянул ей в глаза.

– Аэша, я люблю тебя всем сердцем, – произнес он, – и прощаю тебе смерть Устаны. Остальное – не мое дело, я ничего не знаю. Знаю только, что люблю тебя, как никого не любил прежде, и останусь с тобой до конца!

– Теперь, – сказала Аэша, – когда мой господин с царской щедростью простил меня и осыпал дарами своей любви, я счастлива! Смотри!

Она взяла руку Лео и, положив ее на свою прекрасную голову, склонилась перед ним так, что колени коснулись земли.

– В знак моей покорности я кланяюсь до земли моему господину!

– Теперь Вечным Духом, от которого все исходит, к кому все возвращается, клянусь в этот священный для меня час, что оставляю путь зла и буду стремиться к добру и благу!

– Итак, я поклялась, и ты, Холли, был свидетелем моей клятвы. Здесь мы обвенчались, супруг мой, под этим мрачным свадебным балдахином обвенчаны на всю жизнь. Ветер слышал наши брачные обеты, он унесет их к небу и развеет по всему миру. Вместо свадебного подарка я подарю тебе дивную красоту, долгую жизнь, безмерную мудрость и богатство! Великие государства будут пресмыкаться у твоих ног, а женщины не оторвут глаз от твоего лица! Вся земная мудрость будет ничто перед твоей. Ты будешь читать в сердцах людей,

как в открытой книге. Подобно древнему египетскому сфинксу ты будешь долгие годы загадочно смотреть на мир человеческий и смеяться над ним в твоём великом и таинственном молчании!

Взяв одну из ламп, Аэша пошла в конец сводчатой комнаты и там остановилась.

Мы последовали за ней и увидели, что в стене сделано было что-то похожее на лестницу. Аэша начала легко карабкаться по ступенькам, мы шли за ней. Спустившись по пятнадцати ступеням, мы уткнулись в длинный скалистый откос и при свете лампы взобрались на него. Пока мы шли, я старался запоминать дорогу, насколько мог; это было не трудно из-за фантастичной формы утесов и камней; многие из них походили на мрачные, изваянные из камней человеческие лица.

Наконец я заметил, что мы добрались до самого высокого места конусообразного утеса и открыли узкий и низкий проход, по которому вынуждены были ползти.

Вдруг этот проход закончился пещерой, такой огромной, что мы не могли разглядеть ее сводов. Несколько минут мы шли в полном молчании. Аэша, как белый призрак, мелькала перед нами, пока мы не вошли в другой проход, закончившийся также небольшой пещерой, где мы ясно увидели своды и стены. Из этой пещеры вступили в третий туннель, слабо озаренный неясным светом.

Я слышал, как облегченно вздохнула Аэша, заведя этот слабый, неизвестно откуда исходивший свет.

– Отлично! – произнесла она. – Приготовьтесь вступить в недра земли, в священное место зачатия Жизни, живущей в каждом человеке и звере, в каждом дереве и цветке!

Аэша пошла вперед, а мы тащились за ней. Что предстоит нам увидеть? Прошли туннель. Свет разгорался сильнее, бросая на нас яркий отблеск. И вместе с этим неведомым светом до нас доносился потрясающий душу звук, подобный отдаленному грому или шуму падающих деревьев. О, небо!

Мы стояли уже в третьей пещере, усыпанной белым песком, стены которой потрескались от огня или воды. В пещере не было темно. Ее освещал какой-то красивый розоватый свет. Сначала мы не видели огня и ничего не слышали. Потом вдруг случилось нечто ужасное и удивительное. Через отдаленный конец пещеры с оглушительным шумом, – шум был так ужасен, что мы задрожали, а Джон упал на колени, – ворвался столб огня, подобный ослепительной молнии или разноцветной радуге. Несколько секунд пламя клокотало и ревело, вращаясь в пещере; но потом мало-помалу шум стих и все исчезло, оставив после себя только розовый свет.

– Ближе, ближе! – воскликнула Аэша возбужденным, звенящим голосом. – Смотрите! Вот Фонтан и Сердце жизни, что бьется в груди великого мира!

Мы последовали за Аэшей и остановились у того места, где появлялось пламя, и вдруг почувствовали странное облегчение, прилив дикого веселья и жизнерадостности. То было действие огня жизни, уже влиявшего на нас, одарившего нас силой гиганта и легкостью орла.

Мы посмотрели друг на друга и громко засмеялись. Засмеялся и Джон, не улыбавшийся неделями. Мне казалось, что меня осенил гений, что весь интеллект человеческого ума соединился во мне. Я готов был заговорить стихами, по красоте и стилю не уступавшими поэзии Шекспира. Станные видения мелькали в моем мозгу. Узы плоти моей были сброшены, и дух парил в эмпиреях неизъяснимого могущества и силы! Не могу описать своих ощущений! Что-то странное, необъяснимое!

В то время как я испытывал сладостное ощущение бодрости и возрождения духа, мы слышали снова ужасный шум, с ревом и клокотаньем долетавший до нас. Все ближе и ближе, – словно громоносная колесница неба на блистающих, как молния, конях. Лучезарное ослепительное облако, переливавшееся тысячами радужный огней, остановилось недалеко от нас, потом с грохотом исчезло неведомо куда. Это было такое поразительное

зрелище, что мы, за исключением Аэши, которая стояла, протянув руки к огню, упали и спрятали лицо в песок.

Когда все исчезло, Аэша заговорила:

– Калликрат! – сказала она. – Минута наступила! Когда пламя появится вновь, ты должен омыться в нем. Сбрось свое платье, оно сгорит, но ты останешься невредимым. Ты должен стоять в огне, и когда пламя охватит тебя, постарайся впитать его сердцем, омой в нем каждый член своего тела. Слышишь ли ты меня, Калликрат?

– Я слышу тебя, Аэша, но... я не трус, но боюсь этого дикого пламени. Откуда я знаю, не уничтожит ли оно меня и не погибну ли я и не потеряю тебя? Нет, никогда, я не хочу!

Подумав с минуту, Аэша заговорила:

– Неудивительно, что ты боишься! Скажи мне, Калликрат, если ты увидишь меня стоящей в пламени, если я выйду из него невредимой, согласишься ли ты остаться в нем?

– Да, – отвечал Лео, – тогда я сделаю это! Я войду в огонь!

– И я тоже! – воскликнул я.

– Что такое, Холли? – засмеялась Аэша. – Ведь ты не хотел этого? Как же так?

– Не знаю, – отвечал я, – мое сердце зовет меня войти в огонь и начать новую жизнь!

– Хорошо! – произнесла Аэша. – Ты не совсем безумец. Смотри, во второй раз я омоюсь в пламени живительного огня. Если даже моя красота и жизнь не могут увеличиться еще, все же огонь не тронет меня! Потом, – продолжала она, – есть еще одна серьезная причина, в силу которой я хочу омыться в огне. Когда я вошла в него в первый раз, сердце мое было полно злых страстей, я ненавидела Аменартас, и все эти страсти наложили след на мою душу. Теперь я счастлива, стремлюсь к добру, полна чистых мыслей и намерений. Вот почему, Калликрат, я снова хочу омыться в огне, очиститься для тебя, любовь моя! Потом ты войдешь в огонь! Минут наступает! Будь готов, Калликрат!

XXVI. Что мы видели

Последовало молчание. Казалось, Аэша собирала все свои силы для испытания, пока мы молчали и ждали. Наконец послышался ужасный, грохочущий звук, который все приближался к нам. Услышав его, Аэша тихо сбросила свое газовое покрывало, расстегнула золотую змею у пояса, распустила великолепные волосы, которые окутали ее как платье, и тихо спустила с себя белое одеяние. Так стояла она, как Ева перед Адамом, закрытая только волосами, божественно прекрасная в своей наготе. Ближе и ближе несло пламя.

Вдруг Аэша освободила одну свою точеную руку из массы волос и обвила ею шею Лео, потом, поцеловав его в лоб, пошла вперед и встала там, где должно было пройти пламя.

Что-то трогательное было в тихом поцелуе Аэши. словно нежная мать поцеловала своего ребенка и благословила его!

Опять страшный, потрясающий шум, словно ветер вырывает деревья с корнем... Вот уже отблеск, предвестник огня, стрелой пролетел в воздухе... Вот и пламя...

Аэша повернулась и, протянув руки, низко поклонилась ему. Огонь охватил ее... всю ее фигуру... дивные формы... Я видел, как она подняла обе руки и полила огонь, словно это была вода, себе на голову, открыла рот и втягивала его в себя... Ужасное зрелище!

Потом она стояла тихо, вытянув руки, с небесной улыбкой на лице, словно сама была духом пламени. Таинственный огонь перебегал и играл на ее темных длинных локонах, лизал дивную грудь и плечи, с которых упала волна волос, скользил по ее шее и лицу и загорелся ярким светом в сияющих глазах. Как прекрасна была она в пламени!

Вдруг странная перемена произошла в ее лице. Улыбка исчезла, глаза смотрели сухим, недобрый взглядом, правильное лицо вдруг удлинилось и осунулось, словно она испугалась чего-то, прекрасные формы тела потеряли свои дивные очертания и красоту.

Я протер глаза, думая, что сделался жертвой галлюцинации под влиянием сильного света. Но пламя с грохотом исчезло, и Аэша стояла на своем месте.

Она сделала несколько шагов к Лео, – мне показалось, что ее походка утратила прежнюю грацию, – и хотела положить руку на его плечо. Я взглянул на ее руки. Куда исчезла их необычайная красота? Они были худы и костлявы. А ее лицо! Великий Боже! Лицо ее состарилось на моих глазах! Полагаю, что Лео заметил это, потому что попятился от нее.

– Что случилось, Калликрат? – произнесла Аэша хриплым и глухим голосом. Что стало с ее серебристым музыкальным голосом! – Что такое, что такое? – проговорила она смущенно. – Действие огня, наверное, не изменилось? Скажи мне, Калликрат, что случилось с моими глазами? Я плохо вижу!

Аэша положила руку на голову и дотронулась до волос и – о, ужас! Чудные волосы упали на землю.

– Смотрите! Смотрите! – закричал Джон каким-то диким фальцетом. – Смотрите! Она оплешивела! Она превратилась в обезьяну!

Джон упал на землю с пеной у рта, сжимая кулаки. Глаза его вышли из орбит.

Это была правда. Тяжело вспоминать об этом даже теперь! Аэша лишилась своих чудных волос. Она становилась все меньше и меньше, кожа ее изменила свой цвет и стала похожей на старый пергамент, нежные руки превратились в лапы, фигура напоминала высохшую мумию.

Казалось, она вдруг поняла, что произошло с ней и закричала, – о, как страшно она закричала! Затем упала на пол и продолжала кричать.

Фигура ее все уменьшалась, пока не достигла размеров небольшой обезьяны. Кожа сморщилась; прекрасное лицо сделалось лицом дряхлой старухи. Я никогда не видел ничего подобного и думал, что потеряю рассудок.

Наконец она затихла. Две минуты тому назад Аэша, прекраснейшая, очаровательнейшая, мудрейшая женщина во всем мире, смотрела на нас, улыбаясь своими лучезарными глазами! Теперь перед нами лежало отвратительное существо величиной с обезьяну. И все-таки это была та же самая женщина! Она умирала. Мы видели это и благодарили Бога. Могла ли она жить теперь? Приподнявшись на костлявых руках, она медленно покачивала головой; глаза ее ничего не видели, но говорить она могла.

– Калликрат! – произнесла она хрипло. – Не забывай меня! Сжался над моим стыдом! Я не умру и снова вернусь, снова буду прекрасной, клянусь тебе! О... о... о! – она упала ничком и умолкла.

На том самом месте, где двадцать столетий тому назад Аэша убила жреца Калликрата, она умерла сама.

Подавленные ужасом и страхом, мы упали на песок и потеряли сознание.

Не знаю, долго ли мы пролежали так, вероятно, несколько часов. Когда же я открыл глаза, Лео и Джон лежали еще без чувств. Розоватый свет наполнял пещеру, но когда я очнулся, пламя уже исчезло. Неподалеку лежало маленькое отвратительное существо, похожее на обезьяну, с желтоватой, сморщенной кожей, – когда-то прекрасная Аэша. Увы! Это не был сон, а ужасный непреложный факт.

Почему так получилось? Изменилась ли сущность огня? Не посылал ли он иногда смерть вместо жизни? Я не сомневался, что лежавшая передо мной женщина могла бы жить еще много столетий, если бы жизнь сохранилась в ней!

Кто мог объяснить, что случилось с ней? Позднее я много размышлял об этом. Аэша, сильная, счастливая своей любовью, в ореоле неувядаемой молодости, божественной красоты, власти и мудрости, перевернула бы весь мир, противясь вечному, непреложному закону. И несмотря на свою силу и могущество, она умерла со стыдом и отчаянием. Не перст ли здесь Провидения?

Несколько минут я лежал, мысленно перебирая факты, пока не оправился совершенно и не встал. Вспомнив о других, я, шатаясь, бросился к ним; по пути, подняв одежду Аэши, – ее газовое покрывало, которым она скрывала от людей свою необыкновенную красоту, – я прикрыл им труп.

Перешагнув через душистую массу волос, валившихся на песке, я подошел к Джону и дотронулся до него. Но его рука упала назад, холодная и неподвижная. Ледяная дрожь пробежала по мне, я взглянул ему в лицо и с первого взгляда понял, что наш верный слуга был мертв. Пораженный всем виденным, он испытал сильнейшее нервное потрясение и умер от страха.

Это был новый удар для нас, хотя смерть бедного Джона была вполне естественна. Когда Лео пришел в себя и застонал, дрожа всем телом, я сказал ему о смерти Джона. Он тихо произнес «о!» и умолк. Лео и Джон были сильно привязаны друг к другу, но сейчас Лео не почувствовал своей потери, так как был слишком потрясен и разбит; но вот понемногу он оправился, хотя был еще очень слаб. Я заметил, что золотистые кудри Лео сделались серыми, а когда мы вышли из пещеры, они совсем поседели. Он выглядел на 20 лет старше.

– Что произошло, старый дружище? – произнес он каким-то мертвенным голосом, когда оправился совершенно.

– Пойдем отсюда! – ответил я. – Пламя несется снова сюда!

– Я вошел бы в огонь, если бы знал, что он убьет меня! – ответил он с усмешкой. – Виновата моя проклятая нерешительность. Если бы я не сомневался, Аэша не вошла бы в огонь. Он мог сделать меня бессмертным, но, старый дружище, у меня не хватило бы терпения ждать две тысячи лет, пока она вернется ко мне. Я согласен скорее умереть, когда придет мой час. Омойся в огне жизни, если хочешь!

Я покачал головой. Мое возбуждение давно улеглось и, кроме того, я не знал, как подействует на меня огонь жизни.

– Мальчик мой, – сказал я, – не можем же мы оставаться здесь и ждать смерти. – Я указал на труп Аэши, который прикрыл ее белой одеждой, и на тело бедного Джона. – Самое лучшее – уйти отсюда, но сначала зажжем лампы! – Я взял одну из ламп.

– В кувшине еще есть масло! – ответил Лео рассеянно. – Если только он не разбился.

Я осмотрел кувшин, налил в лампы масла и зажег одну из них. В это время мы слышали грохот и рев приближающегося огня.

– Посмотрим еще на огонь, – сказал Лео, – ведь никогда мы не увидим ничего подобного.

Хоть это и было праздное любопытство, но мы стояли и ждали появления клокочущего пламени. Я думал о том, сколько десятков тысяч лет подобный феномен происходит здесь, в недрах земли, и никогда человеческие глаза не видели этого зрелища, человеческие уши не слышали этого величественного шума! Думаю, что мы – последние из смертных, которые видели огонь жизни. Когда пламя исчезло, мы повернулись, чтобы уйти из пещеры, но прежде я подошел и пожал холодную руку Джона. Только этим я мог выразить мое уважение к усопшему, мое глубокое чувство тоски и сожаления. На труп Аэши нам не хотелось смотреть, но каждый из нас взял себе по одному блестящему черному локону ее волос. Эти локоны хранятся у нас до сих пор, – единственное, что осталось от Аэши, от всей ее красоты и грации, которую мы никогда не забудем. Лео прижал душистый локон к своим губам.

– Она просила меня не забывать ее, – произнес он хрипло, – и клялась, что мы снова встретимся с ней. Клянусь Небом! Я никогда не забуду ее. Клянусь, если мы благополучно выберемся отсюда, я буду ждать ее, как она ждала меня!

«Да, – думал я про себя, – если только „Она“ вернется прекрасной, какой мы ее знали, но если она вернется такой ужасной? Тогда что?»

Мы ушли из пещеры, оставив два дорогих существа в холодном обществе смерти. Как одиноко и печально лежали они в пещере! Эта маленькая обезьяна была когда-то прелестным и гордым созданием...

Бедный Джон! Его предчувствие оправдалось, и смерть пришла к нему. Он нашел себе странное место успокоения, – эту дикую пещеру, – и лежал в одном склепе вместе с останками царственной Аэши.

В последний раз мы смотрели на них и на розоватый свет, наполнявший пещеру, потом с тяжелым сердцем, совсем разбитые, выбрались из нее, чувствуя, что, увидев и узнав Аэшу, уже не сможем никогда забыть ее, пока живы. Мы оба любили ее и будем любить всегда! Она навеки запечатлелась в наших сердцах, и никакая другая женщина не могла больше интересоваться нас. Тяжелой ценой заплатил я за свою любовь к Аэше и часто завидовал Лео, которого она так нежно любила. Если бы ее мудрость и познания не обманули ее, он мог бы смело и с надеждой глядеть в будущее.

У меня не осталось ровно ничего, да мне ничего и не нужно было! Воспоминания об Аэше, ее дружеском отношении ко мне, ее чудесной улыбке... и Лео, – вот и все, что наполняло мое сердце теперь, все, что осталось мне в жизни!

XXVII. Мы ползем

Спокойно прошли мы пещеру, но когда подошли к откосу, то решительно не знали, куда идти далее. Если бы я не запомнил дороги по разнообразным и оригинальным формам утесов, уверен, что мы не нашли бы ее и умерли бы здесь от отчаяния и истощения. Ужасно было пробираться ползком в этом мраке и искать дорогу с помощью слабо горевшей лампы. Говорить мы не могли, тяжелая тоска давила на сердце. Мы ползли вперед, словно собаки, порой падая и ушибаясь. Наш мозг был подавлен, и мы не думали о том, что делаем, повинувшись только инстинкту самосохранения. Около четырех часов ползли мы так, и я боялся, что мы погибнем и заблудимся, как вдруг увидел огромную скалу, которую заметил еще тогда, когда мы шли здесь с Аэшей. Затем мы скоро нашли лестницу и очутились в маленькой комнате, где умер ученый Нут.

И вновь ужас овладел нами. Как перейдем мы пропасть без доски, которую уронил Джон?.. Оставалось одно – попытаться перепрыгнуть ее или погибнуть здесь! Расстояние было невелико, около 12 футов, я думаю, а Лео прыгал на расстояние в 20 футов, когда был еще учеником колледжа. Но оба мы теперь были измучены, разбиты и едва ли были в силах прыгать через пропасть. Когда я сказал об этом Лео, он ответил мне, что нам нужно выбрать одно из двух: или верную смерть в этой комнате, или рискованный прыжок. Чтобы решиться прыгнуть через пропасть, нужно было дожидаться лучей света, которые проникали сюда на закате солнца. Мы поползли на верхушку громадного камня и легли на него, ожидая света, так как лампа наша должна была скоро погаснуть. Вскоре она действительно погасла.

Внизу в комнате мы слышали рев ветра, а теперь, лежа на этом камне, были в его власти. Яростно налетал он, носясь и завывая в пропасти и вокруг нас, словно тысячи грешников в аду. Час за часом лежали мы так в непроглядной тьме, прислушиваясь к дикому вою ветра. Никакой кошмар, никакое воображение романиста не может представить себе всего ужаса этого места, дикого вопля ночных голосов, когда мы лежали над бездной и смотрели в ее бездонную глубину. К счастью, ветер был теплый, и мы не озябли. Вдруг случилось нечто неожиданное.

Читатель помнит, что когда Аэша стояла на скале, ветер сорвал с нее темный плащ и унес его куда-то в темноту. Пока мы лежали на камне, этот самый плащ вынырнул из мрака, словно воспоминание об умершей Аэше, упал на Лео и покрыл его с ног до головы. Сначала мы не могли представить себе, что это такое, но скоро поняли, в чем дело, и в первый раз в жизни бедный Лео не выдержал и зарыдал. Несомненно, этот плащ висел где-нибудь на утесе и был унесен оттуда сильным порывом ветра. Странное и трогательное явление!

Скоро появился луч света, прорезавший окружающую нас темноту.

– Теперь или никогда! – сказал Лео.

Мы встали, взглянули вниз и мысленно приготовились к смерти.

– Кто идет первым? – спросил я.

– Иди ты, старый дружище! – ответил Лео. – Я посижу на камне. Прыгай выше... и помоги нам Бог!

Я кивнул, повернулся, обнял его и поцеловал в лоб. Этого я не делал никогда с самого детства Лео. Мне захотелось проститься с Лео, которого я любил больше, чем сына.

– Прощай, дорогой мальчик! – сказал я. – Надеюсь, что мы вновь встретимся, что бы ни случилось!

Я не ожидал, что останусь жив.

Затем я отошел к краю скалы, переждал порыв ветра, разбежался и прыгнул.

О, какой леденящий ужас охватил меня, когда я понял, что прыжок мой слишком слаб! Моя нога не коснулась скалы, только руки и туловище дотронулись до нее. С воплем ухва-

тился я за утес, но рука моя соскользнула, – и я повис в воздухе над бездной, кое-как ухватившись за колеблющийся камень обеими руками. Несмотря на свою силу, я не мог ничего поделать. Мне предстояло висеть так с минуту и упасть в пропасть. Ужасное положение!

Лео вскрикнул, и я видел, как он прыгнул, словно серна. Это был великолепный прыжок, сделанный в минуту отчаяния и ужаса.

Легко перепрыгнув через пропасть, он очутился на скале и бросился вниз лицом на нее. Я чувствовал, как мой камень закачался под его тяжестью, а другой обломок скалы потерял равновесие, удерживавшее его здесь в течение целых столетий, и с шумом покатился в комнату, где умер Нут, навеки загородив проход в пещеру Огня.

Затем я почувствовал, что Лео схватил меня за руку.

– Не держись так крепко, свободнее! – сказал он спокойно. – Я попытаюсь втащить тебя, или свалимся вместе в пропасть. Готов ли ты?

Я отпустил сначала правую руку, потом левую и всей тяжестью повис на руках Лео. Ужаснейшая минута! Он был очень силен, но мог ли он поднять меня на скалу?

Несколько секунд качался я взад и вперед, пока он собирался с силами, потом я слышал, как хрустнули его крепкие мускулы, и почувствовал, что меня подняли, как ребенка, и положили на утес.

Долго мы лежали на скале рядом, дрожа, как листья.

Затем свет угас. Около получаса мы лежали молча, наконец поползли дальше в темноте. Порывы ветра ослабели, и мы добрались до входа в первую пещеру. Новое препятствие предстояло нам одолеть. Масла не было, лампы разбились, у нас не было ни капли воды, чтобы утолить жажду. Как мы пойдем дальше? Нужно было довериться своим чувствам и ползти в темноте, и мы ползли, боясь, что ослабеем и умрем от истощения. Что это за ужасный туннель! Он был усеян острыми обломками скал, мы спотыкались о них и скоро были все изранены и покрыты кровью. Мы держались за стену туннеля, пока ползли, совсем растерянные, в окружавшем нас мраке. Так двигались мы час за часом, останавливаясь на несколько минут, чтобы отдохнуть и набраться сил. Один раз мы упали, заснули и проспали, я думаю, несколько часов, потому что, когда проснулись, несколько окрепли и кровь из ран и царапин запеклась на коже. Снова потащились мы вперед и начали уже отчаиваться, как вдруг увидели дневной свет и очутились у выхода из туннеля.

Было раннее утро. Свежий воздух повеял нам в лицо, мы увидели ясное небо, которое не надеялись уже видеть больше. Оказалось, что мы провели целую ночь в туннеле.

– Еще усилие, Лео! – пробормотал я, – и мы доберемся до того места, где остался Биллали. Иди, соберись с силами!

Лео, совершенно выбившийся из сил, встал, и кое-как поддерживая друг друга, мы отправились дальше. На руках и коленях доползли мы до рощицы, где Аэша приказала Биллали ожидать нашего возвращения. Не успели мы пройти 40 ярдов, как вдруг из-за деревьев выскочил немой слуга и побежал к нам, чтобы разглядеть необыкновенных четвероногих. Он посмотрел на нас, в ужасе поднял руки и упал на землю. Неудивительно, что он испугался при виде нас, так как мы представляли собой ужасное зрелище. У Лео золотые кудри совсем поседели, платье разорвалось, лицо измучено, руки в ранах и синяках, и он с трудом тащился по земле. Я, покрытый кровью и грязью, изнемогал. Когда через два дня я увидел свое лицо в зеркале, то едва узнал себя. Я всегда был некрасив, но теперь тоска и пережитое горе ясно запечатлелись на моей физиономии, придав ей какой-то дикий, растерянный вид человека, не успевшего очнуться от глубокого сна.

Скоро я увидел Биллали, который спешил к нам. Не могу вспоминать без улыбки растерянное выражение его почтенной физиономии.

– О, моя Обезьяна! – кричал он. – Дорогой мой сын, ты ли это, и молодой Лев здесь? Отчего его золотые волосы стали белыми? Откуда вы пришли? Где же Свинья? Где «Она», которой повинуются все?

– Умерли, оба умерли! – ответил я. – Не спрашивай, помоги нам, дай поесть и пить, или мы умрем на твоих глазах. Наш язык почернел от жажды. Разве мы можем говорить?

– Умерла? – пробормотал он. – Невозможно! «Она» – бессмертна. Как могла она умереть?

Заметив, что немые слуги наблюдают за его лицом, он опомнился и сделал им знак отвести нас в лагерь.

К счастью, когда мы очутились на месте, что-то кипело на огне. Биллали накормил нас, – мы были не в силах сами есть, – и этим спас от смерти. Затем он приказал слугам смыть с нас кровь и грязь и положить на кучу ароматной травы, и мы тотчас же уснули мертвым сном.

XXVIII. По горам

Первое, что я почувствовал, когда очнулся, это ощущение окоченелости всего тела. В моем измученном мозгу родилась мысль, что я ковер, из которого выбивали пыль.

Я открыл глаза и увидел почтенное лицо нашего старого друга Биллали, который сидел около меня, задумчиво поглаживая седую бороду. Его присутствие напомнило мне обо всем, что случилось с нами. Потом я увидел бедного Лео, лежавшего возле меня с почерневшим лицом и седыми кудрями¹⁴. Я закрыл глаза и застонал.

– Ты долго спал, мой сын! – сказал Биллали.

– Как долго, отец мой?

– Солнце сделало круг, и луна сделала круг, ты проспал день и ночь, так же, как и Лев. Смотри, он все еще спит!

– Да будет благословенен этот сон! – сказал я. – Он поглощает воспоминания!

– Скажи мне, – произнес Биллали, – что такое случилось с вами, и что это за странная история смерти «Ее», которая не может умереть? Подумай, сын мой! Если это правда, то ты и молодой Лев в большой опасности! Раскаленный горшок наденут вам на голову и съедят вас, потому что жаждут вашей крови! Разве ты не знаешь, что мои дети, народ Амахаггер, ненавидят вас? Они ненавидят вас как чужеземцев, и за то, что «Она, которой повинуются все», отдала на мучения и смерть из-за вас многих из их братьев! Как только они узнают, что им нечего бояться Хийи, они сейчас же убьют вас! Ну, расскажи мне все, мой сын!

Я рассказал ему многое, хотя и не все. Он понял, что Аэша не существует более; она сгорела в вулканическом огне. Я также рассказал ему все ужасы, которые нам пришлось пережить, когда мы бежали из пещеры. Мой рассказ произвел на него глубокое впечатление, хотя я думаю, он не поверил до конца в смерть Аэши: мы могли думать, что хотели, а «Она» исчезла только на некоторое время.

– Однажды, – прибавил Биллали, – еще при жизни его отца «Она» исчезала на целых 12 лет и снова появилась, убив женщину, которая вздумала провозгласить себя королевой.

Я промолчал и печально покачал головой, зная, что Аэша никогда не вернется и Биллали никогда не увидит ее больше.

– Ну, что же ты будешь делать теперь, сын мой? – спросил Биллали.

– Не знаю, отец мой! – ответил я. – Не можем ли мы уйти отсюда, из вашей страны?

Он покачал головой.

– Очень трудно это. Через развалины Кор вам не пройти, вас увидят, а раз увидят, то сейчас же...

Биллали многозначительно усмехнулся и поднял руку, словно надевая шляпу себе на голову.

– Есть еще дорога через утесы, по которой гоняют скот на пастбище. За пастбищем тянутся болота на три дня пути, и я слышал, что дальше течет великая река, которая впадает в черную воду. Если бы вы добрались до берегов реки, тогда могли бы уйти, но как вы проберетесь туда?

– Биллали, – произнес я, – однажды я спас тебе жизнь. Заплати мне долг, мой отец, и спаси нашу жизнь! Тебе будет приятно вспомнить, когда придет твой смертный час, что ты спас нас и этим искупил сделанное тобой зло. А если «Она», как ты говоришь, придет опять, то щедро наградит тебя за нас!

¹⁴ Курьезный факт: позднее волосы Лео приняли почти прежний цвет и теперь кажутся желтовато-серыми. Я надеюсь, что со временем они будут опять золотистыми.

– Сын мой! – ответил старик. – Не думай, что у меня неблагодарное сердце. Я помню, что ты спас меня, когда эти собаки стояли и смотрели, как я тонул. Я отплачу мерой за меру, и если можно вас спасти, спасу. Слушай: завтра на рассвете будут приготовлены носилки, чтобы нести вас через горы и болота. Сделаю я это по приказу «Той, которой повинуются все», а кто не послушается ее слов, будет пищей гиенам и шакалам. Когда вас перенесут через болота, вы можете бежать и добраться до черной воды, о которой я слышал. Смотри, вот просыпается Лев, вы должны сейчас поесть пищи, которую я приготовил для вас!

Положение Лео не было так печально, как можно было ожидать, и мы отлично поели, поскольку нуждались в подкреплении сил.

Потом мы пошли к ручью, вымылись, вернулись и проспали до вечера, и тогда снова поели. Биллали не видно было в течение целого дня. Несомненно, он делал распоряжения относительно носилок и носильщиков. В середине ночи нас разбудило появление каких-то людей.

На рассвете Биллали пришел к нам и сказал, что только именем «Той, которой повинуются все» с большим трудом ему удалось достать нужных носильщиков и двух проводников. Он предложил нам отправиться в путь, заявив, что хочет сам сопровождать нас, боясь измены со стороны дикарей. Я был очень тронут этой добротой старого дикаря, хотя путешествие по ужасным болотам в течение 6 дней не могло быть приятно человеку его лет. Он решил на это только ради нас. Среди мрачных дикарей с их дьявольски жестокими обычаями, очевидно, были люди и с добрым сердцем. Несомненно, у Биллали был свой расчет, так как он надеялся, что «Она» появится снова и потребует у него отчета о нас. Могу сказать только, что до конца дней моих сохраню самое теплое воспоминание о Биллали.

Позавтракав, мы уселись в носилки, немного оправившись и отдохнув от пережитого. Затем последовал ужасный подъем на утесы. Дикари гоняют по этому пути свой скот на пастбище, и надо полагать, что здешний скот обладает большой выносливостью.

Носилки были бесполезны, нам пришлось идти пешком. Около полудня мы достигли вершины огромной скалистой стены, с которой открывался дивный вид на равнину Кор, в центре которой мы ясно различали развалины храма Истины, а по другую сторону – бесконечное болото. Эта стена, очевидно, была когда-то жерлом кратера, на ней не осталось никакой растительности, только изредка попадались лужи с водой. Мы спустились довольно спокойно, потому что спуск был безопаснее подъема, и остановились на ночлег на одном широком откосе, спускавшемся в болото.

На следующее утро в одиннадцать часов началось ужасное путешествие по болотам. Целых три дня, задыхаясь от вони и тяжелых испарений болота, по колено в грязи, шли наши носильщики, пока мы не добрались до твердого грунта совершенно невозделанной и пустынной местности.

Здесь, утром, не без сожаления, мы простились со старым Биллали, который торжественно благословил нас.

– Прощай, мой сын, – сказал он, – прощай и ты, Лев. Я не могу больше ничем помочь вам. Но если вы вернетесь благополучно в свою страну, примите мой совет и не пытайтесь больше попасть в незнакомую страну, откуда можете никогда не вернуться и где ваши кости будут границей вашего путешествия. Прощайте еще раз! Часто я буду вспоминать вас. Не забывай меня, Обезьяна, сын мой; хотя лицо твое безобразно, но сердце честно и верно!

Биллали повернулся и ушел, а за ним наши высокие, мрачные носильщики. В последний раз в жизни мы видели дикарей Амахаттер. Долго следили мы за ними, – за процессией пустых носилок, которая походила на погребальную, пока они не скрылись в тумане. Мы остались одни среди пустыни, печально осмотрелись вокруг и взглянули друг на друга. Три недели тому назад четыре человека в первый раз шли по болотам Кор. Теперь двое из нас

умерли, а мы двое, оставшиеся в живых, вынесли столько горя, страданий, такие ужасные приключения, что сама смерть не могла быть ужаснее их.

Три недели – только три недели! Право, нужно измерять время событиями, а не часами. Нам казалось, что прошло 30 лет с того времени, как нас взяли в плен в нашей лодке.

– Нам надо добраться до Замбези, Лео, – сказал я. – Бог знает, попадем ли мы туда!

Лео только кивнул головой – он стал очень молчалив. Мы отправились в путь, имея только компас, револьверы, винтовки и то платье, в которое были одеты. Так заканчивается история нашего открытия древних руин великого и царственного Кор...

* * *

На этих страницах я представил только краткий отчет о нашем путешествии и наших приключениях, которые свежи в моей памяти; что касается последующих событий – это неинтересно. Достаточно сказать, что после множества бедствий и лишений мы достигли Замбези, которая находилась на 170 миль южнее того места, где мы простились с Биллали. Здесь целых 6 месяцев мы были в плену у дикого племени, которое считало нас сверхъестественными существами из-за молодого лица и седых волос Лео. Мы бежали из плена и долго странствовали, пока нам не посчастливилось наткнуться на португальского охотника, сопровождавшего слонов куда-то в глубь страны. Этот человек отнесся к нам очень хорошо, и с его помощью мы достигли залива Делагоа, через 18 месяцев после того дня, как покинули болота Кор. Наше путешествие в Англию было благополучно, и мы очутились на набережной Соусемптона ровно через 2 года со времени отъезда в нашу оригинальную экспедицию.

Этим кончается вся история, но так как она началась более двух тысяч лет тому назад, то мы с Лео думаем, что она может продолжаться еще долго в туманной дали будущего.

* * *

Действительно ли Лео возродился в оболочке своего предка Калликрата? Или Аэша обманулась? Быть может, Устана повторила Аменартас? Пусть читатель решает сам, а по моему мнению, «Она» не могла ошибиться. Часто не сплю я ночами, пытаюсь мысленно проникнуть во мрак времен и догадаться, чем закончится великая драма, которую играть будет прекрасная египтянка Аменартас, принцесса царственной крови фараонов, из любви к которой жрец Калликрат нарушил свой обет Изиде и, преследуемый гневом оскорбленной богини, бежал к берегам Ливии, чтобы умереть в развалинах царственного Кор от руки Аэши!